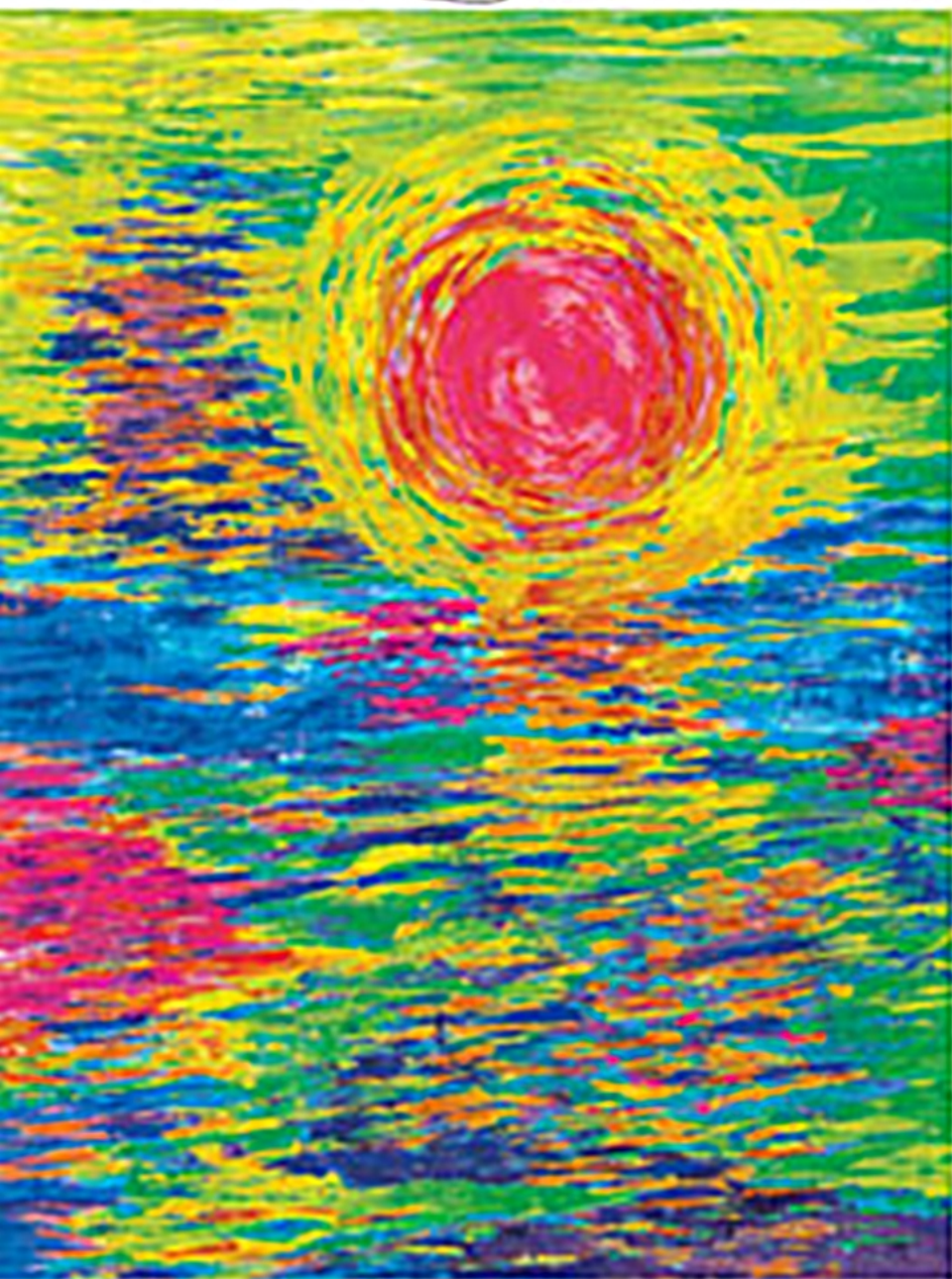

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 2 / 2013

Сентябрь-Декабрь

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 2/2013

№ 2 (17)
Издается с 2006 года

www.znanie-sila.su

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

М. Кива

Подписано к печати 12.08 2013
Формат 60х90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31.95.
Тираж 100 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@topnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.west-consulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 17

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМОС

3 *С. Бугримов*
Финишная кривая

13 *М. Гелприн*
Камикадзе

БУДУЩЕЕ

19 *К. Берендеев*
Мы остаемся здесь (повесть)

47 *А. Михалевская*
Программа максимум

55 *А. Карелин*
Профи

ЭКСПЕРИМЕНТ

60 *А. Гор*
Семь кругов ада (повесть)

88 *А. Уразов*
Интеллект 3000

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

101 *Е. Зарецкая*
Телепортация с сюрпризом (повесть)

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

131 *В. Ларин*
Феномен

Сергей Бугримов

Финишная кривая

Шеф главного стратегического управления Комитета Галактической Безопасности Валеф Хомич вот уже как минут сорок пребывал в состоянии глубокого размышления, выкуривая сигарету за сигаретой, и при этом, не делая хоть какого-нибудь минимального перерыва. Ему просто было не до этого. Рука автоматически засылала в пепельницу очередной окурок, затем так же автоматически доставала следующую сигарету, а легкие в том же автоматическом режиме всасывали и выпускали обратно клубы сизого ароматного дыма. Импульсно-молекулярная пепельница еле успевала очищаться, раскладывая окурки и прочее содержимое на атомы. Еще одна затяжка, и струя дыма, образно выражаясь, попала не в то горло. Валеф Хомич закашлялся, что помогло ему выйти из задумчивости. Он тут же вызвал начальника Секретной Службы Рогена Айка. Тот, в свою очередь, заставил себя ждать лишних несколько минут.

— В чем дело, полковник? Где вас черти носят?! — зарычал шеф, окинув подчиненного испепеляющим взглядом.

— Прошу прощения, сэр! — спокойно и четко прозвучало в ответ. — Опять какой-то шутник сообщил, что лифт заминирован, поэтому пришлось подниматься пешком.

— Небось, снова проделки этого сопляка! — хмыкнул Валеф Хомич, имея в виду сына Верховного Магистра, который не брезговал такими розыгрышами, чувствуя, исходя из статуса родителя, абсолютную безнаказанность.

— Не могу знать! — отчеканил полковник. — Однако подозреваю, что это предположение самое верное. Кто ж еще рискнет заниматься подобными глупостями! Искать приключение на свою... кх... пятую точку!

— Да, это точно, — констатировал шеф. — Ладно. Теперь к делу! Наша славная агентура — Z разнюхала очень существенный фактор. Изобретен некий приборчик, который способен трансформировать любое биологическое существо в биологическое существо любого вида. К примеру, вас, полковник, можно элементарно превратить, как в какое-нибудь безмозглое безобидное травоядное, так и в коварного хищника, пожирающего все, что только шевелится. Как вам такая перспектива, Роген Айка? Заманчива?

— Не очень, — ответил тот. — Мне бы что-нибудь романтичнее: Птица-Удачи с планеты Тук, или, допустим, Змей-Искуситель с Визуальной Туманности. А лучше всего трансформироваться конкретно, в самого Господа Бога, и сразу решить все свои проблемы.

Полковник был одним из немногих, если не единственным, кому Валеф Хомич в общении с ним позволял несколько больше, чем остальным подчиненным. Он у него был, что-то вроде любимчика, которому прощалась некая ограниченная фамильярность. Со своей же стороны Роген Айк очень хорошо чувствовал границы этических норм и не выходил за рамки дозволенного.

— Рискованно, — ухмыльнулся шеф. — А вдруг Он не существует! И трансформируешься в Ничто! Как, согласен?

— Что ж, риск, как говорится, дело благородное. Либо все, либо ничего! По-моему, вполне справедливо. — И полковник щелкнул каблуками.

— Ну, достаточно! Пошутили, и хватит! — Взгляд начальника стал серьезным и колючим, как всегда, когда дело касалось глобальных масштабов национальных приоритетов. — Этот приборчик я хочу лицезреть на своем столе... — он посмотрел на часы, на мгновение задумался, почесал в затылке, затем, хитро прищурившись, подвел итог, — как можно скорее. Задание понятно?

— Так точно, сэр!

— Вот все необходимые данные, которые вам понадобятся, — протянул Валеф Хомич полковнику клочок бумаги. — Запомнить, и сразу сжечь. Вопросы есть?

— Никак нет!

— Тогда, с Богом!

— Которого нет? — не удержался Роген Айк, чтобы не съязвить.

— Который, не смотря ни на что, может быть! — махнул рукой шеф, выпроваживая подчиненного.

Салеман Кох проснулся от зуммера видеофона. Он протер глаза и бросил взгляд на часы: те показывали глубокою ночь. Пробурчав дежурное проклятие, он потянулся к пульту и нажал кнопку связи. На экране появилось растерянное лицо заместителя главного военного консультанта Вернера. Его губы несли какую-то несуразицу.

— Извините, но у нас... это... ЧП... Исчез «Бионатор»... Вернее, он вроде есть, и в то же время это не он... Совершенно другие позывные!.. И главное — не работает!.. Внешне очень похож; однако, только внешне. Внутри явно чего-то не хватает... Мы проводили секретное испытание. Последнее... Генеральное... Пригласили нашего основного стратегического партнера... И вот!.. Пропуск на ваше имя уже готов. Вас ждут... Еще раз прошу извинить, что пришлось потревожить вас в столь поздний час...

Салеман Кох еще не успел окончательно проснуться, а посему суть сего монолога осталась за пределами его сознания. Он лишь понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее, иначе как еще объяснить столь вежливое к нему обращение со стороны этого выскочки, этого заместителя, этого карьериста, который готов даже по трупам идти, только бы подняться по служебной лестнице на ступеньку выше.

— Я сейчас, — сухо бросил он, и отключился.

Уже по дороге в «Центр» до него дошел весь трагизм положения. Впрочем, паниковать было еще рано. Мало ли что померещилось этим

дилетантам! «Бионатор» — прибор специфический, и вполне мог закапризничать. А те сразу и шум поднимают! Как за его спиной испытывать его же родное детище, так это нормально! А чуть что не так — сразу к нему, катастрофа мол! Ну, ничего, теперь он их подоит! Найдутся средства и на новую лабораторию, и на прочие идеи, которые все они считают сумасшедшими... Вряд ли с прибором что-то серьезное! Скорей всего, он самотрансформировался. Сработала защитная реакция... Да, похоже, что именно так оно и произошло...

С этими ободряющими мыслями Салеман Кох и предстал перед очами узкого круга избранного генералитета во главе с главнокомандующим и, разумеется, не менее значительной фигуры, главного военного консультанта. Все посмотрели на вошедшего с какой-то крохотной надеждой, пробивающейся сквозь еле заметную щель в царствующей обреченности. Один из присутствующих протянул ученому прибор.

— Надеюсь, профессор, вы сможете всех нас успокоить!

Салеман Кох взял протянутый ему предмет, и тут же, по моментально изменившемуся выражению его лица, всем окружающим стало ясно, что подтверждаются самые худшие предположения.

— Что это?.. — хрипло выдавил профессор, не узнавая собственный голос. — Вот этот жалкий кусок криомассы и есть то, над чем вы ломаете голову? И вы пытались еще что-то вымучить из этого?! Это же просто бездарно слепленный макет! Настолько бездарно, что я не в силах понять, как вообще его можно было хоть на секунду принять за оригинал!

— Бездарно то бездарно, — авторитетно изрек главный военный консультант, — однако сам то оригинал похищен в высшей степени профессионально. Я бы даже сказал, гениально! Все до единого, кто хоть отдаленно теоретически мог быть причастен к этому делу, уже подверглись экстрасенсорному допросу, включая и присутствующих здесь, и никто, как говорится, ни сном, ни духом. Внутренний враг не обнаружен. Стало быть, эту сверхнаглую акцию, каким-то совершенно непонятным образом, провернул абсолютно посторонний субъект. Что ж, уже то хорошо, что хоть предателей в наших рядах не наблюдается... Ладно, полное расследование данного инцидента оставим на потом, сейчас нет времени. Сейчас основная задача — вернуть «Бионатор». Любой ценой! И перво-наперво, необходимо перекрыть все возможные лазейки в контролируемой нами зоне, через которые можно незаметно улизнуть. Понятно, что похититель еще не успел покинуть границ наших владений. Однако времени в обрез. Задача ясна?.. тогда, за дело!..

Джебра Моут своей легкой воздушной походкой бесшумно впорхнула в отсек управления. Вилт Хабар, почувствовав знакомый аромат, оторвался от пульта и повернулся к ней.

— Кажется, мы немножко не успели, — поставил он ее перед фактом. — Все варианты отхода, как запланированные, так и запасные, заблокированы. Мы в кольце. И даже эта симпатичная вещичка, — вытянул он руку, на ладони которой покоился, весело играя световыми бликами, «Бионатор», — не поможет нам. И почему эта штука не в состоянии сделать

нас невидимками! Надо будет пожаловаться в Комитет Новейших Технологий! Куда они только смотрят! Невозможно же работать! Как ловить нас, так здесь технологии постоянно совершенствуются, а как нам уходить от преследования, так приходится самостоятельно заниматься изобретением, сразу же внедряя в практику те или иные новшества!.. Ну, что будем делать?

— Для начала, я бы выпила кофе, — грациозным движением поправила свою прическу Джебра. — Ты не находишь, что я несколько поправилась? — бросила она мимолетный взгляд на отражение в зеркале.

— Ничуть, — оценивающе посмотрел на нее Вилт Хабар. — Ты в полном порядке. Кофе, разумеется, натуральный? — нажал он одну из кнопок сервисного обслуживания.

— Разумеется.

Девушка сделала глоток, второй, поставила блюдце с чашкой на стойку, и та исчезла вместе с посудой, оставив лишь соблазнительно расслабляющий запах свежеприготовленного напитка.

— А теперь можно подумать и о тех мелочах, на которые ты так акцентируешь внимание, — лукаво улыбнулась она, эротично проведя розовым язычком по тонким обворожительным губкам, слизывая остатки кофе. — Тут недалеко, на одной планетке, скоро состоится старт гонки «Формула Люкс». Финиш в четвертом квадрате Девятой Галактики, в системе Тройной Звезды.

— Ясно, — как-то без особого энтузиазма отреагировал Вилт Хабар. — Ты намекаешь, что мы можем кому-то из гоночных экипажей упасть, так сказать, на хвост, и контрабандным образом выбраться из опасной зоны. Не хочу разбивать твои иллюзии, но, к сожалению, придется. Аппараты «Формулы Люкс» рассчитаны строго на определенную вместимость. Лишнего места ни на йоту. Да и не только этот нюанс присутствует, хотя он и определяющий. Если бы даже и нашлось какое-нибудь крохотное местечко, то заполнить его дополнительным весом, значило бы наверняка проиграть. А заранее отказаться от победы в столь престижной гонке, нужно быть полным идиотом. Да ни за какие деньги никто с нами и говорить об этом не станет! Можешь мне поверить! А скорее всего, обратись мы с подобным предложением, нас тут же сдадут властям. Конечно, идеально было бы воспользоваться этим коридором, потому как в процессе гонок он будет менее всего подвластен пограничному контролю, но...

— Ох уж это твое «но»! — плюхнулась Джебра Моут в кресло, забросив точеные ножки на пульт управления. Каблучок случайно нажал на какую-то кнопку, и на экране появилась планета, со всеми соответствующими характеристиками.

— Осторожней! — выпалил Вилт Хабар. — Это еще что такое? — уставился он на экран.

— Смотри, как удачно! — восторженно воскликнула девушка. — Это и есть та самая планета! Тебе не кажется, что она действительно приглашает нас к себе в гости? Это знак! Добрый знак!.. К тому же, я давно уже мечтала познакомиться с многократными чемпионами «Формулы Люкс» Волом дер Кью и Лэтом Сити... Ну, если не познакомиться, то, хотя бы, воочию увидеть их вблизи. Я ведь с детства их фанатка... Ну, а об остальном подумаем

уже на месте. Уверена, в твою умную голову как всегда залетит блестящая мысль. — И она хитро подмигнула.

Старт гонки «Формула Люкс» сопровождался в этот раз небывалым ажиотажем. Это был юбилейный старт, и организаторы решили ознаменовать сие торжественное событие ярким незабываемым шоу. Собралась уйма народа; прибыли даже те, кто никогда раньше не интересовался подобными соревнованиями. Еще бы, пропустить такое зрелище! А зрелище и впрямь было грандиозное! Естественно, что всем желающим места не хватило, и тем, кому не посчастливилось, пришлось довольствоваться, как и остальным, галотрансляцией. Разумеется, все это мероприятие освещала значительная армия журналистов, как самых прожженных, так и еще совсем начинающих.

Вол дер Кюи производил генеральную техническую проверку двигателей, когда появился его напарник Лэт Сити.

— Слушай, Вол. Тут одна журналистка очень хочет взять у тебя интервью. Такая настойчивая, что...

— Пошли ее подальше! — отмахнулся тот. — Сколько можно! Надоели они все!

— Но...

— Что, уже успел пообещать?

— Честное слово, держался до последнего, сколько мог! Да только она победила! Даже не знаю, чем она меня взяла. Что-то в ней есть такое, что не позволяет отказывать ей.

— Как зовут?

— Какая-то Ласта Би-Шу.

— Первый раз слышу.

— Я тоже. Скорее всего, начинающая. Однако уже чувствуется профессиональная хватка. Наверняка далеко пойдет!

— Ладно, — сдался Вол дер Кюи, — убудим практикантку. Давай ее сюда! Только, предупреди, чтоб на длительную беседу не рассчитывала. Несколько вопросов, и все.

Через мгновение Ласта Би-Шу в сопровождении своего оператора вошла в предстартовый блок, куда, в принципе, посторонние не допускались, но для нее было сделано исключение; уж очень она просила взять интервью в спокойной обстановке, без лишних глаз, мотивируя это чрезмерным волнением дебютантки.

— Ну что, поехали! — развернулся Вол дер Кюи в штурманском кресле к пульту управления, снял блокировку с кнопки запуска, и, как только табло отсчитало последние секунды и прозвучал сигнал, запустив двигатели, рванулся со старта. Видеовизор, по которому шла прямая трансляция гонки, взорвался ликующими возгласами болельщиков. Комментаторы, перебивая друг друга, соревновались между собой, кто лучше ведет репортаж; и от этого репортаж, как таковой, нельзя было назвать идеальным, но на фоне непрекращающихся салютов, фейерверков, и прочей пиротехники, сей незначительный нюанс, просто растворялся в общем восприятии.

Лэт Сити разобрался, наконец-то, с электронным бортовым журналом и переключился на анализ маршрута.

— Ты там как, без меня пока ориентируешься? — спросил он Вола дер Кюи, не отрываясь от дорожной кристаллограммы.

— Да вот, плетемся последними, — сухо ответил тот, пребывая явно не в восторге от подобного факта. — Как-то непривычно видеть перед собой чей-то зад; больше пристало уносить на полных парах собственный. Давай-ка, поскорее вводи данные, да пора начинать настоящую гонку!

— Сейчас... Еще секундочку.. Готово!

— Отлично! — азартно осклабился Вол дер Кюи. — Ну, голубчики, держитесь! Сейчас я вам преподам урок пилотирования!

То, что произошло в следующий отрезок времени, вполне могло бы войти в учебники. «Фаворит» (так называлась посуда действующих чемпионов) включил гидрофорсаж, и почти впритирку вклинился между «Призраком» и «Принцем». Те, с перепугу, метнулись в стороны, и чуть было не вылетели за пределы трассы, что автоматически привело бы к их дисквалификации. Именно, исходя из этого, Вол дер Кюи и не пошел на обгон по краю, а решил действовать наверняка, в своем духе. То есть, не взирая на степень риска, идти самым оптимальным путем. Оптимальным, понятно, с его точки зрения; многие другие расценили бы подобный шаг, как чистое безумие. Для него же это был всего лишь еще один повод, чтобы проверить свое мастерство; и не только проверить, но, и, по возможности, повысить его. Что, в принципе, и получилось. В такой тесный коридор, когда борт чуть ли не касается другого борта, да еще с двух сторон одновременно, он вклинился впервые. Поэтому не удивительно, что с его уст сорвалось еле слышное, удовлетворенно-расслабленное: «Ух!»

— Ну, кто у нас следующий? — с напускным вызовом воскликнул Вол дер Кюи, потирая свои огромные волосатые лапы. — Ага, вижу!

«Формула Люкс», в отличие от других гонок, представляла сложность еще и в том плане, что ограничения существовали не только слева и справа, но так же сверху и снизу. Нарушить дозволенные границы, и тем самым лишиться права на дальнейшее состязание, с одинаковым успехом можно было, совершая обгон, как над соперником, так и под ним.

«Мыслитель» и «Ангел» шли таким же аналогичным тандемом, как и предыдущая парочка, зорко следя друг за другом, и выбирая момент для рывка. «Фаворит» сделал их так же легко и непринужденно; те только и успели, что проводить взглядом удаляющийся хвост.

Оставив позади себя, практически играючи, еще нескольких участников гонки, Вол дер Кюи вывел «Фаворит» на третье место. Впереди маячило лишь двое соперников. Один из них, «Старатель», пока что безуспешно пытался обойти лидера, который, удачно маневрируя, не предоставлял ближайшему преследователю такой возможности. Наконец-то «Старатель», уловив некоторую оплошность соперника, успел заполнить появившуюся на миг лазейку. Так они и понеслись, нос к носу, отбросив всякую стратегию, и имея только одну цель: первым дойти до финиша.

«Фаворит», уже не так стремительно, тем не менее, приближался к основным конкурентам на победу. Ставка была на то, что и здесь особых

проблем не возникнет. Вол дер Кюи произвел необходимые расчеты и уже в уме почти отсчитал старт для ускорения, однако действия соперников в это время заставили его вполне конкретно выругаться и нервно сплюнуть. После чего, он расслабленно откинулся на спинку штурманского кресла.

«Армагеддон», бывший единоличный лидер, а ныне делящий сей статус со «Старателем», подлетел ближе к соседу, намекая, что в споре за данный чемпионский кубок третий, то бишь «Фаворит», явно лишний. «Старатель», в свою очередь, намек понял, и тут же сделал аналогичный ход. Оба экипажа, уже владея информацией, как Вол дер Кюи разбирается с соперниками, особенно, когда те следуют бок о бок, пришли к единому мнению, что первым делом нужно не допустить, чтобы он вырвался вперед, а уж потом, когда эта проблема перестанет быть такой актуальной, и финиш появится на горизонте, решить уж тогда между собой судьбу главного приза. Они сблизилась настолько, что даже теоретически проскочить по центру было нереально.

— Может, попробуем обойти с краю? — после непродолжительной паузы подал голос Лэт Сити.

— Вряд ли получится, — не меняя расслабленной позы, ответил Вол дер Кюи. — Эти ребята настроены решительно. Вот, смотри!

Он вильнул сначала в одну сторону, и тут же «Армагеддон» сделал то же самое, преграждая «Фавориту» путь; затем вильнул в другую сторону, и аналогичный маневр изобразил уже «Старатель».

— Да-а, — глубокомысленно изрек Лэт Сити. — Ребята настолько решительно настроены, что вполне могут перестараться, не рассчитать и столкнуться с нами. А это уже будет хуже, чем просто лишиться дальнейшего участия в гонках.

— Что же придумать? — как бы в пустоту, задал вопрос Вол дер Кюи.

— А что тут думать! — отозвался напарник. — Кажется, у нас еще должно было остаться один или два заряда галюцинера.

— Да, есть один.

— Вот и отлично! Его и используем.

— Ха-ха! — восторженно гаркнул Вол дер Кюи. — точно! Как же эта мысль сразу не посетила мою голову!

— Это вполне объяснимо, — улыбнулся Лэт Сити. — Головы у нас две, а мысль всего лишь одна. Пришлось ей выбирать. Вот она и выбрала, более рациональный вариант.

Вол дер Кюи иронично хмыкнул, почесал за ухом, хотел, было, ответить на сей острый выпад, однако достойной альтернативы не нашлось, и поэтому ему ничего другого не осталось, как проглотить и забыть.

Галюцинер, помещенный в капсулу с детонатором, пронесся между двумя лидерами, удаляясь от них все дальше и дальше. Детонация сработала в запрограммированное время; капсула взорвалась, выпустив содержимое наружу.

Огромный астероид настолько неожиданно вынырнул из космического пространства перед «Армагеддоном» и «Старателем», что те даже не успели задаться вопросом, почему не сработала система предупреждения. И тому и

другому пришлось продемонстрировать все свое мастерство, чтобы избежать губительного столкновения. Однако этот блуждающий кусок некогда развалившейся планеты был настолько большим, что полностью заполнил собой объем гоночной трассы. Обоим экипажам ничего не оставалось, как нарушить дозволенные границы и получить дисквалификацию. Гонка для них на этом закончилась.

«Фаворит» прошел сквозь астероид, как сквозь масло, после чего тот просто растворился, как будто его и не было.

— Вот это другое дело! — удовлетворенно подытожил Вол дер Кюи. — А не плохо получилось, да?

— Неплохо-то неплохо, — философски заметил Лэт Сити, — да только не совсем по-спортивному. Обязательно было использовать галюцинер на максимальном восприятии?

— Да ладно тебе! — несколько сконфуженно отмахнулся Вол дер Кюи. — Возможно, я чуть-чуть и переборщил. Так поставь меня за это в угол! Просто хотел, чтоб уж наверняка. Все-таки, единственный заряд!.. И вообще, если хочешь знать...

До конца выразить свою мысль ему помешал довольно таки ощутимый удар в борт.

— Что это?!

Оба в недоумении бросили взгляд на экран общего обзора.

— Ого! — констатировал Лэт Сити. — Это уже по-настоящему! Давай-ка выбираться из этого потока!

На пути гонки материализовался метеоритный дождь; а так как аппараты данного класса не обладали автоматической защитой, то маневрировать нужно было в ручном режиме. Для более-менее толкового пилота такая задача не составляла особой сложности.

«Фаворит» с легкостью уходил от встречи с крупными и мелкими метеоритами, как бы играя с ними, и в то же время не теряя концентрации. В сущности, уровень участников «Формулы Люкс» отличался настолько высоким профессионализмом, что на самих соревнованиях столь естественное космическое явление практически никак не могло отразиться. Все вполне успешно преодолели это препятствие. Единственное, что уже было ясно, так это то, что победитель фактически определен. «Фаворит» далеко вырвался вперед, и догнать его, даже теоретически, представлялось просто фантастикой. Разве, только, вмешается Его Непредсказуемость Случай. Или...

— Мы в нейтральном пространстве, — сказал Лэт Сити с нотками облегчения в голосе. — Время делать крутой вираж и сматываться.

— Эх, жаль! — выплюнул искренние оттенки огорчения Вол дер Кюи. — Как раз вышли на финишную прямую!

— Ничего. Будет финишная кривая, — с иронией парировал Лэт Сити.

— Ладно, сворачиваем. Держись крепче!

«Фаворит» резко изменил направление, покинул пределы гоночной трассы, и исчез с поля зрения.

Достигнув запрограммированной точки координат, остановился, мерно покачиваясь среди космических волн безграничного океана вселенной.

— Все, финиш! — дал заключение Вол дер Кюи. — Думаю, пора возвращаться в себя.

Лэт Сити, углубившись в созерцание своего отражения в зеркале, утвердительно кивнул.

Через мгновение в зеркале появилась Джебра Моут.

— Привет! — поздоровалось отражение с оригиналом. — Прекрасно выглядите, мисс!

— Простите, что прерываю ваши комплименты друг другу, милые дамы, — бегло оглядывая себя, подал голос Вилт Хабар, — но не трудно ли будет вам взглянуть, все ли у меня на месте, и не осталось ли чего от предыдущего образа?

— Ты в полном своем соответствии, — улыбнулась девушка, оторвавшись от зеркала и повернувшись к молодому человеку. — Хотя на твои лохматые зеленые уши я просто наглядеться не могла!.. А вот и наши протеже! — обратила она внимание на трансляцию репортажа по видеовизору. — Ну-ка, сделай погромче!..

«...и каково же было его удивление, когда пострадавшие оказались, не кто—нибудь, а Вол дер Кюи и Лэт Сити, знаменитый экипаж «Формулы Люкс». Подумать только! «Фаворит» стартует, участвует в гонке, обходит соперника за соперником, а в это время чемпионы лежат в тесной кладовке для туалетного инвентаря, в бессознательном состоянии, и связанные. Если бы уборщик, у которого закончилась смена, уходя домой, не заглянул, на всякий случай, в кладовку, дабы еще раз убедиться, что ничего не забыл, неизвестно сколько бы им еще пришлось вдыхать ароматы разнообразных дезинфицирующих средств... Однако, я вижу, героини нашего сюжета уже в состоянии самостоятельно ответить на некоторые, интересующие, как многочисленных поклонников спорта, так и просто любопытных индивидуумов, вопросы. Я правильно понимаю?..»

— Ну вот видишь! — сказал Вилт Хабар, после того, как Вол дер Кюи начал что-то полувнятное лепетать. — С ними все нормально. А ты волновалась! Я же обещал упаковать их, как можно аккуратнее, без лишних травм... Да-а, неплохое дельце провернули! — достал он «Бионатор» и окинул его оценивающим взглядом. — И гонорар очень даже приличный. Кое-кто спит и видит эту игрушку в своем распоряжении. А игрушка стоит того, чтобы из-за нее потерять сон! Особенно в военных целях... Представляю, что можно натворить с помощью этого приборчика! Я бы, например, такого наворотил, что... Аж дух захватывает!.. Это же... Даже не знаю... Что-то мне... как-то... Что-то меня смущает... Может... это?.. Как ты думаешь?..

Джебра Моут еле сдержала улыбку; на лице молодого человека застыла смесь решительности с растерянностью, и это выглядело довольно таки комично.

— Ну что ты на меня так смотришь? — ответила девушка на этот многозначительный взгляд. — Я об этом подумала, еще, когда мы только стартовали на «Фаворите». И полностью поддерживаю. В конце концов, сколько той жизни!

— Действительно! — воодушевленно воскликнул Вилт Хабар и нажал желтую кнопку.

«Бионатор» полетел в мусорный отсек. Через минуту он уже плавал в открытом космосе, превратившись в точку, которая, плавно удаляясь, становилась все меньше и меньше.

— Нет, так не пойдет. Вдруг кто-нибудь выловит, — спохватился молодой человек и направил на точку лазер.

Микровспышка ознаменовала окончательную ликвидацию «Бионатора».

— Теперь, порядок! — удовлетворенно заключил Вилт Хабар, одновременно с этим издав вздох сожаления. — Слушай, а что у нас там на очереди? Джебра Моут на секунду задумалась...

Об авторе

Родился в 1964 году в г. Киеве. Образование среднее. Служил в военном оркестре. Имеет несколько профессий. Занимался шоу-бизнесом. На данный момент работает в фирме, имеющей отношение к медицине. Писать начал сравнительно недавно, около пяти лет назад. Публиковался в журналах: «Шалтай-Болтай», «Супертриллер», «Техника молодежи», «Очевидное и невероятное». В приложение «Знание-сила: Фантастика» вышли рассказы «Вынужденная остановка» (№ 8 за 2008 г.), «Последние новости» (№ 13 за 2011 г.), «Клетка особого назначения» (№ 15 за 2012 г.).

Майк Гелприн

Камикадзе

1. Полгода до смерти

По утрам у меня сеанс связи с Карлом. Его координаты — 300/800/-400, если считать за начало координат положение моего носителя. А если перевести с языка геометрии на родной мой литовский, то Карл летит в трехстах километрах левее меня, на восемьсот выше и на четыреста позади. Эти четыреста означают, что он проживет на пару мгновений дольше.

Коммуникатор внешне похож на гибрид древней рации с древней же настольной персоналкой. С тем отличием от пращуров, что земными радарами исходящий из коммуникатора сигнал не пеленгуется. Мы надеемся, что проксимскими не пеленгуется тоже, иначе мы умрем раньше срока, а значит — напрасно.

Сигнал генерируется после нажатия кнопки «отправить» на вмонтированной в корпус коммуникатора клавиатуре. Излучается и доставляется абоненту. Перекодируется в убористые буквы на узком, в ленту, экране монитора и исчезает бесследно.

— Как дела, Витас, дружище? — спрашивает Карл.

Я никогда его не видел и не увижу, как и он меня. Однако улыбку на его грубо слеппленном, широком добродушном лице я представляю. Так же, как и само лицо — по составленному Карлом словесному портрету.

— Прекрасно, — отвечаю я. — Что с Глорией?

— Боюсь, она...

Мы безуспешно пытаемся пробиться к Глории уже третьи сутки. Каждый из нас четверых, по очереди. Ответа нет. Это означает, что с ней произошло то же, что уже случилось с каждым пятым из стартовавших с Земли восемь лет назад добровольцев. Глория не выдержала. Не перенесла одиночества и обреченности. Она была заместителем Карла, вторым номером в звене. Теперь ее обязанности перейдут к Роджеру. Обязанность, впрочем, всего одна — принять командование звеном в случае, если Карл не выдержит.

Через полгода их, не выдержавших, станет гораздо больше. Возможно, половина из десяти тысяч стартовавших. А значит, половина носителей в день «Х» боевой маневр совершить не сможет. Они так и останутся лететь по неизменной траектории, унося в никуда несостоявшихся, мертвых камикадзе.

Это называется «неизбежные потери». Нам говорили о них. Мы понимали. Плохо говорили. И понимали плохо.

Мы болтаем с Карлом еще полчаса. Ни о чем — все, что мы можем сказать друг другу, давно сказано. Только без этой болтовни мы бы не выдержали. Ни он, бывший полицейский из Бремена, ни я, бывший зубной врач из Шяуляя.

Прощаюсь с Карлом и набираю на коммуникаторе номер Роджера. В прошлом он — лондонский адвокат, длинный, рыжий, веселый и остроумный. Даже смерть он считает забавной, а наши летающие гробы — уморительными.

— Придумал новый анекдот, Вит, — передает Роджер. — У одного прокса обнаружили геморрой...

Анекдот хорош, я смеюсь. Геморрой у прокса это, несомненно, находка. Тем более если учесть, что как проксы выглядят, неизвестно, и есть ли у них подходящий для этой болезни орган — тоже.

Часа два мы играем с Роджером в буриме, в шахматы-поддавки, потом прощаемся.

Поднимаюсь — наступает время приема пищи. Именно приема, не завтрака, не обеда и не ужина. Пищу мы принимаем раз в день — автомат исправно выплевывает безвкусные питательные брикеты. Белки, жиры, углеводы, витамины, стакан воды. Запас съестного ограничен, как и все прочее на носителе. Ограниченное жилое пространство — три метра в длину, полтора в ширину. Ограниченный запас топлива — пятая часть на замедление, четыре пятых на предстоящий маневр. Ограниченный интерьер — кровать, стол, стул, две полки, коммуникатор, компьютер. Еще есть крошечная пилотская рубка. Санузел, по размерам под стать ей. И нейтринный заряд в хвосте. И все.

Зуммер коммуникатора. Это Натали. Последняя, пятая, в звене. Бывшая школьная учительница из Орлеана.

— Здравствуй, милый.

— Здравствуй, моя хорошая.

— Хочу тебя.

Я знаю, как выглядит каждый миллиметр ее тела. Глаза, волосы, ямочки на щеках, предплечья, талия, лоно, грудь. Я знаю, где у нее родинки, шрам от аппендицита, эрогенные точки и зоны. Знаю, как звучит ее голос. Я знаю ее всю. Натали... Та, которую ни разу не видел и не слышал. Которая умрет секундой раньше меня, потому что ее носитель в пятистах километрах в плюсе по оси аппликата.

— Иди ко мне, любимая.

Мы занимаемся этим час, другой, третий. Задыхаемся, стонем, в голос кричим от возбуждения, поцелуев и проникновений. Одурачаем, ошалеем от ласк.

Потом все заканчивается. Мы отдыхаем в объятиях друг друга. Раньше их называли виртуальными. К чертям, никакой виртуальности нет. Натали, моя любимая, вот она, рядом со мной. В восьмистах километрах по диагонали параллелепипеда.

Я рычу от неудовлетворенности, скриплю зубами, меня трясет, колотит, неизрасходованный тестостерон прострелами тревожит сердце и отзывается режущей болью в паху.

Мы прощаемся. Для того, чтобы повторить все назавтра.

2. Три месяца до смерти

Утром приходит очередная агитка с Земли. Комфлота принимает ее на флагманском носителе, спускает командирам эскадр. Те передают по эскадрильям. В результате она доходит до Карла. Его задача — распространить по звену. Отправить Натали, Роджеру и мне, Глории среди нас уже нет.

«Сыны и дочери Земли, — хмуро читаю я расшифровку отправленной без малого четыре года назад радиограммы. — Ваши имена навсегда будут...»

Меня мутит. Который уже раз я проглатываю эту пафосную, высокопарную чушь. Сыны и дочери. Добровольцы. Пушечное мясо войны.

Она началась с массивного ракетного удара. То, что поначалу приняли за метеоритный поток, оказалось проксимским флотом. Ракеты изрешетили взрывами Марс, раскололи кору Венеры, уничтожили Меркурий и были заблокированы на подлете к Земле. Большинство, не все. Меньшинство прорвалось через стратосферу, проникло в тропосферу и в нижних ее слоях взорвалось, стерев с лица земли Гамбург, Чикаго, Вильнюс, Сингапур, Кишинев, Буэнос-Айрес...

Потом были еще удары. Были миллионы жертв. И лихорадочное, отчаянное строительство межзвездного боевого флота. Стартовавшего к четвертой планете Проксимы Центавра, той, откуда взлетела смерть. А потом настал день, когда каждый на Земле оделся в черное. День, в который проксы перехватили флот, подавили и тотально уничтожили.

За следующие полгода был разработан и принят к исполнению план «Камикадзе».

Нас набирали по всей планете. Только добровольцев. Только молодых. Неженатых и незамужних. Бездетных. Здоровых. Согласных и способных перенести восемь лет полета в жутких, фактически тюремных условиях. В начиненных взрывчаткой камерах смертников. В гробах, сжатых до минимально возможных размеров, незаметных, невидимых радарам, с отражающей поверхностью, близкой к нулевой.

Нам предстоит приблизиться к четвертой планеты Проксимы, замедлившись до скорости проходящего в двух сутках лета он нее метеоритного потока. Сманеврировав, обогнуть поток и выйти на финишную прямую. В этот момент нас обнаружат, но остановить уже не успеют. Мы будем падать на планету один за другим в течение местных суток. Когда она обернется вокруг оси, жизни на ней не останется.

Замедляться мы начали два года назад, с тех пор к прочим прелестям существования добавилось полуторное тяготение.

Я часто думаю, сколько из десяти тысяч добровольцев согласились бы стать камикадзе, знай они заранее, во что выльются восемь лет полета. Я думаю, никто. Ни один.

Мы не знали. Не представляли. Нас к такому не готовили. А готовили лишь к одной, простейшей операции. К той, ради которой мы здесь. Тренировали каждый день в течение полугода. Дождаться, когда на флагмане определят параметры потока и спустят по эскадрам, эскадрильям и звеньям. Получить от командира звена приказ и выставить согласно нему угол

отклонения. Дать тягу. А потом, на выходе из маневра, угол скорректировать и тягу убрать. И все.

— Как тебе содержание? — спрашивает Карл. — «Сыны и дочери земли», каково? А Роджер посмеялся — то, что наши имена будут помнить в веках, показалось ему необыкновенно забавным. Знаешь, я не стал передавать эту выпендючую чушь Натали.

— Спасибо, дружище.

— Как у тебя с ней?

— По-прежнему. Держимся.

— Мне показалось... В последний раз, когда говорил с ней.

— Что показалось?

— Прости. Ничего.

Карл разъединяется, и я набираю Натали.

— Здравствуй, моя хорошая.

— Здравствуй, милый.

— Я патологически, безбожно соскучился.

— И я. Знаешь, Вит, я подумала, что когда все это закончится, нам с тобой надо будет купить небольшой домик на берегу моря. Можно даже бунгало. Ты будешь по утрам ловить крабов, а я загорать и купаться в прибое.

Меня передергивает. Затем начинает колотить. Она заговаривается. Боже мой... Натали!

— На берегу Красного моря, — заставляю себя отстучать на клавиатуре коммуникатора. — Или Средиземного. Мы так и поступим, милая.

— Правда?

— Да, — передаю я. — Конечно.

— Хочу тебя.

— Иди ко мне, малыш.

3. Три дня до смерти

Завтра. Это случится завтра. Метеоритный поток уже виден на экране локатора — пока как слабое помутнение на периферии.

Завтра мы получим команду начать маневр. Потом еще двое суток, и все.

— Витас?

— Да. Здравствуй, Роджер.

— Витас. Я выбываю. Так и передай Карлу, сам я не смогу. Я хочу жить, Витас. Простите меня.

— Роджер! — я лихорадочно стучу по клавишам. — Подожди, Роджер!

Он отключается. Набираю его код. Раз, другой, третий. Роняю руки. Роджер — самый отчаянный, самый бесшабашный из нас...

— Карл, это Витас. Роджер выбыл.

— Как выбыл?!

— Просил передать тебе, что хочет жить. Еще просил простить его.

— Проклятье! А ты? Как ты, Вит?

Я тоже. Я тоже хочу жить. У меня есть, ради чего. И ради кого. У меня есть. У меня есть Натали.

— Я в деле, Карл, можешь рассчитывать на меня.

Боже, как же я хочу жить. Хоть немного, пусть всего два месяца. Пускай даже месяц. Пока не закончатся питательные брикеты. Жить и быть с Натали...

— Здравствуй, милый.

— Здравствуй, моя хорошая.

— У меня прекрасная новость, Вит.

— Что за новость, малыш?

— У нас будет ребенок, милый. Я беременна.

— Что?!

— Я чувствую это, я знаю. У нас будет мальчик, ясноглазый и русоволосый. Или хорошенькая девочка. Нам обязательно надо подыскать домик, милый, на берегу моря, чтобы был чистый воздух.

Боже мой. Домик на берегу. Ребенок.

— Спасибо тебе, малыш, — передаю я. — Это здорово. Я займусь поисками жилья уже завтра.

— Хочу тебя, милый.

4. День «X»

— Ты как, Вит?

— Я в порядке, дружище. Сколько осталось?

— Час. Может быть, полтора. Ты лучше иди в рубку прямо сейчас. Как Натали?

— Вчера сказала мне, что беременна.

— Что?!

— Сказала, что у нас будет ребенок. Она счастлива. Я думаю, так оно к лучшему, Карл.

— Будь все проклято! Будь же оно все проклято! Ступай в рубку, Витас.

Добираюсь до рубки. Минуты тянутся липкой, приторной жвачкой. И исчезают, уходят одна за другой. Минуты моей жизни. И ее. Нашей... Зуммер коммуникатора. Номер Карла. Вот и все.

— Камикадзе Витас Тауткас, — отстукиваю я.

— Камикадзе Карл Браумюллер. Приказ — разворачивайся.

— Не понял.

— Повторяю: поворот на сто восемьдесят градусов, срочно. Только что получена радиограмма с Земли — с проксами заключен мир. Быстрее, Вит, начинай прямо сейчас, если не хочешь врезаться в поток. Натали уже разворачивается. Давай, дружище, давай, я поверну сразу вслед за тобой. Нам навстречу идет спасательный транспорт с Луны. Давай же, Вит, ну!

Я еще не понимаю, до меня не доходит. Руки проделывают нужные движения сами. Выставляют угол поворота, дают тягу. На меня наваливается перегрузка, сильнее, еще сильнее. Она не дает думать, не позволяет дышать. «Мир, — кричит, надывается кто-то во мне. — Мир, мы будем жить, жить, жить!»...

5. День «X» плюс один

— Ты здесь, милый?

— Здесь, моя хорошая.

— Мы летим домой?

— Да, малыш. Мы возвращаемся. У нас будет хижина на берегу моря. И дети.

— Боже мой... Я счастлива, милый, я абсолютно счастлива. Ты не знаешь, почему молчит Карл?

— Он занят, малыш. Он скоро освободится и поговорит с нами.

Карл больше с нами не поговорит. Через сутки его не станет. Так же, как всех остальных, тех, кто день назад обошел в маневре метеоритный поток и вывернулся на прямую. А мы будем жить. Не знаю сколько: месяц, два, три... Карл сфальсифицировал приказ и подарил нам жизнь. Короткую. Долгую он не смог, не сумел.

— Мы будем жить счастливо, — передаю я. — Люблю тебя.

— Иди ко мне, милый.

Об авторе

Писатель-фантаст Майк Гелприн родился в СССР. Живет в Нью-Йорке. За сотню публикаций в периодике России, Украины, США, Германии и др. Рассказы публиковались в журналах («Полдень XXI век», «Реальность фантастики» и др.). В номере №2 (7) приложения «Знание-сила: Фантастика» за 2008 год напечатан рассказ «Дождаться своих».

Кирилл Берендеев

Мы остаемся здесь

повесть

Я поднял голову, медленно огляделся по сторонам. Следом за мной это движение повторили и те, кого я вывел на планету. Двери, открывшие нам дорогу, были техническими, пятидесятиметровый обруч, через который семьдесят или больше лет тому назад, на 1273 проходила многоэтажная техника, готовая немедля начать терраформирование планеты. Человек на ее фоне выглядел крохотной букашкой, ничтожеством, которое тоже терраформируется вслед за всем остальным, стоит только начать работу.

Впрочем, на фоне природы даже громада врат терялась.

Я неотрывно смотрел вверх: предо мной и всеми, вышедшими следом, на невообразимую высоту вздымался величественный реликтовый лес; сто, нет, куда выше, полторастометровые деревья распростерли могущественные кроны, сплетая единый полог над головой, воздушные корни, спускавшиеся с высоты нескольких человеческих ростов, колоннами упирались в землю. Покрытые толстой корой, они поддерживая то размахавшиеся ветви, то разломившиеся от старости стволы, служа им надежной, хотя и временной опорой, покуда само вековечное древо либо не выбросит новые спасительные подпорки, либо окончательно не сопреет в жарком, влажном воздухе тропического марева — и только тогда сойдет на нет, продолжая свою жизнь, в ветвях, в воздушных корнях, обратившихся в соседние деревья и, узревши свободное пространство, незамедлительно рванувшие туда новые отростки, не давая пологу ни на мгновение прорваться, пропустить на жирную черную землю хотя бы луч солнца. Вокруг темных, почти черных стволов над головой порхали не то маленькие птички, не то огромные бабочки, а может, и те, и другие, яркие, раскрашенные всеми цветами радуги, отовсюду слышалось пощелкивание, поскрипывание, свист, клекот, уханье, завывание, казалось, то звучат голоса самих деревьев, столь сильно довели они над всеми прочими обитателями леса, что допустить иного толкования этих звуков казалось невыносимым. Кислорода в атмосфере было в избытке, он, ударяя в голову, заставлял ее кружиться тем больше, чем дальше вглядывались мы, аборигены других планет, выбравшиеся из технических врат, что закрылись немедля за нами, бухнув створками; — тем более прекрасным и чуждым казался нам этот мир, и это сочетание одурия-

ющей красоты и абсолютной чуждости вломившимся под своды странникам казалось совершенно естественным. Как и то, что иного пути у странников не сыскалось.

Мимо меня пролетела целая стайка шустрых... наверное, стрекоз, размером в добрую ладонь, гулко жужжа жесткими парами крыльев, они описали дугу над вошедшими в их мир и скрылись в выси баньянового леса. Покуда я провожал их взглядом, мое плечо почувствовало чье-то прикосновение, я стремительно обернулся, ожидая увидеть еще какое-то чудо здешних мест, но нет, то был лишь сын старейшины племени. Пристально глядя на меня в глаза, он спросил:

— Это и будет наш дом?

Я кивнул в ответ, он помялся, потоптался, удостовериваясь, что никакой ошибки не произошло, нерешительно подошел к отцу; некоторое время они переговаривались гортанным языком, свойственным жителям оставленной ими 4089: старик плохо понимал русский, так что сын служил ему еще и переводчиком. Объяснив ситуацию, он почтительно склонился перед отцом, помогая ему подняться с носилок, старейшина был совсем плох, события последних месяцев нанесли неизгладимый и, вполне вероятно, непоправимый, отпечаток в его сердце. Оглядел племя и взяв у сына копье, тяжело вздохнул и немощной рукой воткнул его в жирную черную землю, из которой не произрастало ничего, кроме могучих стволов местного баньяна, и произнес одно лишь слово:

— Алабама.

Вслед за словом, над головами, высоко-высоко, в невидимой глазу выси там, где кроны деревьев расходились, образуя просветы, там, где можно было увидеть солнечный диск и вдохнуть воздух, напоенный ароматами неведомых растений, принесенных с дальних уголков позабытой земли, прошелестал ветер, словно подтверждая слова почтенного старца, люди, прибывшие на 1273 через технические врата, подняли вверх руки и воскликнули вслед за вождем племени то же слово. «Алабама!», прозвучало из их уст, не стесненно, но и без радости, на языке поселенцев оно означало «мы остаемся здесь». Изрекши его, люди стали поднимать свои немногочисленные пожитки, отходить от врат, оглядываясь по сторонам и решая, где и как лучше обустроить новое свое житие.

Старик устало вернулся на носилки, лег, и попросил меня подойти, когда я приблизился, он прошептал лишь три слова «чужой мир, тяжело» и затих, погрузившись в сумрачные свои дремы, столь же тенистые и неприветливые, как и полог величественного реликтового леса, неохотно принявшего их племя под свою сень. Ко мне снова подошел его сын, слов на его языке вертелось куда больше, и прежде всего он пытался понять, как же так получилось, что их перебросили именно сюда, но мои объяснения показались ему недостаточны. А большего сказать, дабы не причинить этим людям новую боль, я не мог.

Да и в самом деле, как мне, тоже человеку уже немолодому и много за свою жизнь повидавшему, растолковать двадцатилетнему юнцу, каковы истинные причины, заставившие моих руководителей отдать приказ об эвакуации племени с 4089 подальше, да при этом так, чтобы лишний раз не

ущемить молодецкую гордость, присущую не только второму лицу в племени, но и любому юноше любой цивилизации, где бы она ни находилась, и что бы ни мнила о себе.

Центр терраформирования планет давно приметил 4089 в качестве места активной разработки, последние геологические исследования нижних слоев литосферы посулили немалую выгоду — на стокилометровой глубине обнаружили громадные запасы сырья и технических минералов, их тех, что еще трудно производить в заводских условиях, а потому цена за килограмм, даже за грамм превышала мыслимые пределы — как теперь превышала выгода от вскрытия и распотрошения планеты. Разумеется, после такой процедуры ничего живого даже в самых смелых мечтах остаться на ней не могло. Но поскольку планета оказалась не просто обитаема, но населена кочевыми племенами, их решено было удалить с глаз долой и как можно скорее, дабы иметь возможность проникнуть в заветные недра, сорвать покров 4089 и запустить загребущие лапы агрегатов, способных в кратчайшие сроки принести неслыханную прибыль — перед такой даже уничтожение жилой планеты, да еще с изначально идентичной с земной атмосферой и гравитацией — чего прежде на роду человеческом не случилось, — не казалось кощунством и варварством. А потому в спешке уже не смотрели, куда и как надобно отправить племена, подыскали первую попавшуюся из терраформированных планет, давно заброшенную, но на которой тоже некогда жили туземцы, да, тоже занимавшиеся охотой и собирательством, и отрядили аборигенов туда. Меня же назначили в проводники: по всем возникающим после переезда вопросам степнякам следовало обращаться именно ко мне, либо пока вопросы не кончатся, либо пока год не пройдет: мой новый контракт был составлен именно так.

Люди разбрелись прочь от ворот, впрочем, не сильно удаляясь, видимо, подсознательно надеялись, что они вскорости откроются и выпустят их в другой мир, более приспособленный под их непоседливый образ жизни. Но через пару часов по прибытии все же принялись обустраивать нехитрый свой быт, приспособляя его под изменившиеся условия, ставя временки среди зарослей воздушных или обычных корней баньяновых деревьев. Вечером, когда шум работ затих, сын старейшины снова подошел ко мне удостовериться еще раз, что «хотя бы в этом мире им не причинят новой боли» — я немедля кивнул, 1273 давно считалась необитаемой.

Первая ночь прошла беспокойно, моя палатка устанавливаться не желала ни в какую, пришлось переночевать в юрте, возводимой женщинами племени — ими водительствовала дочь старейшины, молодая, лет двадцати пяти, стройная, как стебелек ковыля, с тугими косами, заплетенными вокруг головы и украшенными какими-то пестрыми ленточками. Девушки долго хлопотали вокруг моего устройства, куда дочь старейшины не прогнала их прочь, занявшись мной единолично. Наконец, мы устроились, выяснилось: это было ее ночное убежище; прежде, чем погрузиться в сон, немного поговорили. Она приподнялась с ложа, так что сквозь тонкие одежды мне виделось ее стройное тело, выхваченное из сумрака патентованным ночником ЦТП, расспрашивала меня о далеких мирах, о неведомых планетах, о путешествиях на космических кораблях, ведь они до сих

пор еще бороздят просторы галактики, о чем-то бескрайнем, недостижимом, видимо, всегда ее волновавшем, но прежде не срывающимся с уст. Я отвечал как мог подробнее, видя, с какой жадностью она принимает мои слова, право же, будь я лет на пятнадцать моложе, непременно бы воспользовался ситуацией, благо и дочь старейшины активно тому потворствовала. Но я почему-то остановился на рассказе; да, она слушала меня, не прерывая, с ненасытным интересом, впитывая, точно губка, каждое слово, но в душе... слишком очевидно то, что творилось у нее в душе в этот миг. Кажется, в их мифологии было распространено такое суждение: женщине достаточно провести ночь с героем, чтобы постичь и его силу и его подвиги; безо всякого сомнения и стеснения она хотела именно этого, а мои 64... ее отец на семь лет меня моложе. Я глупо ухмыльнулся, на что девушка отреагировала немедля, смутилась и попросила оставить рассказ, видя мое нежелание сливаться с ней, передавая со страстью часть своего «я», того, что открывало бессчетные двери в бесконечное разнообразие миров, столь пленявших ее воображение. И после этого мы уже заговорили о наступающем дне, она попросила присутствовать на церемонии освящения статуи — каменной бабы весом в центнер, богини плодородия, которую степняки взяли с собой, надеясь, что она не забудет их и здесь. На оставленной ими территории не водилось крупного рогатого скота, а мелкий они не приручили, потому среди зарослей ковыля, от горизонта до горизонта, они бродили на своих двоих, таская возки с самым необходимым, от одного колка к другому, ища воду и припасы и выслеживая мелких копытных или хищников, составлявших мясную часть их скудного рациона. Я не стал отказывать ей, лицо девушки осветилось. Она пожелала мне спокойной ночи, и мне подумалось, странно, ей уже 25, а она до сих пор незамужем, а ведь старшая дочь старейшины.

С этими мыслями я провалился в глубокий сон. А наутро участвовал в церемонии освящения бабы, водруженной на спешно возведенный деревянный помост среди земляных хлябей; перед ритуалом старейшина пожаловался на отсутствие ориентиров, ведь богиня должна стоять на вершине холма, видная издалека, особенно небесам, а как тут добраться до неба, когда ветви вечно скрывают солнце, и пусть его лучи кое-как пробираются до земли.... Сам устав от скорбных излияний, он попросил меня узнать, есть ли где на этой планете солнце, его сын, недовольный тем, что я провел ночь с сестрой, и, вполне возможно, передал ей какие-то знания и умения нехитрым способом, переводил его речь, напряженно сжав губы, побелевшие от плохо скрываемого напряжения, а когда настала его пора удалиться, сделал это с превеликой неохотой, вслух жалея, что отец не может присутствовать на церемонии, перелагая на женщину некоторые свои обязанности, что уже из ряда вон. Старейшина попросил его помолчать, он покорствовал, но не слишком охотно и далеко не сразу. А затем, издали наблюдая за ходом церемонии, все так же покусывал губы и косился на меня.

Когда обряд закончился, мне повязали пеструю ленту на шею и на правый рукав, как очевидцу таинства, тем самым обязав хранить в молчании увиденное — когда бабу водрузили на помост, и девичий хор запел а капелла церемониальные песни, со склона холмика, на котором располо-

жился жертвенник, внезапно забил родник, ширясь и усиливаясь с каждой минутой. Это тоже стало добрым знаком, и жрице расплели косы и перевили их заново, вплетя золотые нити. Немногим позже девушка подошла ко мне, раскрасневшаяся, радующаяся и доброму знаку, соизволению богини остаться в этих местах надолго, и необходимостью поговорить со мной, спросила, немного потупившись, какие плоды деревьев можно потреблять в пищу, какие — нет, есть ли здесь крупные животные: все вопросы она задавала, даже не ожидая моих ответов. Я обещал все вызнать, отправился к воротам, поскольку технические ворота открываются только в случае крайней необходимости, мне пришлось воспользоваться коммуникатором, чтобы связаться с банком данных и выяснить подробности жизни на 1273.

Впрочем, выглядело это совсем по-жречески, как и полагалось. Я вроде бы обратился к магии ЦТП и получил ответы на все интересующие племя вопросы. О чем не преминул рассказать дочери старейшины. Хотел, собрав их вместе с сыном, поделиться информацией, но за время, прошедшее с переселения, меж кровными родственниками успела пробежать искра. Сын говорил со стариком касательно обряда, но понимания не нашел, возможно, разговор, коснулся и меня, я не понимал их речи, но косые взгляды оказались красноречивее слов. О чем отвечал старик, я тоже мог догадаться без перевода — по тому уже, как резко отошел от него сын и сколь долго беседовал со своими товарищами. А потом каждый разошелся по своим делам, делая вид, будто занят чем-то. Вечером они выступили на первую охоту, а отец попросил к себе во времянку дочь. Кажется, ее поведение все же встревожило старейшину, в особенности мое пребывание в палатке, почетному гостю, насколько я понимал, не возбранялось находиться в ней до трех дней кряду, но сейчас особый случай, и раз я так и не воспользовался им, и не дал знания, а лишь на словах обозначил их суть... Девушка вышла расстроенная и немедля уединилась в юрте. Я вспомнил о давешнем своем желании узнать об исчезнувших туземцах с 1273 и снова уединился перед техническими вратами с коммуникатором. Вздрогнул, когда легкая рука легла на мое плечо.

— Отец сердится, — тихо сказала дочь старейшины. — Нам нужны твои знания, проводник, очень нужны. Люди доедают последние припасы, вся надежда на сегодняшнюю ночную охоту. Ведь ты сказал, что лучше выходить ночью, так это делали те, что были до нас. Скажи, а что случилось с теми, кто был до нас?

Я вздохнул. И подвинулся на камне, давая ей знак присесть. Ее хрупкое тело оказалось рядом с моим, меня обдал запах молодости, запах чисто вымытого в родниковой воде кожи, запах... на мгновение мне показалось, что это иллюзия, и я сам иллюзия, а на деле все происходит где-то в ином месте, в очередном парке развлечений очередной планеты, где я встретил очередную девушку своей мечты и...

Мечта потухла столь же быстро, как и появилась. Я повернулся к той, что присела рядом. Покачал головой.

— История не слишком весела, чтобы рассказывать ее сейчас.

— Это как-то связано...

— Нет, не с планетой. Только с теми, кто изменил ее. Давно, почти семьдесят лет назад.

— Ты помнишь? — я невольно улыбнулся.

— Я не настолько стар, поверь мне. Об этом рассказали...

— ...ваши духи, — закончила за меня она. И помолчав, добавила: — Чем же здешние люди провинились перед ними, проводник?

Голос стал суше и строже. И рука, касавшаяся меня, исчезла, подобно мягкому дуновению ветерка. Или мне только казалось, что я все это время ощущал ее на плече?

Я снова вздохнул. Попытался перевести разговор на другое, но она настаивала. Тогда я вспомнил об обряде.

— Я передам тебе знания другим способом.

Она улыбнулась, выдохнула с облегчением, и... да, я как малое дите смотрел, не мог оторвать взгляда от ее улыбки. Да что же со мной стало, право же, — я сам не мог понять происходящего. Ведь ничего подобного не происходило так давно, наверное, лет тридцать, или нет, даже больше, — с той самой поры, когда я впервые попал на планету единого бога, там жила одна девушка, как же ее звали, ведь это имя не должно было выветриться из моей головы, никак не должно, хотя бы потому... Или не любил? Тогда что же все, все прежнее?

Я прогнал прочь мысли, но они никак не желали уходить. Крутились подле меня, пользуясь всякой возможностью, дабы напомнить о себе. Влезали, непрошенные, в голову и уютно расположившись, начинали свой сказ, — и тогда уже никаким образом невозможно оказывалось выкурить их оттуда. Только перебивать чем-то иным. Иной. Той, что целовала меня, шепча ласковые слова на своем языке, ласкала, снимая одежды, попеременно мои и свои, клала руки на плечи, прижималась бедрами и со странным целомудренным бесстыдством весталки жаждала прикоснуться не просто ко мне, но ко мне, как к источнику знаний и... я зачем-то сказал ей изречение какого-то допотопного мыслителя, отставшего от своей-то жизни, не то, что от нашей, напомнил, что многие знания — многие скорби, она, пышущая здоровьем расцветшей молодости, она не слушала меня, не поверила мне. Наверное, правильно, ведь что такое слова, когда желания куда сильнее. И совсем неважно, как называть эти желания, главное, найти им источник.

Вот только его не оказалось. Он пересох, нежданно, негаданно, оказался перекрыт мучившими меня мыслями, нет, не следовало мне узнавать историю 1273 и тем более, не стоило вспоминать былое — ведь так проще, так удобней, так надежней. Я смог бы, наверняка смог бы, но сейчас мысли, проклятые воспоминания, ах, ну почему же они вдруг стали прокляты! — они не давали мне ни покоя, ни разрядки. Я словно бы остыл на самой середине действия.

А она подумала, что я разыгрываю. Нет, хуже, что я издеваюсь, ведь с проклятьями я произнес то имя, вертевшееся на кончике языка в незапамятные времена, когда я произносил его с придыханием и той нежностью, на кою вообще когда-либо мог сподобиться. Поднялся на ложе, сбросив девушку с себя, та вскочила, нагая, длинноволосая, взглянула на меня гла-

зами дикой кошки и выбежала из юрты в сгущавшиеся сумерки. А через мгновение вернулась обратно. Молча села у входа на кожи и неожиданно заплакала; горькие слезы омывали ее лицо, покуда я не подошел и сдавленным голосом не попросил прощения.

— За что? — глухо спросила она. — Ведь это духи не позволили тебе передать знания.

— Я думал не о тебе. О другой...

— Это не имеет значения. Духи затмили твои чувства, накрыв их болью. Затмили память, заставив вспоминать казалось бы давно позабытое и пережитое. Я все это знаю, я пережила подобное, — и помолчав, добавила, — Ведь я тоже когда-то была матерью.

Я взглянул, нет на лицо, оно способно лгать, на соски, в самом деле, те утратили девичью форму, став цилиндрическими, они еще вытягивались навстречу мне, еще жаждали меня, — несмотря ни на что, противоестественно желали; я обнял девушку. Она порывисто прижалась ко мне и тут же отстранилась.

— Напрасно я заговорила об этом. Теперь настал мой черед просить прощения.

— Давно это случилось?

Она кивнула, протянув вперед вытянутую кисть с пятью пальцами, и затем сжав их в кулак, показала еще четыре, девять лет. Примерно в это же время началось терраформирование 4089. Или я намеренно ошибаюсь? Мучительно захотелось прижать ее к себе, успокоить и затем уже узнать подробности, главное, узнать подробности, будто всадить себе еще одно острие в сердце. Как будто в наказание за чужое прошлое, попытавшись сделать его своим.

Я вновь постарался исполнить задуманное, она снова отстранилась, нет, семь, подсказала мне глупая память, словно в издевку над нами обоими становясь проворной и легко доступной. И больше того, уже не мешая мне вожделеть эту странную, тонкую, нежную, но со стальным стержнем внутри, девушку. Жаль только, что момент оказался упущен: она поднялась, наспех оделась и сказав: «к отцу», вышла из юрты. Мне оставалось только сидеть на разобранном, распростанном ложе и ждать... чего? — я и сам не знал этого.

Выбираться наружу не хотелось, я сидел и смотрел в сторону входа, без нее юрта казалась неудобным нагромождением войлочных тряпок, разглядывая стены, я нашел в углу логотип ткацкой фабрики ЦТП, значит, все же берут нашу продукцию, и не только туристы. Чему-то усмехнулся, наверное подумав, что именно сейчас с одной из дверей в промышленном зале центра снимается табличка, ведь сегодня начинается снос дома этого племени, этого и других племен, что жили на 4089; пара месяцев, и планета окажется очищенной от кожуры тектонических плит, словно мандарин. И будет покинута уже навсегда. Просто перестанет существовать.

Ночь перевалила экватор, когда она вернулась. Без слов ткнула мне в шею, обняла, стала торопливо расстегивать рубашку. Третья попытка, механически подумал я — но пересилил собственные мысли, и наконец-то излился в нее, а потом, подобно опостылевшему мужу, повернулся спиной

и через несколько минут услышал ее ровное дыхание. Обряд исполнен, она заснула, удовлетворенная если не мной, то хотя бы чувством выполненного долга. Хотя искони, я усмехнулся, этот долг принадлежал мужскому полу, ну да здесь многое иначе. Первобытное сообщество, по-своему простое и сложное, похожее и столь сильно разнящееся с нашей цивилизацией.

Она ткнулась мне в плечо, я замер, нет, не проснулась, просто прижалась, не желая отпускать и во сне. Потихоньку я забылся медленным, непамятным сном. А утром не обнаружил ее рядом с собой. Когда выбрался, увидел за странным ритуалом: всякому вернувшемуся с охоты, она лила воду из ладоней на голову, затем насухо вытирала руки и возлагала их на чело, а после стремительно убирала. Охотник, склонившись, отходил, его место занимал следующий, и так до тех пор, покуда тридцать или сорок человек не прошли этот обряд. Кажется, мои прежние наставления плохо помогли им, охота вышла скверной, они почти ничего не принесли в поселение, несколько тушек грызунов, шмыгающих по земле меж корней, да это был едва ли не единственный вид живых существ, кто обитал в самой чаще леса, за всеми прочими надлежало отправиться на деревья. Вот только как это сделают жители бескрайних равнин? — они и не смогли сделать. Ко мне подошел один из охотников, я заготовил объяснение, сказал, что буду добиваться перевода их на другую, более подходящую планету, пустые слова, но он поклонился и поблагодарил за дарованные знания и умения. Я не понял его, впрочем, ответа ему и не требовалось, он лишь кивнул и смешался со своим родом, коему был старший мужчина. Я не совсем понимал структуру этого племени, степняки жили семьями, человек по пять-десять, изредка снимались с места и кочевали в поисках лучшей доли, охотясь и собирая плоды, корни и травы. Объединиться им пришлось только под угрозой с севера, они, никогда не нападавшие на людей, были сметены и выдавлены с обжитых просторов к полноводному океану иными кочевниками, научившимися ковать железо и обучившимися владению верховой ездой, благо на севере крупных животных водилось в избытке. Бегство не могло продолжаться вечно, но и ответить хоть чем-то они не были способны. Если бы не вмешательство ЦТП, вот ведь жестокая ирония судьбы, обнаружившего колоссальные запасы столь нужных и столь дорогих ископаемых, степняки попросту исчезли бы с карты. Что же стало с нападавшими, трудно сказать, скорее всего, их не внесли в список сохраняемых, вполне возможно, они прознали об этом, и в последнюю ночь пребывания моих подопечных, попытались проникнуть в купол, где находились технические врата. Мужчины ушли в последнюю охоту — дань традиции, нежели лютая необходимость, северяне проникли внутрь, устроив резню. Прежде, чем их перестреляла охрана, они собрали свой урожай смерти и увели в небытие множество детей и женщин. Поминки заняли почти неделю, несмотря на все уговоры, степняки не торопились прощаться со своими навек оставляемыми надеждами. И только исполнив все таинства, вошли за мной в технические врата, те захлопнулись, оставив в чреве своем, в пустоте меж миров, около трех сотен человек — все оставшееся население южан, а затем, через неуло-

вимый миг, открылись, представив изумленным взглядам потрясающую в своей чужеродной красоте картину дивного нового мира. К которой теперь приходилось как-то приспособливаться. Привыкать к самому непривычному, и сломав себя еще раз, пытаться выстроить все заново. С самых аздов. Насколько это возможно, я представлял себе плохо, старался вообще не думать об этом, не загадывать на завтрашний или тем паче, послезавтрашний день, в котором мои подопечные, вверенные мне и раз поверившие моим словам люди, окажутся все-таки бессильны перед очевидным — и вот тогда все будет зависеть только от силы их воли.

Хотя... ведь она улыбается сейчас. И охотники, подходящие и отходящие от нее, они улыбаются тоже. А ведь совсем недавно они были готовы убить меня, особенно тогда, вернувшись с последней охоты, они попытались объявить еще одну. Но на мою сторону встал старейшина и его сын, сейчас последний, мне кажется, выговаривает за это отцу, тот устало кашляет в ответ. И молчит, потерянный. Я его понимаю отчасти, за несколько месяцев навалилось всего; а тут еще последняя охота сына не удалась, тот вообще не сумел ничего поймать. И теперь принципиально не прошел обряд у сестры, и далеко не он один.

Я постоял у входа в юрту, чувствуя себя неприкаянным, и пошел разбираться со своей палаткой. Без толку, попросил еще одну в ЦТП, ответом же было молчание. А затем привычное легкое прикосновение, она присела передо мной и положила голову на колени.

— Спасибо, — тихонько произнесла она. — Теперь мы будем жить. Странно, непривычно, не как раньше, но точно будем.

Я хотел обнять ее, но девушка уже поднялась и поспешила к себе, у юрты толпилось несколько ее товаров, задержавших дочь старейшины на несколько минут, я сидел и смотрел, как она внимательно слушает их, что-то отвечает, смеется столь заразительно, что улыбка невольно посещает и мое лицо. И тихо угасает на нем.

Я встряхнулся. Не зная, чем себя занять, обошел селение. Странно, если не сказать, дико, выглядели юрты здесь, в глухих, отгороженных от всего мира джунглях: первый день их строили прямо возле деревьев, для защиты от возможного нападения диких зверей, позже выяснилось, что еженощно в этих местах идет дождь, а потому вода, не пробивая развесистые кроны, стекает по стволам. Новая работа захватила всех, и покуда я обходил владения племени, на меня косились, кто с восторгом, кто неприязненно. Против воли удалившись в девственный лес, я понял, что еще немного, и заблужусь в перекрестье ветвей и воздушных корней, образующих чем дальше от технических врат, тем большие лабиринты, сквозь которые пробраться можно было только используя плазменный резак — им я и пользовался, прорубая себе дорогу. Он ярко светил в сырой полутьме вечных сумраков леса; по часам пора бы спускаться сумеркам, но я не замечал перемены в свете, столь незначительны они оказались. А когда пришло время возвращаться, голод погнал обратно, я увидел удивительную картину, ту, что проспал прошлой ночью, и о которой, вполне возможно, столь судачили в поселении — на своем языке, тем самым, снова отгородившись от меня. Хотя им так было привычной.

Когда солнце зашло за незримый горизонт, а лес ненадолго затих — одни звери погружались в сон, другие выходили на охоту за первыми — я увидел странное сияние, исходившее от молодых, не одресневевших еще воздушных корней, свисавших отовсюду, слабое свечение, подобное свету ночника, разом наполнило лес, будто в него снова вернулось солнце, на этот свет слетались мотыльки и мошки, и сами кружились вокруг или садились на ветви, начинавшие медленно пульсировать; танцы вокруг них все убыстрялись, по мере того, как быстро возрастала и снижалась яркость, все больше букашек прибывало на этот свет, разбуженные им, влекомые неведомой силой, сокрытой в корнях, они садились на пульсирующие отростки, облепляя их. Я стоял в самом центре этого свечения, всматриваясь в его переливы, сам застигнутый и ускоряющимся ритмом и все более ярким светом, исходящим от корней: никогда прежде я не видел ничего подобного. Невольно сделал шаг к ближайшему, дабы рассмотреть столь удивительное явление. Какая-то жидкость потекла сверху, распространяя пряный аромат; некоторые насекомые успевали взлететь, но иных она попросту поглощала, увлекая за собой, к тугим шишковидным отросткам на концах корней — этот баньян оказался еще и хищником.

Когда жидкость достигла наростов, пульсация замерла, почти одновременно окрест меня. Лес принял свою жертву и теперь благодушествовал. А через час огни снова зажглись, но теперь сияли ровно, тускло, безразлично к тем, кто вальсировал вокруг них.

Я вспомнил исчезнувших жителей 1273. Будучи симбионтами, они приносили жертвы богини деревьев, живя в кронах, почти никогда не спускаясь на враждебную им землю, кормились плодами, охотились в пологе, видели солнце; они благоденствовали в уютном для них мирке, отдавая малость, получали все или почти все. Но теперь их не стало, а вот баньян выжил. Нашел ли он новый симбиоз или предпочел остаться вовсе без него, решив собирать малую жертву еженощно, я не стал уточнять в справочной. Вернулся в поселок.

Охотники отправились сызнова в лес. Двумя группами, те, которых благословила дочь старейшины, двинулись вверх, по следу своих предшественников, иные, водительствоваемые его сыном, снова пошли на поиски земной пищи, на этот раз вниз по ручью. Они надеялись найти реку и наловить рыбы — едва ли представляя, какими полноводными здесь, в вечных тропиках, могут оказаться даже ручьи. Дочь старейшины внезапно, словно из ниоткуда, оказалась на моем пути, она вглядывалась в спины уходящих, в племени было принято молча смотреть, как уходят близкие, неважно, на часы или навсегда. Прощаться лишь мысленно, ни словом, ни жестом не выдавая скопившегося внутри, чтобы их душа ушла легко и свободно.

— Что это? — спросила она, указывая на плазменный резак; я объяснил как мог и умел, сущность его работы. Подал, чтобы она попробовала сама, но девушка только головой покачала.

— Наш мир мягок, — едва слышно сказала она. — Мягок, тепл и раним — в отличие от этого, от вашего. Вам привычно рубить себе торную дорогу, мы привыкли искать обходные пути. Наверное, так.

И замолчала. Спohватившись, вспомнила, что старейшина просил зайти к нему. Я кивнул, поблагодарив, нежданно взял ее руку, чтобы поцеловать тонкие пальцы, но не успел, девушка увернулась и скрылась в полусумраке наступающей или уже наступившей ночи.

Старик принял меня; поблагодарив за подаренные их народу через его дочь знания, пожелал «удачного путешествия» — благопожелание, ставшее двусмысленным в переводе. Особенно потому, что дочь его, хотя и снова приняла меня в своей юрте, напомнила, что это последняя ночь, и что завтра мне надлежит обрести свое жилище. В себя же не пустила вовсе, а ведь я почти умолял о снисхождении. Но кажется, мое предназначение было уже исполнено, и я снова обратился в гостя. А посему, едва рассвело, едва свечение дерев сошло на нет, покинул юрту — тем временем подошли и охотники с куда более пристойной, нежели в прошлый раз добычей, я удивился, сколь легко и непринужденно бродили они по ветвям, будто я и вправду смог передать им что-то, до поры, до времени сокрытое — и даже не в себе самом, а в той обретенной магии ЦТП, ради которой волхвовал незадолго до этого.

Часа два спустя прибыл и сын старейшины со товарищи, в двух километрах отсюда им встретилась река, ручеек, по меркам 1273, где водилась кистеперая рыба, набили острогами ее порядочно, так что брат мог гордиться собой, победив сестру на ее территории. И снова к отцу, передав ему самую большую рыбину, около полуметра длиной.

Через несколько минут он выбежал от отца едва не в слезах. Как я понял, дар не был принят с должной благосклонностью, возможно, вообще старик не стал его принимать. Его сын, ни с кем не поговорив, ушел к себе и не появлялся до самого обеда. Затем уходил куда-то, но немедля возвращался, снова шептался со своими охотниками, а потом...

Служанка пулей вылетела из юрты старика с воем и причитаниями — старейшины не стало. Немедля наступила тишь — кажется, даже вечный гомон джунглей замолчал на полувздохе. Люди медленно выбирались из своих убежищ, осторожно подходили к юрте, те, кто посмелее или у кого нервы покрепче, заглядывали внутрь и немедля отшатывались. Детей разогнали по домам, оставив сидеть с бабками и дедками, остальное племя собралось возле юрты, насколько это позволяли джунгли. Стояли во много рядов и шелест шепотов передавался по толпе из края в край.

Некоторое время я безучастно смотрел на них, потом подошел сам. В юрту, за те полчаса, что истекли с известия о смерти старейшины, никто не осмелился зайти. Когда я подошел к толпе, люди сошли с моего пути, я всего лишь хотел постоять подле, но мне освободили дорогу к откинутому пологу — и по живому коридору, вдоль которого несея нескончаемый шелест голосов, я проследовал к юрте, последним, кого я видел, был сын старейшины, он плакал, не скрывая своих слез. Впрочем, многие не могли сдержаться. Заходя в юрту, я еще раз обвел глазами собравшихся, снова встретился с сыном главы племени и, не найдя его дочери, вошел внутрь. Полог опустился за моей спиной, что это было — дань традиции, уважение к моим знаниям, долженствующим прояснить ситуацию, или просто боязнь мертвого, — трудно сказать.

Я огляделся. Старейшина лежал на ложе, в его одежде ничего не переменялось, за исключением сорванного ворота и ожерелий на шее — их теперь заменяла тонкая веревка, которой удушили немощного старика; у того не достало сил оказать хоть какое-то сопротивление. Я наклонился снять веревку, к моему удивлению, так сползла легко, словно была предназначена лишь для украшения, но на тонкой почти цыплячьей шее старейшины, остался темный рубец — по всему видно, действовали неумело, да и кто мог похвастаться умением убивать в этом племени, в их, как подметила девушка, мягком мире — душегубство, привилегия других, удел этих людей, либо принимать оное, либо постараться избежать его.

Я еще раз оглядел труп. Вот так казалось бы просто все и свершилось, у кого-то хватило не только и не столько сил, сколько чужой, чуждой сему миру внутренней мощи, хладнокровия и жестокости, дабы умертвить старейшину, пусть он и дряхлый немощный старик, со скверной памятью и привычками, однако, неоспоримый лидер, и беспрекословный авторитет. Кто мог решиться, а потом, почти бравируя новообретенными навыками, оставить место преступления в идеальном виде для возможного следователя. Я спохватился, а ведь надо будет все объяснить центру, вызвать детектива, ничего не поделаешь, мои дни на 1273 завершились.

Я вышел из юрты и объявил о насильственной смерти старика. Никто не понял, в их словаре не оказалось достойного слова, чтобы постичь смысл сказанного мной. Смерть дело привычное, но вот убийство... по толпе прошел ропот: «северяне, северянское дело», — вот тогда все стало на свои места. Народ отшатнулся от юрты, мои предупреждения, чтобы внутрь никто не заходил, не понадобились, мгновенно вокруг нее образовалось пространство шагов в десять. Я отправился к техническим воротам и вызвал ЦТП по экстренной линии. Ответили мне не сразу, а когда я уже собирался перезванивать на номер замдиректора...

— Оператор слушает.

Он выслушивал сбивчивую речь, потом некоторое время соображал, видимо, кому меня спихнуть, спихнул, там выяснилось, что я попал не по адресу, переменяв еще пару контактов, добрался до замдиректора ЦТП, который и разъяснил позицию контракта об ответственности за вверенных мне аборигенов — все действия, направленные на поддержания мира и стабильности, возлагались на меня как на исключительную персону, проводника между вот этим коммутатором и заселенной планетой. После чего связь прервалась.

Я вздохнул, набрав в легкие побольше воздуха. Сел на камень подле врат и долго думал, не замечая, что уже вокруг меня начало собираться племя, лишь от прикосновения я поднял голову и обернулся, но это была не она, сын старейшины. Молодой человек почтительно склонился ко мне и спросил, о чем поведали духи, знают ли они, кто из северян смог проникнуть сюда, каким образом, и кто защитит его племя от него. Я еще успел улыбнуться, когда он сказал про северянина, от коего надобно защищать племя, но тут его речь была прервана.

— Твое племя? Уже твое? — наконец-то я увидел ее. Пусть с искаженным от гнева лицом, с растрепанными в горе волосами, с потемневшими глаза-

ми. — Дня не прошло со смерти отца, а ты... ты... Как ты смеешь заявлять о подобном! Он даже не похоронен, он даже не прошел обряд очищения... да ты... — и резко отвернувшись, замолчала. Товарки успокаивали девушку, странно, в отличие от многих, на ее лице я не видел слез. Видимо, прежняя потеря научила дочь вождя многому, и в том числе главному — чисто женской способности терпеть до последнего предела, а когда он пройден, терпеть и после.

Ее брат смутился, стушевался, отступил. Но лишь на шаг, он по-прежнему стоял подле меня, ожидая разъяснений духов. На белом лице не осталось ни кровинки, и лишь руки были обагрены кровью — с такой силой он сжимал кулаки, что ногти впились в ладони. Мне стало не по себе, я попросил юношу пройти вместе со мной в юрту старейшины. Он покачнулся, но выдержал удар. Завеса за нами закрылась, молодой человек снова вздрогнул, точно пойманный в тенета, беспокойно обернулся по сторонам, а затем подошел к отцу. Склонился над ним, бережно укладывая растрепавшиеся волосы. Что-то шепча на своем языке. Я пристально смотрел за его действиями, а затем спросил:

— Вербка, которой его удушили, для чего она обычно используется?

Он резко обернулся, помолчал, но все же произнес:

— Для ловли птиц. Но только в этом мире нет наземных птиц, а те, что есть... — он нежно погладил шею старика, и спросил, будут ли у меня еще вопросы.

— Будут. У каждого охотника есть такая вербка?

— Да. Я не знаю насчет тех, кто подпал под влияние сестры, но... да нет, у них тоже должна. Хотя на ветвях силок не поставишь.

— Именно. Значит, им вербка стала без надобности.

— Ты кого-то хочешь обвинить в душегубстве, проводник? — слово далось ему с трудом, я еще раз пристально посмотрел на сына старейшины.

— Кого-то, о ком мы знаем, — и тут же сдавленно добавил: — Из наших?

— Северян здесь нет, — тихо ответил я. — Никого другого не остается...

— Твоя магия лжет! — выкрикнул мне в лицо он, и тут же, пожалев о своей горячности, принес извинения и мне и моим духам. Впрочем, в нем говорило лишь воспитание, но никак не подлинные чувства.

— Моя магия не может лгать, на этой планете лишь ваше племя да я. И никого больше.

— Даже этих полузверей? Тех, что были до нас.

— Даже их. А почему ты называешь их полузверями?

— Люди никогда не станут жить на деревьях, проводник. У них может быть один лишь дом, — остро оттачивая каждое слово и бросая его в меня, ответил молодой человек, пытаясь еще и испепелить взглядом. Я молчал, отвечая его взору, юноша не выдержал первым, он дернул край юрты, открывая полог, и вышел. И когда он оказался среди своих, я спросил:

— А где твой силок, старший охотник?

Он схватился за пояс, обычно у охотника всегда с собой несколько веревок, но тонкой в его комплекте не оказалось. Народ, все еще пребывающий у юрты, нервно зашептался: он стал свидетелем какого-то важного действия, смысл коего ускользал от собравшихся.

Юноша ничего не ответил, лишь раздвинул стоявших у него на дороге и стремительно скрылся в своей юрте. Его жена стояла на пороге, едва он попытался войти, как она немедля обняла его, осыпала поцелуями, что-то заговорила на своем языке, чтобы войти внутрь, ему пришлось втащить и ее на себе. Кто-то из племени откровенно хмыкнул, иные недовольно зацокали языками, впрочем, их немедля оборвали.

— Что ты хочешь, любовь, — послышался последний голос.

Меня тронули за плечо, снова это мягкое, едва заметное прикосновение, снова не она, когда-нибудь я перестану чувствовать и если в тот момент коснется та...

— Начинать ли обряд ухода, проводник?

Я покачал головой. Раз уж назначили, придется изучить все, а затем попробовать самому сделать вывод. Ничему подобному меня не учили, но я прочел слишком много книг подобного жанра, посмотрел слишком много фильмов, а потому попросил привести служанку.

Через минуту она предстала предо мной — со встрепанными волосами и в мятой одежде, на вид лет пятьдесят, а на деле около тридцати пяти. Здесь быстро стареют, и дабы что-то в скоротечной жизни успеть, еще быстрее становятся на ноги. Своего дома у нее не было, разве что юрта старика, куда подростки отдали свою мать несколько лет назад, возвратиться к ним она не могла, и теперь маялась в одиночестве; но внове оказаться со своим обожаемым хозяином, даже вместе со мной, женщина не смогла.

Я поискал место поспокойней, но нас преследовали толпы любопытствующих, пришлось попросить разойтись, толку мало, понадобилось выйти за пределы поселения, но там она чувствовала себя незащищенной, ведь ей не дозволено моралью племени уходить от юрт.

Ничего путного я от нее не добился: в тот день к старику приходили многие, разговоры только и велись об охоте, среди тех, что проходили обряд, и тех, что не пожелали пройти. Сын выставил служанку во время разговора с отцом, подробности она не запомнила, поняла лишь, что речь зашла о верховенстве в племени: ведь, по законам, именно он должен был унаследовать племя в случае смерти, но дочь всегда казалась старику надежней и уверенней в себе, не могущей поступиться, в то время как сам юноша, несмотря на то, что давно имел семью, в глазах не одного только старейшины воспринимался едва не ребенком.

— Жена им верховодит, — доверительно прошептала служанка и немедля обернулась по сторонам, проверяя, не слушает ли кто еще ее речи. Я спросил насчет силка, разумеется, она не запомнила. Как не могла вспомнить, кто же последним входил в юрту, тем более, когда это было.

— День стал другим, проводник, ни конца, ни начала, — отвечала она. — Я вообще перестала разбирать его, вот деревья замерцают, тогда, значит, ночь. А до нее никак не сообразишь, что приготовить хозяину и как подать, — вспомнив, что старейшины больше нет, она залилась безмолвными слезами. Задав еще пару вопросов и поняв, что юрта в тот день была проходным двором, особенно во время отсутствия служанки, я отпустил женщину. Та недоуменно посмотрела на меня, потом сказала: «да куда ж мне теперь от хозяина» и потихоньку пошла к юрте, к скоплению народа.

Все ждали начала церемонии. Покосились на меня, завидев приближение. Я кивнул в ответ и по привычке прошел к юрте той, что меня всегда принимала, только у самого полога вспомнив, что срок уже вышел. Обернулся, не зная, куда податься, и чем себя занять на эту долгую ночь.

Снова прикосновение — я обернулся, даже вздрогнул. Но слова сказать не дали, потянули за собой внутрь, полог неслышно хлопнул по кошме, я оказался на ложе, она, прильнув всем телом, целовала и одновременно пыталась избавить нас от одежды: неловко и в то же время настойчиво; мучительное желание поднялось во мне и опрокинуло ее на простыни.

Я очнулся только от постукивания в полуую деревяшку, висевшую у полога — что-то вроде звонка. Девушка спросила, кто там, ей ответил голос ее товарки, она, не одевшись, подошла к пологу, пригласив ее внутрь, долго шепталась, потом окликнула меня.

— Ты должен присутствовать во время ухода. И сказать свои слова прощания. Ведь мой отец так хорошо относился к тебе, — все это время я спешно искал трусы, после начал торопливо одеваться, едва я застегнул рубашку, девушка выпихнула меня из юрты: товарки жрицы богини плодородия мне на голову повязали пепельную ленту, такие же на руки, над нами гремела гроза, где-то в далеком верху лил дождь, но в серой мути нижнего яруса джунглей стояли вечные душные сумерки, смазавшие времена года и не отличающие погожий день от дождливой ночи.

Сын старейшины подошел ко мне, лицо его непривычно белело в сумерках, он отвел меня подальше от любопытных глаз и произнес:

— Ты был прав, проводник. Я не могу найти свой силок.

Я хотел спросить, понимает ли он, что говорит в эти минуты, но нас немедля отвлекла сестра, откинувшая полог и жадно впившаяся в юношу недобрый взглядом. Тот смутился, попросил прощения, сказал, что обязан исполнить свой долг и скрылся.

Наверху начинался привычный ночной дождь. Сын, и еще несколько охотников, кажется, только его товарищей по охоте, вынесли погребальное ложе на сложенные ветви, старейшину переодели во все белоснежное, только иссеченное временем лицо темнело; вверху гроза разыгралась не на шутку, грохот стоял оглушительный, женщины затаили прощальную песню, но слышно ее не было. Баньян начал медленно пульсировать, наливаясь светом, в этот раз как-то особенно ярко, многие смотрели вверх, ожидая, может, хоть сегодня на них прольется дождь, столько ночей шедший, но так и не добравшийся до палаток, лишь стекавший по стволам весело щебечущими ручейками. Без толку, ни единой капли не пролилось на лица, разве что стало еще душнее, еще невыносимей.

Грозы скоротечны, вот и эта, едва плакальщицы окончили свой скорбный напев, завершилась, последнее ворчание пронеслось над пологом, где-то совсем далеко, когда уже юноша взял факел, зажженный от кремня старшей плакальщицей, и поднес к ложу. Нежданно его прервали, в тот самый момент, когда рука вытянулась по направлению к старейшине.

— Так значит, ты?

Он дернулся, факел упал, попав все же на промасленный хворост. Тот нехотя начал разгораться.

— Ты решил сделаться старейшиной племени?

Минутная пауза, молодой человек оглядел собравшихся, однако, не услышал даже шепота.

Гроза ушла окончательно, наступила мертвая тишина, только треск разгорающегося погребального костра пытался прорвать ее.

— Так положено по закону, — выдал он не слишком уверенно. — Ты сама знаешь, мы не можем отступить от закона наших предков, тем более сейчас. И тебе не удастся....

— Ты говорил с отцом? — молчание. — Я тебя спрашиваю, ты говорил с отцом, повтори всем, что он сказал тебе.

— Я не обязан давать ответ женщине, пусть это будет даже моя сестра.

— Зато я обязана. Слушайте, люди, он лжет, — костер разгорелся в полную силу, пламя облизало ложе, еще минута, и оно сокрыло старейшину от посторонних глаз навсегда. — Не знаю, кто надоумил, возможно, его дражайшая супруга, — девушка исковеркала эти слова нарочно, на манер своего брата, чтоб больнее ударить. И в самом деле, юноша дернулся, не выдержав, его еще и опалял жар занявшегося костра. Молчание толпы не прерывалось.

— Слушайте все, — продолжила она. — Я говорила со своим отцом незадолго до гибели. Он обещал мне, слышите, мне, после своей смерти право вести вас за собою, да это отступление от правил, он соглашался, но сегодня хотел вынести на суд племени это отступление. И чтобы помешать ему, моего отца убили. Тот, кто более всех был заинтересован во власти, именно тот, кто...

— Ты сама лжешь, стерва! — не выдержал молодой человек. — Не смей оскорблять моего отца, он никогда бы не посмел сказать ничего подобного. Я столько раз говорил с ним, но в его речах не сквозило и тени сомнения. Пусть я и слаб духом, как многие решили для себя, я постараюсь доказать обратное. Ведь я сын человека, который привел вас сюда и с бескрайних просторов наших равнин, который защищал вас в самые тяжкие минуты...

— А теперь нас будет защищать твоя жена? — сделала неожиданный ход девушка. — Раз ты не в состоянии. Верно, будешь обучаться у нее.

По толпе прошел ропот. Многие стали переглядываться. Меж тем пламя погребального костра достигло ветвей, опалив их, свечение баньяна разом погасло, джунгли погрузились в непроглядную тьму, только языки огня светили жарко, потрескивая; окрест разнесся прогорклый запах горелого мяса.

— А что предлагаешь ты? — ударом на удар ответил он. — Залезть на деревья, подобно тем полужверям, что жили до нас — и ждать милости от их духов. Видишь, сила огня способна прогнать морок деревьев, наша сила, земная. Ты же предлагаешь...

— Я обучила воинов тем умениям, что позволят нам не только выживать, но и воспрянуть духом в этом мире. А ты, что будет с тобой, когда ручей пересохнет — ты придешь плакаться своей дражайшей супруге, ждать от нее наставлений, как быть?

— Я не допущу чтобы мой народ постигла судьба этих дикарей.

— Ах, все равно твой?

На охоту так никто и не вышел в ту ночь, слушали своего старшего охотника и жрицу верховной богини. А они еще долго спорили и ругались над погребальным костром, покуда голоса не осипли, покуда сам костер, прогорев, не стал угасать. Я не смог внимать им долее того места, когда они заговорили о дикарях, повернулся и пошел прочь, но голоса в этом лесу распространяются удивительно далеко, я заблудился, и блуждал бы долго, все слушая и слушая хриплую перебранку девушки со своим братом, пока ноги сами не вынесли меня к ручью. Там было немного спокойней, и главное, почти ничего не слышно. Лес, хотя и вымер, но здесь наполнился звуками лопочущего о чем-то своем, бесконечно далеком от мирских забот, ручейка. Тут водилась рыба, я поискал на поясе плазменный резак, чтобы срезать острогу, но не нашел его. Неприятный холодок пробежал по коже, я поспешил вернуться.

Уже светало. Баньян так и не осветил дорогу, сегодняшняя его боль была так похожа на мою, я блуждал в почти полной темноте, спотыкался и падал, едва не наощупь ища тропу к обратно поселку — и только шум голосов, резких, настойчивых, крики и брань, привели меня обратно.

Когда я дошел до места, все стихло. Она подошла ко мне первой, отрянула жирную землю с лица и одежды, подала бадейку, дабы я умылся. И не дав мне вымолвить слова, произнесла:

— Он затеял побоище у погребального костра. Ему это не простят. Главы родов сегодня будут держать совет.

На ее лице я разглядел глубокую царапину. Осторожно коснулся ее, девушка поморщилась.

— Зачем тебе это все? — тихо спросил я.

— Разве может такой человек, как он, возглавить племя? Убийца! — хрипло изрекла она и тут же, потемнев лицом, отвернулась.

— Ты так уверена...

— Ты сам сказал мне об этом.

— Но то лишь подозрения...

— Пока тебя не было, духи твоих догадок обрели плоть, — больше она ничего не сказала, затащила к себе в юрту и плотно закрыла полог. И предала меня себе. И я отдал ей свои тревожные мысли, погрузившись в беспомощность. А когда очнулся, сызнова не нашел ее подле себя.

Собрался совет племени, представители всех родов пытались устроиться в юрте старейшины, но сколь ни была она широка и просторна, места для пятидесяти человек не хватило, пришлось снять войлочные стены и устраиваться под открытым, вернее, под вечно закрытым листвою небом. Подойти к ним никто не смел, но говоры все равно эхом разносились, отражаясь от стволов и воздушных корней, лес никак не хотел глушить разговоры, превращая интимную беседу в ярмарочный гомон. Странно, но совет разговаривал на русском, дань ли то уважения единственному его носителю или... я слышал, диалекты некоторых родов весьма запутаны для понимания иных собравшихся. Дочь и сын так же присутствовали на совете, но голоса не имели, больше того, через некоторое время их вынудили оставить юрту.

День подходил к концу, пропитание так же — часть женщин вынуждена была отправиться сама добывать пропитание, покуда старшие родов все

проводили диспуты, пытаясь найти общий язык; мне и до того рассказывали, разногласия в племени случались весьма часто, ведь столь крупное объединение до сей поры у степняков не случилось, но их гасил авторитет старейшины, теперь с его уходом, тем паче насильственным, хуже того, совершенным одним из членов общины, мучительно затянувшийся спор никак не мог прерваться и длился и длился, свиваясь, подобно силку, вокруг спорящих. Я уже привык к их гортанной беседе, больше того, стал разбирать отдельные слова, чаще всего звучали «необоснованная мягкость» и «изгнание», значит, дело стало намертво.

В этот момент снова легкое прикосновение, я обернулся и погас лицом, да когда же научусь отличать одно от всех остальных, наконец! Меня решил обеспокоить сын старейшины. В эти минут он не походил сам на себя: бледное осунувшееся лицо, нечесанные волосы, изгвазданная одежда, ощущение было, будто он бродил по лесу, крепко вцепившись в голову, и постоянно терял равновесие. Вроде бы степняки не пили.

— Наверное, я упреждаю события, — проговорил юноша неразборчиво, мне пришлось переспросить. — Совет все заседают, исхода нет, я думаю, будет лучше, если несогласные отделятся от вас, ведь ты с ними, с ней, а я.... Мне надо уходить из этого леса. Несколько семей пойдут с нами, если ты дашь слово, что ни северяне, ни полужвери не обеспокоят нас.

— Да нет здесь ни тех, ни других. Я одного не пойму, почему ты решил уйти. Ведь неизвестно...

— Мне известно. Ты плохо знаешь мою сестру, хотя и возлегаешь с ней каждую ночь. Или она уже опоила тебя своими чарами, она умеет опаивать людей, это у нее от духов. Но только умение... нет, — оборвал он себя, — я действительно скверный старейшина, раз уже сейчас иду на поводу и согласился на собственный исход из совета до разрешения вопросов. И еще не могу найти свой силок.... Я же помнил, что он.... но ты все равно не поверишь мне.

Я неохотно кивнул. Молодой человек хотел было повернуться и уйти прочь, но затем передумал — и столь же резко приблизился.

— Я боюсь худшего и потому хочу уйти сейчас. Скажи, проводник, куда мне и другим родам со мной можно уйти, чтобы удалиться от сестры как можно дальше и выйти из леса?

— Никуда. Мы находимся на острове, и весь этот остров занимает вот этот баньян. Не знаю, сколько он здесь растет, сотни тысяч лет, наверное.

— И эти полужвери столько лет... Но раз это остров, значит, можно уплыть.

— Ты не сможешь даже добраться до его края. Площадь острова, третьего по величине на планете, составляет около двух миллионов квадратных километров, а мы в самой сердцевине его. Вокруг так же есть острова куда меньше, но все они заняты тем же баньяном. Он всюду на этой планете, от полюса до полюса, на каждом острове, если это не атолл и не скала, — он молчал, не зная, что сказать, на человека, у коего выбили почву из-под ног смотреть было тяжело, я продолжил: — Терраформирование 1273 прошло неудачно, уровень моря поднялся на двенадцать метров, из всей растительности сумел приспособиться к новым условиям только баньян. Если здесь

он рос изначально, то на полюсах... там когда-то были другие джунгли. Но степей в этом мире не было никогда.

— Так нам век по деревьям лазить да солнца не видеть теперь! — он не выкрикнул эту фразу, прохрипел, хотя вложил в нее последок сил. И на ватных ногах отошел, не ведая дороги, брел, точно пьяный, от одного одресневевшего воздушного корня до другого, цепляясь за них, покуда я мог видеть его.

А совет все заседал, до самого вечера. И лишь тогда был разогнан — одной лишь фразой девушки, пришедшей к юрте и крикнувшей: «Вы и теперь намерены сидеть, покуда ваши женщины добывают вам еду?». Мужчины встали, некоторое время стояла тишина, а затем площадная брань разорвала ее, точно гнилую тряпку. Кричали в несколько голосов, спорили друг с другом отчаянно, готовые вцепиться в глотки — разговор шел на их языке, больше того, на каком-то арго, мне совершенно неясным, я не разбираю ни слова, понимал лишь, что еще минута...

Она наступила — кто-то из представителей рода ударил другого по щеке в знак полнейшего к тому презрения. Их успели, сумели разнять, еще одной схватки удалось избежать только одним словом — «расхождение», произнесенным, словно в презрении, на русском. Члены совета разошлись от юрты подальше, не оборачиваясь, четко разделившись на два лагеря — одни подошли к жрице богини плодородия, стоявшей подле помоста с каменной бабой, увитой цветами с вершин деревьев и поклонились ей, другие, числом меньшим, отправились искать сына старейшины. Восторженные крики означили его находку, видимо, сил у молодого человека совсем не осталось после разговора со мной, его попытались торжественно внести в юрту старейшины, — а вот и наступила схватка, отсроченная на краткое время. Первенствовали в ней сторонники девушки, числом своим превосходя противника, да и настроены оказались куда как решительнее, когда кулаков оказалось мало, в ход пошли ножи и веревки. Та сторона не стала возражать против подобного решения вопроса, кажется, за сутки проведенные в юрте, нервы всех представителей родов дошли до последнего предела. И он случился — битва внезапно остановилась, на земле лежал труп одного из защитников девушки. Противники стояли в немом изумлении, не понимая, как такое вышло, и затем, подавленные отошли подальше от юрты, ставшей корнем злосчастий, девушка выбежала навстречу несущим бездыханное тело, заплакала в голос, забилась, упав на землю. А затем, не прошло и пяти минут, пошла к противникам своим. Тут только я очнулся, прежде стоявший в стороне и предпочитавший почему-то не вмешиваться в ход баталии, хотя это вменялось мне в обязанности контрактом, я ожил, бросился за девушкой; кто-то из «своих», так он представился, странно было слышать такое слово, непривычно — в этом-то мире, — задержал меня, крепко вцепившись в руки. А девушка, тем временем, подошла к брату своему и коротко приказала: «Уходи!». Но тот, сам обессиленный, опустошенный всем свалившимся на него за истекший день, лишь покачал головой. «Уходи!», — повторила она, но брат не слушал ее, больше того, пытался возражать.

— Ты убиваешь племя! — воскликнула она.

— Ты не права, — тихо ответил он. — Это ты убиваешь его, взяв власть силой. Женщины...

— Твоя дражайшая супруга — это она надоумила.... — в этот момент жена сына старейшины появилась перед девушкой, какое-то время обе сверлили друг друга взглядами, наконец, девушка не выдержала и ушла к себе; проходя мимо юрты, с силой ударила по кошке кулаком, так что подпорка треснула и накренилась. Не обратив внимания, она ворвалась в стан своих и долго искала взглядом кого-то. Только выделив из толпы меня, решительно пошла навстречу.

— Ты нужен мне.

— Только за этим?

— Не смей так говорить. Он хочет развалить племя, развалить, забрать мужчин и уйти, я не позволю этому свершиться, — она говорила, не переводя дыхания, слегка оглушенный, я смотрел на ее раскрасневшееся от негодования, но невыразимо прекрасное и в истовом гневе лицо. — Ты должен, ты обязан помешать ему. Неважно как, поговори с ним. Убеди его, ведь он тебя слушал.

— Он сам хотел уйти.

— Так пускай катится куда подальше.

— Он изначально хотел уйти не один. Чтобы предотвратить трагедию.

Она не ответила мне, скрипнула зубами и круто развернувшись, ушла к себе. Я не посмел тревожить ее; подступала ночь, и баньян снова заиграл переливами воздушных корней. Решив переночевать где-то в другом месте, сам не зная, почему, оказался подле юрты сына старейшины. Услышал голоса, радостный детский смех, от которого потеплело на сердце, шепоты, затем, через несколько минут, протяжную колыбельную песнь.

Горло сдавило, я побрел по поселку, сам не понимая, куда несут меня ноги. Нежданно встретился с товарками девушки, они немедленно отправили к ней; нерешительно я переступил порог ее юрты, девушка молча уложила меня подле себя и долго всматривалась в мои глаза при свете лучины. А затем загасила ее. И теперь я видел только блеск ее темных, словно сама ночь, нездешняя, степная ночь, глаз. Нерешительно потянулся... секунду мне показалось, что кроме глаз от нее ничего не осталось на ложе, она растворилась во мраке юрты и только этот неяркий блеск, словно я вглядываюсь в зрачки дикой кошки, разделившей со мной постель и тьму. И почему я никак не мог оторваться от нее?

Девушка молчала, моя рука, дотянувшись, скользнула по ее бедру. Она осторожно накрыла ее своей, и когда мои пальцы скользнули ниже, отвела их, так, наверное, делают с заигравшимися детьми. Минута или две прошли в полном молчании; затем она произнесла:

— Пожалуйста, убеди его, — и тонкие пальцы коснулись моей груди, заставив меня вздрогнуть. И согласиться. Что я мог ей ответить, что противопоставить, да, молодой человек был прав, когда говорил, о ее чарах, но сейчас не хотелось ни вспоминать, ни рассуждать; я вышел из палатки и медленно побрел в сторону зарослей. Пока не поговорю, не докажу, мне ничего не стоило ожидать, а так хотелось, странно, прошло всего несколько дней, уже несколько дней, а мне по-прежнему хочется погрузиться в ее

глаза, прижать к себе стройный стан, наконец, извергнуться в нее. Банальные мужские желания, ну насколько прежде мне хватало одной? — как максимум на неделю, если она не туземка, если я не отдыхаю на чужой планете. У меня только однажды был шанс, слишком молодым я оказался для него, и для шанса, и для выбора, что давался вкупе с ним. Оказался неспособен сделать — и позорно бежал. Всякий раз бежал, оставляя после себя — что? Быть может, хоть что-то? Хоть какую-то крупицу...

Вот только сейчас не смог убежать. Некуда, врата не откроются, контракт не позволит бросить народ на произвол судьбы иначе, как перед лицом физической угрозы, форс-мажорных обстоятельств. Да, для меня они таковыми и являлись, вот только бежать к техническим вратам и включать коммуникатор я не спешил. Несмотря на то, что посеял плазменный резак, и теперь он может быть невесть где и у кого, несмотря на еще одно убийство, и возможность его повторения, несмотря на многое, о чем кричал я своим духам, а те молчали, лишь изредка горделиво снисходя до меня. Сейчас они не нужны мне были, нужна лишь она, ее глаза, ее тело, ее смех, волосы...

Я снова оказался подле юрты сына старейшины. Тихо стукнул в дощечку, служившую вместо звонка, меня будто ждали — мгновения не прошло, как жена молодого человека отогнула полог и встала предо мной. Белая рубашка светилась в неярком сиянии баньяновых корней.

— Я надеюсь, не потревожил тебя. — Она покачала головой. — Всего несколько вопросов... Когда твой муж заговорил о возможности уйти из племени?

Молчание. Она насторожилась, но совсем по иной причине, ей показалось, там, в юрте, зашевелился ее первенец. И тут же вернулась ко мне.

— После первой же стычки. Он пытался договориться с другими родами, но те не хотят раскола в племени, вернее, не хотели. Теперь...

— Ты советовала ему что-то?

— Дражайшая супруга обязана что-то советовать своему мужу, — голос дрогнул. — И помогать ему. А мне не удалось, — неожиданно произнесла она. — В тот раз, когда я увидела его силок в юрте, на шее, служанка как раз выбежала, у меня было несколько мгновений... Я не посмела, посчитав, что ты разберешься во всем, несмотря на то, что чужой, — в это слово она вложила столько смыслов, что я вздрогнул и часто закивал.

— Где он сейчас? Твой муж?

Она не знала. Я повернулся и побрел прочь, в нескольких шагах остановился, обернулся. Она все так же стояла, провожая меня взглядом. Ожидая последних слов.

— Наверное, — медленно выдавил я, — вам все же следует отправиться в изгнание.

В ответ она вздохнула тяжело и потянула полог, скрываясь в юрте. Еще секунда, и колыхание замерло, снова тихие шепоты, и убаюкивание. Я покусал большой палец, хотел вернуться, что-то сказать, что-то вертешееся на языке еще миг назад, но промолчал.

Молодого человека я обнаружил нежданно скоро, он бродил в одиночестве подле ручья, того самого, возникшего подле поселения во время освя-

щения статуи богини плодородия. Присаживался на корточки и снова поднимался; оглянувшись по сторонам сызнова, увидел меня и резко выпрямился.

— Странный ручей, — сказал он. — Ночью, когда влага сочится с дерев, он почти пересыхает, днем же, напротив, усиливается.

— Так и должно быть, — ответил я. — Почвы не сразу пропитываются водой. Нужно какое-то время, чтобы...

— Ты от нее? Прости, я слушаю тебя.

— Да. Она хочет, чтобы ты ушел. Один. Я говорил с ней, но иного выхода она не видит, — мне вроде как послышался шорох за спиной, только по насторожившемуся лицу молодого человека и придал ему внимание, впрочем, он ведь охотник. — Она тоже не хочет разваливать племя.

— У нас никогда не было племени. До северян каждый жил своим родом. И сейчас она жила бы своим родом, я своим, и мы никогда бы не пересеклись более. Тем паче, в таких обстоятельствах. Возможно, вообще бы не оказались в этом мире, где самая мысль о сокрытом навеки солнце непереносима. Знаешь, проводник, мне больше всего хочется, чтобы ты вывел нас отсюда, далеко-далеко, к морю, может быть там, на самом краю мира дерев и волн, я смог бы примириться с ней. Но никак не ближе. Сколько, ты говоришь, лет этому великому дереву?

— По прикидкам около трехсот пятидесяти тысяч.

Молодой человек вздохнул, цифра действительно невообразима.

— Вот видишь. Один род ушел, другой пришел, а он даже этого не заметил. Приспособился и теперь ловит мошек... Скажи, те, что были до нас, они как... воевали меж собой?

— Да, а жертвы отдавали ему. Или пленных. У них был договор...

— От нас он этого не получит, — он усмехнулся недобро. — Слишком малая жертва выйдет. Пусть ловит и дальше. Если только она... — он замолчал на полуслове, обернулся, и вздохнув добавил: — Жаль, что ты так подпал под ее влияние, что теперь она стала твоим духом и ведет тебя кривой дорогой. Жаль, что она так решила, не из-за себя жаль, из-за жены и дочери..., впрочем, тебе не понять. Твой мир, — он вздохнул тяжело, — он видимо таков, что может позволить себе всякую подлость. Даже такую.

Молодой человек еще раз вздохнул глубоко. Раскинул руки — и в этот миг его грудь оказалась поражена полудюжиной стрел. Он всхрипнул, дернулся всем телом и плашмя рухнул в ручей. Черные воды потекли вниз.

Я стремительно обернулся, но единственное, что успел заметить, так это волнение листьев на ветвях деревьев и тени, исчезающие среди пульсации баньяна. Или они лишь показались моему разгоряченному воображению, разом прилившей к глазам крови, в чьей пульсации потонули убийцы сына старейшины? Я бросился в поселок, ворвался в юрту.

— Так это ты?

Она кивнула. Я заметил, что на ней не повседневная одежда, но наряд жрицы.

— Ты убила отца? — уточнил я.

Снова кивок.

— Не переживай, через час о новой смерти станет известно всем. А пока ты можешь...

— Зачем ты убила его?

Она увлекла меня, но я пока еще сопротивлялся, потому переспросил.

— Он хотел развалить племя. Все дело моего отца.

— А его?

— Он отдал право безоговорочного наследования... этому. Не могушему ничего создать, ничего сохранить.

— А ты?

— Я сохраню все. Я преумножу. Я... ведь я впитала все твое через тебя.

Невольно я вздрогнул.

— Скажи, какого его было душить?

Она помолчала мгновение, будто вспоминая, или скорее, подбирая слова.

— Он не сопротивлялся, — все же, голос дрогнул, — как будто.... Как будто в этом была необходимость. И он не противился. Совсем. Я даже... — и замолчала разом и истово, сдавленно всхлипнув, поцеловала меня. Запах крови на губах... чей? — он заволок мне рассудок. Срывая одежды, я погрузился в блаженное неистовство следующего часа.

А по его прошествии началась гражданская война. Думаю, именно в те минуты, когда я выплывал из мучительной истомы блаженства обладания ее телом, все началось и закончилось разом. Девушка поднялась стремительно, недовольная, что ее обеспокоили, прервали ход удовольствий, мыслей и чувств, еще больше, что принесли дурную весть. Она приказала созвать охотников, тех, кто пришел за ее братом, и поинтересовалась телом — как и обещано, труп отдали баньяну. Я спешно поднялся, однако единственным жестом она велела мне отправляться обратно на ложе. Не смея противоречить, униженный перед теми, кто стоял тогда перед ней, я вернулся, бессильно ожидая ее действий. Ее приказов. Кажется, только в этот момент я окончательно понял, насколько подчинил себя ей. И... даже не содрогнулся. Только холодок пробежал легким порывом мартовского ветра — и исчез. Будто так и должно было быть. Так и должно. Все происшедшее, происходившее и долженствующее произойти, все это уже где-то когда-то и кем-то предопределено и реализуется с неспешной настойчивостью, от которой не уйти, не бежать, не укрыться. Бессмысленная, беспощадная греческая трагедия — она охватила нас, чтобы уже не отпустить.

Я тем не менее, вышел; отдернув полог, долго стоял, всматриваясь в ритуал передачи знаний жрицей богини плодородия воинам. Девушка спешила, ее защитники тоже, когда я подошел, никто не прервал действия. Я выбрался и пошел, затем побежал к юрте сына старейшины, полагая самое худшее, на входе стояли несколько воинов, тех самых, с черными повязками сынов земли, они окружали юрту со всех сторон, и первому, кому не позволено было войти внутрь, или хотя бы вызвать молодую вдову, так это мне.

— Ты чужой, — коротко объяснил мне один из оцепления. — Ты стал чужим для нас с той поры...

Дальше я не слушал, все разом поняв. Племени не существовало больше, только разрозненные кое-как связанные кровными, кровавыми узами роды. Мир оказался разрушен, наверное, еще можно было предотвратить неизбежное, но разве можно помыслить о таком, противопоставить себя поступательному движению рока, все подминавшему под себя с величавой медлительностью и только-только обретшему ход и несуразную сноровку. Подмявшему и меня заодно, раз уж я оказался столь податлив и сговорчив — столь мягок, что проникся этой мягкостью, пусть всего одной из племени, но самой важной, самой дорогой, самой... можно было измыслить множество слов, и все они подходили той, которая нежностью своей задушила меня, превратив в тень, в правую руку, в предмет необходимости, в нечто, без чего можно прожить, но стоит ли — ах, я еще надеюсь на свою избранность, загораживаюсь званием, контрактом, особым положением. Все это зря, совершенно напрасно, зависимость полная и рассуждению не подлежит. Особенно после всего, что я сделал для нее и против себя, против всех остальных... вот только меня это уже не волновало и не тревожило. Исключительно она одна; жажда и томление, мои двадцать лет пришли мне не тогда, когда я остался наедине со светом одинокой звезды, но сейчас, сегодня, когда я стал орудием для устранения неугодного отца и брата. Когда она, напившись мной, убила сперва сама, а потом подослала убийц, шедших за мной по следу, выманивая на меня, как на манок, ни о чем не подозревавшего охотника, с безразличием взиравшего на свою участь.

Стоит ли говорить, что случилось с манком далее? В двух словах разве что: он внове был введен в лоно, получил жаждаемое, и угождал по мере. Он несколько раз выступал перед теми, кто еще сохранял верность или теми, кто ее терял, он давил авторитетом, а готов был — камнями, если бы потребовалось, да тяжелыми, двухпудовыми камнями для пыток, о, и они понадобились вскоре. Ей всего было мало. Воистину она впитала не просто меня, но меня как проводника всего народа моего от пещерного человека, грызущего горло близкому своему, с коим не поделил скудную добычу на промерзшей земле предков, до охранника купола технических врат, с бедра крушившего кочевников, устроивших бойню, а потом за стопкой, шутившего на ту же тему. Или уборщика, с присущим только ему безразличием убиравшего еще подающие жизни тела в печь и промывавшего кафельный пол, с которого так легко и бесследно сходят кровавые пятна. Через меня она познала всех их — до последнего. И познала она с чувством, с расстановкой, неторопливо принимая каждого за каждым. И столько ей было разом дано, воистину никто бы не сдержался, не нашлось человека, способного постичь и не воспользоваться, ни один святой ни одного мира не искушаем был столь изощренно и расчетливо.

А я помнил ее, Гораций, совсем другой. Еще робкой, неумелой, пусть и многое повидавшей на своем веку, но умеющей терпеть, покоряться и покорствуя, ждать, сколько потребуется и чуть больше. Воистину она была женщиной. Она женщиной и осталась, но сбросив одежды, восстала

настолько в ином качестве, что сжимая ее в объятьях, я порой искал ту, потерянную, и мнилось мне, что потерял ее так давно, лет сорок назад, совсем на другой планете и под другим именем, и когда подобные мысли били меня в лоб, обжигая холодом, я в порыве страсти выкрикивал имя ее так и не состоявшейся соперницы, исторгая в лоно свое семя, насыщавшее разум и душу совсем другой совсем другим, а в ответ она исходила смехом, удовлетворенная. И испытывая меня, и подпитываясь мной, она менялась, столь же быстро, как менялась жизнь вокруг — или она менялась быстрее, подгоняя ту под себя всякий раз? Я сомневался в столь поразительной способности, но не сомневался в иных ее возможностях. Тех, что даровали ей и власть, и силу — и не только надо мной. Над многими, почти надо всеми.

Она собрала новый совет — и он, подобно мне, покорствовал жрице богини плодородия; никому уже не казалось странным, что через сколько недель... месяц? — каменной бабе стали приносить человеческие жертвы. Совет, состоявший из глав родов поддержавших ее, единогласно одобрил разделение племени, имущества племени, отторжения от богини не прошедших обряд, наконец, смерти дражайшей жены и дочери — все, кто осмелились не уйти в добровольное изгнание, погибли в тот же день. А остальные примерно через неделю, ибо в этом лесу им идти было некуда. Воины жрицы, а теперь и старейшины оставшейся части племени, обрушивали копья и камни на головы беглецов, принося жертвы баньяну, когда стало понятно, что баньян не приемлет жертв, отвык или изменился, вспомнили про каменную бабу. Тела сжигали тут же, головы закапывали у ручья. Этот конвейер работал очень быстро, всего несколько дней и противник исчез навеки. Вот только конвейер не мог работать на холостом ходу, ему непременно требовалась нагрузка, тем большая, чем меньше оставалось явных врагов старейшины, и чем больше тайных.

И тогда головы полетели уже со своих, тех, кто поддержал неявно или неясно, и надо было разобраться, что он прятал под одеждами, когда приносил присягу. А этому способствовала только пытка — публичная, чтобы другим неповадно... вот только других становилось все больше и больше. И когда жизнь в кольце незримых врагов вознесла ее авторитет, казалось, на недостижимую высоту, главы родов подняли мятеж. Не все сразу, а потому у нас — ее и меня — оказалось примерно десять часов на бегство. Вот только...

— Алабама, — холодно произнесла девушка, услышав известие. Теперь она жила в юрте своего отца, вернее, это уже был шатер, состоявший из трех или четырех юрт, с двумя входами, у каждого из которых стояло по два охранника из разных родов — она не доверяла никому. Только мне, но лишь потому, что я всегда оставался мягкой игрушкой в ее руках.

Я не поверил своим ушам, я переспросил, она промолчала; только тогда осознав все, немедленно начал уговаривать, лишь к концу этих уговоров заметив, что стою на коленях в жидкой грязи и обнимаю ее бедра, старательно к ним прижимаясь, и их пытаюсь вразумить. Мы находились у ручейка, располагавшегося чуть ниже статуи богини плодородия: решением последнего совета, каменную бабу решили свергнуть с насеста, и теперь она валялась

неподалеку, наполовину забросанная землей. Девушка прошла мимо, даже не обернувшись, поспешила вниз вдоль ручья, заметив перед этим на все мои расспросы о дальнейших поступках, что поток начал пересыхать, богиня гневается, недовольная решением совета не поклоняться более истукану, а почитать только духов рода, безвидных, но проникающих всюду, все знающих и все могущих. На них в этом мире только и оставалась последняя надежда.

Уже не на нее больше. У нас оставалось совсем ничего времени перед тем, как случится неизбежное. Но девушка медлила. Резко отстранившись, так что я едва не упал в грязь, впрочем, куда уж падать, я и так весь в ней, но девушка покачала головой, изрекая:

— Мой народ не понимает опасностей нового мира, он ждет милостей от природы, но никогда не дождетя ее. Он считает себя способным на многое, но не видит ни предателей, ни трусов, а, если и видит, то не хочет расправиться с ними немедленно. Нас столько лет гнали... вся моя жизнь прошла в изгнании, я не помню тех мест, где родилась, мой брат не знал их вовсе. А ведь там осталась моя мать, кто теперь попирает ее прах тяжелыми сапогами? — Я хотел напомнить, что 4089 уже не существует, но не решился. Девушка продолжала: — Мать моего брата... да она погибла, готовая уйти в этот мир, кажется, совсем недавно. А кажется, это было века назад, — она перевела дыхание: — Тут все измеряется веками, как можно человеку прожить в мире, где годы даже не идут в счет?

Я что-то заговорил в ответ, напомнил о своей планете, об ее бесконечной истории, о катастрофах и трагедиях. Она не дала мне закончить. Да и не слушала.

— Вы сами творите свои катастрофы. Мы — свои. Этому научились от вас. Но я не виню тебя. Ты был нужен племени. Ты и сейчас нужен племени... нет, — она скривилась от внезапно пришедшей боли, — не племени.... Мне. Неважно. Ты не слышал этого.

— Я слышал, и я не забуду. Нам надо уходить, тебя, верно уже ищут. Ведь отдан приказ...

— Ты мешаешь мне говорить. Все могло быть иначе. Мать моего брата, мягкая простая женщина, никогда не знавшая ни кнута, ни доброго слова, она стала бальзамом сердцу отца. Она могла уговорить его на наш брак. Мы бы стали супругами, и тогда я... родила бы снова, наверное.... Я стала бы достойной и... не так, как сейчас. Не так, как пришлось.

— Ты любила его?

— Это неважно. Теперь все неважно. Он никогда не любил меня.

— Я говорил о брате.

— Я говорила о них обоих. Он дразнил меня возможностью занять его место старейшины, и тут же обрывал, указывая на место женщины в законах племени. Он никогда не просил прощения. Он просто играл, все оставляя недостойному. А он... даже женился лишь потому, что на ту указал мой отец. Дражайшая супруга так походила на меня, но мной не была. Сильная, но знающая место. Идеальная жена. Не то, что я.

— Ты удивительная, ты неподражаемая, ты та...

— Ты хотел бы стать моим мужем? — неожиданно спросила она. Я смеялся, прежде чем ответить, подобного разговора никогда меж нами не случалось. И не дав мне слово сказать, добавила: — Ну вот, и ты медлишь. Ты весь предо мной, ты хочешь забрать меня отсюда, но все равно медлишь. Скажи, зачем я тебе?

— Я жить не могу без тебя. Ты для меня все.

Она пристально посмотрела мне в глаза. Помолчала.

— Это пройдет, — наконец, произнесла девушка.

В этот момент она словно стала меньше, сжалась и ссохлась как-то. Я подумал, что мое молчание так сильно подействовало на нее... может и так, но спустя миг ее спину пронзило копьё.

— Пройдет, — прохрипела она, медленно валясь мне на грудь. Я пытался ее удержать, но не смог. Еще одно копьё, пущенное откуда-то сверху меткой рукой, пронзило ключицу, острое остановилось в сантиметре от моей груди. Я поднял голову: шевеление листьев, ничего больше, только тени, едва видимые в свете разгорающегося сумеречными переливами баньяна.

— Уходи. Я отпускаю. Ты... больше не нужен, — с величайшим трудом выговорила она, прежде чем окончательно остаться здесь. Я уложил девушку в грязь, но прежде сорвал рубашку и подстелил под исходящее последними судорогами тело. Через несколько минут она затихла, я опустился на колени, ожидая... чего? — ее самых последних слов, о нас, о ней, обо мне... но она и так сказала много больше, чем требовалось нам обоим. Я поднял бездвижное тело, огляделся. Наверняка, за мной следили десятки глаз. Я медленно пошел к техническим воротам. Вынуть копьё так и не посмел, как не посмел и остановиться. Ожидал ли удара в те минуты, когда, задыхаясь тащил на себе мертвую владыку в холм? — вряд ли думал об этом. Осознание пришло много позже, когда я через коммуникатор назвал код безопасности, ворота, помедлив немного, открылись, высыпав из недр своих десятков охранников, вооруженных до зубов. Ночь пульсировала истошной люминесценцией баньяна, я зажмурился, готовый ко всему, вот только в этот миг осознав, кто и что находится за моей спиной. Баньяновый лес трепетал огнями, полыхал, мне казалось, сами деревья вибрируют в смертном хороводе, созывая на последний праздник великую гекатомбу. Мимо меня промелькнули сотни и сотни мотыльков, влекомые на жертвенный огонь, только теперь я обернулся, и не в силах больше держать в руках бездвижное тело, передал его старшему. Тот осторожно положил девушку, по-прежнему лицом вниз, у самых технических врат, отдал команду к отступлению, и через мой коммуникатор сообщил об успешно проведенной операции. Когда ворота захлопнулись, мир так же захлопнулся предо мной.

Наутро, кажется, не на следующее, меня вызвали к шефу, я получил выговор, понижение в должности, и штраф за сорванный контракт, который мне предстоит выплачивать лет эдак пять-шесть. Через месяц после моего возвращения на 1273 прибыла комиссия по расследованию причин происшествия. Дело закрыли за неимением свидетелей и потерпевших. 1273 снова оказалась пустой, как и семьдесят лет назад. Кажется, и обстоятельства схожи, говорили мне немногим позже. Но я уже не слушал. Работа

поглотила мой мир, и лишь однажды, когда мне приснился сон, я выкрикнул среди ночи имя, мучившее меня так сильно и столь долго... но через минуту, стряхнув с себя остатки сна, понял, что это было имя другой девушки. И снова повалился на кровать.

Впрочем, ни заплакать, ни заснуть снова мне так и не удалось.

Об авторе

Родился в 1974 году. Окончил МИРЭА.

Литературой начал заниматься достаточно давно, до настоящего времени написал большое число коротких и длинных произведений, больше коротких, чем длинных. Написаны они в совершенно разных стилях: от аллегорических и лирико-сентиментальных до фантастических и мистических. Также пишет стихи, пробует свои силы в переводах чужих стихов на русский с английского и латыни. Но предпочтение отдает прозе, а так же критическим и обзорным статьям.

Публиковаться начал с 1998 года в украинском журнале «Порог». До настоящего времени печатался в журналах: «Континент», «Слово», «Московский вестник», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Искатель», «Бурда-Мини», «Мир фантастики», «Человек и закон», «Машины и механизмы», «Север». «Альфа-книга» выпустило рассказы, а сборник «Галилеи-2007» с участием Берендеева вышел в украинском издательстве Либуркина. В декабре 2009 года в издательском доме «Флюид» вышла книга автора, содержащая фантастический роман «Осколки». В №1 за 2013 г. «Знание-сила: Фантастика» напечатан рассказ «Наказание».

Анна Михалевская

Программа максимум

Была авария, взрыв. Яркая вспышка ослепила Джея, он утонул в языках пламени. Огонь ворвался в тело, что-то непомерное вывернуло Джея наизнанку. Вспышка прошла насквозь. Судорога. Теперь Джей знал — это называется боль...

Только не отключаться. Он должен помнить, кто он. Какие-то люди положили его на носилки, втиснули в вертолет... Джей очнулся в тихом белом помещении. Пахло болезнью и слабостью. Он рванулся, но тут же без сил упал на подушку. Он не знал, что дальше делать. Снова пришла боль. Джей должен был встать, но не мог двигаться. Мысли спутались. Он в ловушке. Блеклый луч солнца просочился сквозь больничные жалюзи, медленно полз по голой стенке.

Теряя сознание, он видел другую жизнь. Шумный город с блестящими домами и узкими, усеянными мертвецами улицами. Его рук дело? В той, другой жизни он знал, но, вернувшись, забывал ответ. После таких прогулок он медленно приходил в себя, смахивал капли пота с горячего лба, смотрел в пустой потолок. Он не хотел возвращаться. И не хотел оставаться здесь.

В одну из ночей Джей решился. Сжал зубы, рывком встал — сам, впервые за долгое время. Ноги сделали шаг, другой — пошатываясь. Джей вышел в коридор...

* * *

Начальнику отдела внедрения, корпорация «Новая жизнь», Анастэ.

Программа «максимум» успешно стартовала. Объект J-3 был задействован в военном конфликте с другими объектами, согласно сценарию программы его самолет потерпел крушение. J-3 получил серьезные, впрочем, излечимые для его уровня травмы. Сейчас он находится при ведомственном госпитале...

Блокировка эмоционального фона J-3 полностью снята, контур чувств восстанавливается — J-3 испытал боль, страх. Психика относительно уравновешена. Объект ведет себя естественно, реакции неотличимы от человеческих.

Куратор экспериментальной программы, Земля.

Под кроссовками хрустел гравий, камешки отлетали, катились, падали в воду. Порыв ветра ударил в спину — Джей ускорился, принимая игру. Утренние пробежки у озера стали правилом. Тело требовало движения, он привык к жесткой дисциплине, к большим нагрузкам. Там это было важно. Где именно — Джей не помнил. От прошлой жизни остался только тусклый металлический браслет на запястье. Сны не в счет. Город мертвецов был так же нем, как и его память... Дженя не отпустили из госпиталя — поселили в гостевом флигеле, оставили под наблюдением.

Он заметил художницу еще в первый раз. Глаз привычно выхватил детали. Яркое свободное платье. Ловкие пальцы в разноцветных кляксах. Взъерошенная соломенная челка. Серьезные серые глаза. Пожалуй, слишком серьезные. Девушка сидела, упершись спиной в камни грота, и сосредоточенно работала. Она отвлекалась лишь на миг — бросить внимательный взгляд на Дженя, и снова возвращалась к мольберту. Девушка не нравилась Дженю, она была лишней, неправильной. Хотелось выхватить из ее рук карандаш, порвать лист. Внимательные взгляды, недоговорки — ему катастрофически не хватало информации. Он подавил вспышку раздражения. Девушка не виновата. Пусть рисует.

Постепенно раздражение сходило на нет. Через неделю Джей уже не представлял себе озеро без девушки в ярком платье. Пришло новое ощущение. Ощущение было приятным — силы прибавилось, он отвлекся от тревожных мыслей, перестал тяготиться пристальным вниманием врачей. Утром та девушка смотрела на Дженя, и он невольно задерживал взгляд, рисуя портрет художницы в своем воображении. Каждый день добавлял новый штрих — родинка у брови, выгоревшая прядь волос, заложенная за маленькое ухо, мягкий детский профиль, нитка голубых бус... Когда она не пришла, Джей понял свою ошибку, но было поздно. Он слишком часто думал о ней, привык заполнять ею всего себя, жадно впитывать новые ощущения. Теперь она исчезла, и он почувствовал себя сломанным, неполноценным.

Он стоял возле озера, неизвестно на что надеясь. Ее не было неделю. Джей осел на землю, облокотился на стенку грота. Букет красных маков валялся у ног бесполезным веником, цветы стремительно вяли. Глупо было рвать маки. Так же глупо, как думать о ней. Это было неправильно. Он ввязался не в свое дело. Авария его изменила. Он никогда не будет прежним...

Высоко в небе глухо зарычал военный самолет. Джей вздрогнул — надо уходить. Он не стал подбирать цветы, нехотя встал, свернул на тропинку вглубь парка.

Джей услышал крик и тут же сорвался с места. Перемахнул через заграждение, скатился по склону. На дороге, раскинув руки, лежала девушка, беспомощно крутилось колесо перевернутого велосипеда, белые листы веером рассыпались по земле... Воспоминание вспышкой запульсировало в голове. Площадь смертников. Распростертые, неподвижные тела. Джей стряхнул наваждение. Он подошел к девушке, наклонился, убрал со лба непослушную челку. Кажется, дышит! Он наклонился еще ниже.

— Целоваться собрался? — Ее глаза пристально смотрели на него.

Джей отпрянул. Девушка пошевелила рукой, попыталась приподняться. Ойкнула, снова повалилась на землю. Джей подхватил ее, помог встать. Осмотрел руки, ноги — кажется, цела. Пару раз глубоко вдохнул, выдохнул, кое-как унял нервную дрожь. Ей повезло. И ему — тоже. Он вдруг понял: его место здесь. Не надо будет больше рисовать портреты в мыслях. Гораздо приятнее быть рядом.

— Я тебе цветы нес... — невпопад сказал он.

— Правда? — в серых глазах зажглись и погасли звездочки.

Джей растерялся, почувствовал, что краснеет, засуетился, собирая выпавшие рисунки. Подобрал один из них, застыл с листом в руках. Сердце сжалось — глухой удар. Джей задохнулся от вспышки новой боли. Эта боль не угрожала телу — хуже. Она уничтожала все, что он о себе знал. Джей не хотел быть таким. Он не хотел убивать. Но его желания ничего не решали. Рисунок жил. Снова был город мертвецов — его город, его мертвецы. Джей идет по телам двойников. Они лежат, скрючившись, тянутся к нему дрожащими пальцами. Он с наслаждением пинает тех, что еще живы, втоптывает их сапогами в грязь...

— Отдай! — девушка попыталась вырвать рисунок из рук, но он спрятал лист за спину.

— Где ты видела это? — Джей скомкал рисунок, швырнул в сторону.

Город мертвецов — его личный кошмар, запертый на десять замков от всех. Даже от пытливых врачей.

— Не рассказывай никому... Я не должна была...

Она сжала его руку, пальцы коснулись браслета. Джей вздрогнул. Его бросило в пот, стало страшно, как сразу после аварии.

— Что ты знаешь обо мне?

Девушка молчала. Он ведь знал, что с ней что-то не так. Она — враг. Ярость накатила волной. Джей медленно двинулся на девушку. Она в панике оглянулась, отступила. Боится? Пусть. Джей схватил ее за плечи, с силой потряхнул... На виске пульсировала жилка, голубые бусы рассыпались, застучали по гравию... Джей знал, что будет дальше. Тысячи таких лиц мелькали перед ним. Он больше не хотел...

— Извини, — Джей разжал пальцы, опустил глаза.

— Ничего... Я понимаю... — девушка попыталась улыбнуться дрожащими губами.

Джей огляделся, подобрал скомканный рисунок, старательно расправил, положил в карман. Чтобы помнить. Он не должен повторить...

— И даже не спросишь, как меня звать?

— Я прочитал на рисунке внизу. Грета?

Она кивнула и неожиданно легко рассмеялась.

* * *

Начальнику отдела внедрения, корпорация «Новая жизнь», Анастэ:

...Состояние объекта J-3 в пределах нормы. Хотя контур долгосрочной памяти отключен на 90%, объект успешно адаптировался к окружающей

среде. По нашим расчетам это должно освободить достаточно ресурсов для переживания всего эмоционального спектра. Эмоциональный фон несколько повышен, но легко поддается контролю... Негативный рефлекс на событие «самоликвидация» закреплён.

Браслет личности протестирован. Система немедленного обнаружения, контроль поведения и база информации в норме. Реакция на приближение к браслету других объектов ожидаемая — страх, агрессия.

Куратор экспериментальной программы, Земля

* * *

— Джей, завтра вылетаете на Анастэ! — ни один мускул не дрогнул на жестком лице посетителя.

Джей едва поборол первый импульс безропотно подчиниться приказу.

— Это невозможно! Уходите!

Он сжал кулаки — вряд ли у него получится одолеть гостя, но если его решат забрать силой, будет сопротивляться.

— Нет, возможно. Просто поверьте на слово, — отчеканил гость.

— С какой стати?

Мелко завибрировал браслет, Джей сделал еще шаг, и тут же взвыл от головной боли, повалился на кушетку. Дверь с резким стуком захлопнулась — гость ушел.

Он видел этого человека первый раз. И он был готов к его словам. Сознание хотело подчиняться и слушать приказы. «Просто поверьте на слово», — посетитель знал, о чем говорит. Так надо... Кому надо? Вопрос эхом разнесся вдребезжащей болью голове. «Мне!» — отвечал металлический голос со знакомыми интонациями недавнего гостя.

Анастэ... Анастэ... Джей переключил браслет, ввел запрос. Он вспомнил, как обращаться с этой штукой, еще когда лежал с травмой. Браслет много чего знал, но не все рассказывал. Скупые строчки бежали по голографическому экрану: Анастэ — вторая планета системы альфы Кентавра... атмосфера идентична земной... в прошлом веке открыт экспериментальный проект... Браслет пискнул. «Доступ к информации ограничен» — экран мигнул и погас. Такое сообщение он читал не первый раз. Очередной эксперимент? Он пойдет против приказа, и не полетит туда.

Они встречались с Гретой каждый день. Она вскользь спросила о прошлом, но что Джей мог сказать? Он лишь показал браслет — он весь там, в этой железке. Наверное, только благодаря браслету его сумели отыскать после аварии. Эпизоды, неизвестные имена, чужие лица обрывками всплывали в памяти. Удивленный взгляд, женщина медленно оседает по стенке. Красивая женщина в дорогом костюме, глава совета директоров... Цель уничтожена... Площадь смертников, и он в самой гуще толпы. Рядом смеется ребенок, обнимается парочка. Механизм бомбы уже запущен. Джей уходит не оглядываясь. Грета увидела его изнанку. Но пусть тот Джей навсегда останется на бумаге. А потом он испугался. А вдруг изнанка и есть он сам? Что Джей знает о себе? В любую минуту он может сорваться. Кто

его остановит? Он же знал, что влез не в свое дело. Его дело — смерть. Джей не пойдет больше к Грете. Ради нее же самой.

Джей сунул в карман рисунок и вышел в ночь. Он брел, не разбирая дороги, с единственной целью — уйти, скрыться. Мокрый после дождя асфальт блестел серебром, редкие прохожие шарахались от Джея. Он видел страх на лицах и молча отступал в тень.

Его ничто здесь не держит. Ничто и никто. Джей резко остановился. Ему нужен вокзал. Браслет выдал кратчайший маршрут и Джей уверенно зашагал по улицам. Он уже видел серые башенки вокзала, огромный циферблат часов, считающих минуты его беспамятства. Джей толкнул стеклянную дверь, подошел к автомату. Сверился с картой, нашел маленькую точку на севере, подтвердил выбор. Автомат тренькнул, требуя оплатить билет. Джей растерянно моргнул. У него ведь не было денег. Проклятье! Джей стукнул кулаком по мигающему табло. Проходящий мимо человек в военной форме резко оглянулся, неодобрительно глянул на Джея. Снова западня!

Он выбежал на перрон. Перед носом пронеслись составы уходящего поезда. Джей набрал полные легкие воздуха и помчался следом. Он знал, сил не хватит, но он должен сделать хоть что-то... Поезд уже давно затих вдаль, когда Джей наконец остановился, упал без сил на землю.

На скамейке рядом с автоматом сидел его старый знакомый.

— Не делайте так больше... — глаза смотрели тускло, неприятно, — Ее зовут Грета? — и он развернул сложенный вчетверо листок.

Джей хлопнул себя по карманам. Неужели выронил, когда бежал за поездом? Она просила никому не рассказывать! Сердце заныло, пропустило удар. Он должен защитить.

— Оставьте ее в покое! — Руки сами сжались в кулаки.

— И что вы сделаете? Ударите меня? — Улыбка не коснулась пустых глаз.

Кулаки разжались. Человек с жестким лицом все правильно рассчитал. Джей не сможет причинить боль. Рисунок не должен ожить.

— Джей, соберитесь, Вам завтра лететь!

Листок упал к ногам, Джей подобрал его, спрятал в нагрудный карман.

* * *

Начальнику отдела внедрения, корпорация «Новая жизнь», Анастэ:

...Произошел первый сбой программы. Объект J-3 попытался самовольно поменять поле эксперимента. Попытка неудачная, но, по нашему опыту, за ней последуют другие сбои. Агент на Земле получит дополнительный инструктаж.

Тем не менее, настаиваю на полной активации контура чувств. У объекта J-3 осталось еще несколько не пройденных диапазонов эмоций. Вы же знаете, чем заканчиваются недоработки в этом плане. Объекты должны быть устойчивы к сильным эмоциональным воздействиям, включая так называемые «высокие чувства». Самоликвидация J-1 и J-2 прямо на задании отнюдь не способствовала росту нашей популярности среди местных клиентов.

Куратор экспериментальной программы, Земля.

* * *

— Грета! — Джей облизал пересохшие губы.

Она обернулась, серые глаза округлились, мольберт полетел на землю.

— Что случилось, Джей?

Он спешил защитить Грету, сбросить от безликого человека, который теперь «знает». Но увидев ее, забылся. Стоял перед ней в перепачканной землей рубашке, не в силах сдержать неуместную улыбку. Ведь это их последняя встреча. Джей осторожно взял ее за руку, почувствовал, что краснеет — как нектати. Голос звучал издали, Джей не сразу понял, что говорит он сам:

— Они видели рисунок, спрашивали о тебе. Грета, уходи.

Порыв ветра принялся неистово трепать легкий сарафан. Ткань доверчиво прижалась к тоненькой фигуре. Грета, не мигая, смотрела на Джея.

— Так скоро?

Она отвернулась, пошла вглубь парка. Джей подхватил мольберт, направился следом. Погода портилась: в парке носились клубы пыли, ласточки черкали небо острыми крыльями, воздух стал плотным, влажным. Свинцовая туча клубилась на горизонте, и они с Гретой шли прямо в ее пасть.

Он заговорил первым.

— Я улетаю. Скоро. Завтра...

Девушка вздрогнула, резко обернулась.

— Джей! — ее лицо вытянулось, упали капли с ресниц-стрелочек, — Ты можешь отказаться. Мы сбежим, они не найдут.

— Не могу, я должен... — Он не верил, что говорит эти слова.

— Джей, прости.

Внезапно Грета оказалась совсем близко, вжалась в него вся — цветочным ароматом, соломенными волосами, глухо бьющимся сердцем. Джей боялся пошевелиться. Растерянно замолчал металлический голос, его вечный советчик. Город мертвецов исчез — пробивая асфальт тонкими стеблями, потянулись к небу красные маки.

* * *

Земля давно перестала быть точкой отсчета — даже глазам. В иллюминатор смотрели тусклые звезды. Джей не знал, что будет так трудно. Грета звала его остаться. Она доверяла Джею. А он не верил даже себе. Металлический голос в голове набирал силу, скоро он сольется с его собственным. Рисунок жег нагрудный карман. Джей помнил — нельзя повторить, ни в коем случае. Надолго ли хватит сил? Надо вернуться. У него ничего больше нет. У него нет даже себя. Только Грета — настоящая.

Что это? Джей схватился за голову, скорчился в кресле. Боль стучала тяжелыми молотками, глушила слетевшую с катушек память.

В иллюминаторе плавно рос серый диск планеты. Металлический голос вырвался на свободу и теперь гроыхал на весь командный отсек. Он не хотел слушать! Джей разнес пульт, сбил костяшки пальцев — но сообщение автоматом включилось снова. Он опустил в кресло, закрыл лицо руками.

Добро пожаловать на Анастэ! Вас приветствует корпорация «Новая жизнь»! Не совершайте резких движений, успокойтесь, выпейте оздоровительный коктейль! Память скоро полностью восстановится, и Вы почувствуете облегчение...

* * *

Джей поправил воротник униформы — резкие края врезались в шею, до чего же неудобно. А раньше не замечал... Бесконечный ряд серебристых мобилей — Джей поискал глазами свой номер, побрел к машине. Скоро он будет в ячейке.

Над небоскребами бушевал ураганный ветер, вот-вот разразится мощный дождь. Как похоже на их с Гретой последнюю встречу. Рука снова дернулась к воротнику — Джею стало нечем дышать. Что с ней теперь? Он показал Грете браслет — таких свидетелей корпорация не оставляет в живых. Почему он не вспомнил тогда? Так было надо... Впереди блестящей свечкой высилось здание корпорации. «Новая жизнь» — переливались красным огромные буквы. Джей отвернулся, сел в мобиль.

Он летел на Землю сдавать экзамен — его обучение в корпорации закончилось. Джей был готов к любому заданию. Брать штурмом стены небоскребов, пилотировать корабли, рассеять толпу, лишить город коммуникаций — все выполнимо. Тогда казалось, что выполнимо. Сейчас Джей уже не был так уверен в себе. Серая масса одинаковых униформ — безликая армия корпорации. И он среди них. Он такой же. Джей вспомнил рисунок. Нет, он другой, он лучше... Джей схватился за холодный металл, с силой рванул браслет. Грета. Родинка у брови, выгоревшая прядь волос, нитка голубых бус... Грета верила в него, а он подставил под удар самое дорогое. Он должен защитить, спасти... Джей потянул рычаг на себя.

Серебристый мобиль, копия тысяч других, каплей отделился от общего потока, набрал высоту. Огненным цветком взорвалась серая точка, здание корпорации дрогнуло, но устояло — лишь стекло верхних этажей дождем посыпалось вниз.

* * *

Куратору экспериментальной программы, Земля:

...Нам только что сообщили, что J-3 снова избавился от браслета личности и сбежал из закрытой лечебницы, куда он был помещен после инцидента с атакой здания корпорации. Одновременно пропал наш рейсовый корабль. Ожидайте — J-3 прибудет на Землю в ближайшее время.

Начальник отдела внедрения, корпорация «Новая жизнь», Анастэ.

Ветер рвал тучи в клочья, выл диким зверем. Глава корпорации устало откинулся в кресле, взгляд упал на бушующую за окном непогоду. Он потянулся за кофе, взял в руки теплую чашку, с удовольствием сделал большой глоток. Войны всегда были и будут. Их никто не отменит. Люди придумали, что они стали лучше, мудрее, правильнее. Нет, они просто выиграли свою маленькую войну с природой. И предусмотрительно забыли о цене этой победы. Трусливо прячутся по благоустроенным норам. Он хмыкнул, поставил чашку на стол.

Чего стоит цивилизованный человек, столкнись он нос к носу с первобытной неуправляемой агрессией? Человек разучился драться. А клоны — нет! Этим парням все равно, назовут их хорошими или плохими. Чувства клонов атрофированы — солдату они ни к чему. На счету у его армии не одна миротворческая миссия. Он покатал на языке слова, поморщился. Чего уж там. Клиенты корпорации любят красивые слова. Но они и не скупятся — за это можно потерпеть немного фальши. На носу очередной вооруженный конфликт — счета уже оплачены. Он пролистнул отчеты. Военный отряд укомплектован — новые солдаты готовы, «бывалые бойцы» прошли профилактику, все отделы дают отмашку. Отличненько!

Когда-нибудь и программа «максимум» принесет свои плоды. Он вздохнул. С новым поколением клонов не все так гладко — вчера сбежал J-3. Его, конечно, за пару дней поймают — Грета не даром считается лучшим агентом корпорации. J-3 сотрут память, отправят на карантин. Пока не поймут, где закралась ошибка. Новым клонам не гасят чувства — только воспитывают. Они неотличимы от людей, пригодны для заданий высокого уровня сложности. Отряд из десяти таких объектов сможет нейтрализовать целую страну. Примитивная сила первых клонов не откроет всех дверей. Врага надо знать в лицо, чувствовать кожей, иначе — как уничтожить?

Об авторе

Родилась в 1975 году в г. Одессе. В 2004 году окончила Одесский государственный университет им. Мечникова, специальность психолог. После окончания занялась частной психологической практикой, направление сказкотерапия. Начала писать авторские сказки. В этом же году были напечатаны отдельные очерки на тему сказкотерапии в журнале «Эниология». Больше нигде не печаталась. Как писатель чувствует себя органично в жанрах фэнтези, магический реализм, притча, сказка.

В настоящее время работает техническим писателем в ИТ компании «Комодо».

Лонг-лист конкурса «Активация слова», повесть «Марсиане» и цикл рассказов «По ту сторону от этой». Шорт-лист конкурса «Детское время», номинация «сказка», сказки «Колтак историй», «Сказка про Ганса», «Храбрый воин Сулиман». Финалист конкурса мистического рассказа Луганского клуба фантастики «Лугоземье», рассказ «Мартин и Марта».

Алексей Карелин

Профи

Спуститься в канализацию, пройти по смердящим каналам несколько километров, выбраться наверх на территории Корпорации Сетевого Контроля, проскочить незаметным мимо камер, амбалов с автоматами и холеными догами на поводке, систем идентификации личности, лазерных растяжек, подземных пружин и прочих устройств защиты и контроля, по пожарной лестнице забраться на крышу административного здания — всего лишь двадцать этажей, — влезть в вентиляционную трубу, по памяти проползти сей лабиринт на четвереньках, увидеть мощнейший на планете компьютер через вентиляционную сетку, оказаться в кабинете богатейшего на Земле человека, разобрать его ноутбук и одолжить винчестер, после чего повторить пройденный путь с точностью наоборот — все это пришлось совершить не мне. К сожалению. Или к счастью. Да, скорее последнее. Если побороть брезгливость и тошноту в канализации я бы, пожалуй, смог, то остальные препятствия заставили бы повернуть обратно. Или погостить неопределенный срок в тюрьме строгого режима. Моя стихия — компьютеры. Серебряный свет мониторов мне милее дневного..

Вот и сейчас передо мной три компьютера, и каждый грызет защиту украденного у КаСКи винчестера. Хоть я и не видел логово наноимперии даже издали, ее прихвостни ищут именно меня. Возможно, прозвучит пафосно, но в моих руках судьба мира. Конечно, КаСКа сделает все возможное, чтобы не дать мне изменить историю. Мне в свою очередь надо сделать все возможное, чтобы опередить ищеек КаСКи.

Вырос я в простой законопослушной семье. С детства увлекся компьютером, подавал надежды стать отличным программистом. Родители уже видели меня работающим на КаСКу, но у меня были свои планы на будущее. Работа на корпорацию — это жизнь в золотой клетке. Платят много, но держат на коротком поводке: ни уехать из страны, ни даже из города. Заявление об увольнении рассматривается как покупка билета на тот свет или в сумасшедший дом. Пенсия высокая, но опять-таки под строгим присмотром и с подпиской о невыезде. Да и дожить до нее сложно: пенсионный возраст — семьдесят, продолжительности жизни — шестьдесят два.

Не по годам во мне развилось чувство справедливости. Я отказывался принимать прослушивание телефонов, аресты за критику власти, контроль переписки. СМС, общение в чате, на форумах, в социальных сетях сканируют машины, реагируют на определенный набор слов. При обнаружении

слова повышенного риска, делается более тщательный анализ переписки. Если и он не развеет подозрения, то текстом занимается сотрудник Корпорации Сетевого Контроля. Разжигание национальной или политической розни, призыв к мятежу или иной запрещенный смысл влечет за собой удаление сообщения с портала, а СМС, ММС просто не доходят до адресата. Автор сообщения получает предупреждение, после рецидива банится или лишается мобильной связи, третий же проступок грозит тюрьмой. А зона нынче не та, что раньше — настоящий Ад. Весь срок заключенный пребывает в анабиозе, а его разум — в цифровом Аде. Степень тяжести преступления определяет степень мук, через которые придется пройти. Наивысшая мера наказания — семь кругов Ада. Если человек не умрет, то уж точно свихнется.

Таким образом, Интернет стал рафинированным. Побороли сетевое пиратство, троллизм, свободу слова и печати. Блоги и другие постоянно обновляющиеся информационные порталы приравняли к СМИ. Отсюда: плати налог и неси полную ответственность за размещаемый текст или прекращай деятельность. Теперь врать властям никто не мешает.

В старших классах я познакомился с анархистом, он открыл мне мир подпольщиков. Они вообще не люди. Никто. Пустое место. Несмотря на это, я проникся их идеями и сбежал из дома.

Как и все подпольщики, я не проклею, не прошел чипизацию. В четырнадцать лет каждый становится гражданином — человеком, который может участвовать в развитии страны, влиять на него. Устаревшая формулировка. Сейчас настоящие граждане — это подпольщики. Те же, кто надел ярмо, просто марионетки.

В наш век развлечений полно. Большинство из них разжижают мозг, отчего «гражданин» превращается в тупое быдло. Зачем это государству? Все просто: управлять образованными умными людьми проблем не оберешься. Все решено и продумано за нас. Мы только поддерживаем мираж выборов, мираж демократии. Хотя многим уже параллельна политика, ничто их не оторвет от телевизора и банки пива, даже выборы президента. Ну, а кто-то просто понял бессмысленность бить ноги до избирательного участка.

Конечно, не все так плохо. Наука прогрессирует, в развитии на уровне двенадцати классов остановились не все. Но система образования построена так, что гений в одной области знаний в остальных окажется совершенным простофилей. Нас легко обмануть, ввести в заблуждение там, где мы плохо ориентируемся. Мы же не знаем своих прав. Разве что юристы.

Сейчас гражданин — это человек, который официально зарегистрирован в стране, имеет полный пакет документов, то есть чип. Если вы не являетесь гражданином ни одной из стран, не находитесь на попечительстве граждан, то вы и за человека не можете считаться. Вас просто нет.

Чип вживляется под кожу на запястье. Он содержит все необходимые данные: паспортные, свидетельства о рождении, страховки, пенсионной карточки, визы, реквизиты счета в банке. С помощью чипизации человечество избавилось от вороха бумаг. Все всегда при вас и не теряется, не забывается. Нужно подредактировать, обновить информацию? И это воз-

можно. Только не подхватите вирус, иначе запросто можно превратиться в пустое место. Тогда никто ничем не поможет. Даже побираться теперь невозможно: мы просто не видим наличных. В такси и то соответствующее устройство обращается к вашему чипу.

Я не считаю чип благом. Человек стал слишком уязвим.

Как я уже сказал, есть злоумышленники: мошенники, жаждущие получить доступ к вашему расчетному счету, или хакеры, которым в кайф ломать человеческие судьбы. С ними борются, но они есть.

Соль и в том, что чип выдает ваше местонахождение. Да, полезно, если вы потерялись. Звоните в службу навигации, и порядок. Может спасти жизнь в экстремальной ситуации. Подаете сигнал SOS, авось, спасатели успеют.

С другой стороны, чувствуете, чем пахнет? Мы под колпаком. Любого гражданина легко найти. Преступников и нелегалов стало гораздо меньше. Все бы ничего, но у правительства свои взгляды на то, кто является правонарушителем. Набедокурил в Сети — физический адрес персонального компьютера не так-то сложно вычислить. Остается только считать данные с чипа оператора, находящегося в данный момент по этому же адресу. Конечно, результатом поиска может быть целая семья, но что эта мелочь по сравнению с земным шаром?

Вот так вот навели порядок в Интернете. Да здравствует жесткая цензура! Был как-то случай: местный писатель занялся изучением самодельных взрывчатых веществ и их применением. Поисковик все запросы фиксирует. Информация дошла до КаСКи. Писателя обвинили в подготовке теракта. И смех, и грех.

Кстати, подозрение в терроризме может возникнуть на любом основании, фантазия безгранична. Оно же дает право на обыск вашего жилья без ордера, на арест на продолжительный срок, пока не докажешь свою невиновность. Именно: пока не докажете вы. Государству достаточно желания упрятать вас за решетку или припугнуть. Акт о терроризме значительно расширил возможности полиции.

Наконец, неугодных людей могут просто исключить из информационной базы, вырубить чип. Все! Вы — никто, и звать вас никак. Беспомощны, чтомышь. Без бумажек — документов и денег — человек не жилец. Хотя есть исключения, как и у всякого правила. Без чипа вы либо труп, либо готовящийся стать трупом бомж, либо подпольщик.

Я — подпольщик. Нас ищут, нас изводят, как тараканов, но и мы не только прячемся. Успешный поход в КаСКа тому доказательство. Осталось взломать защиту, и у нас будет информация на вес золота. Мы сможем разрушить электронное рабство, отключить все чипы разом и научить жить по законам, законам народа. Рисуем ввергнуть страну в анархию? Да, но из беспорядка всегда возрождается порядок, более прекрасный и организованный, чем до разрушения. Утопию нам не создать, но вернуть демократию в наших силах.

Только бы успеть до того, как меня найдут. Если я и заходил раньше в Сеть, то не засветился ни разу: IP-адреса постоянно меняются, после каждого ответа с сервера. Сейчас я и вовсе в оффлайне. Даже если подпольщик,

укравший винчестер, попал в видеокамеру, его лицо ничего не даст, а система идентификации личности покажет, что такого человека не существует. Найти меня можно только через него. Если его схватят, язык развяжут. Ищейки КаСКи пыток не чураются.

Правда, мы встретились на моей старой квартире, настоящих имен друга не знаем, так что... ищейкам придется сильно попотеть, чтобы открыть меня. Разве что винчестер снабжен маяком. Нет, проверил, кажется, нет.

— Васька, отстань. — Вот любопытный кот. Все лезет к дисплею. Интересно же, что за циферки мельтешат да стрелочка какая-то бегают. Брысь! Вот настырный. Как сгоню, посидит рядом и снова на стол. Разбойник. Сбежал из дому, нашел непонятно как. Уже четыре года со мной по подпольям путешествует. Если б не он, свихнулся бы от одиночества. Бывают тяжелые периоды... Как сейчас.

Стоп! Дом. Я же звонил родителям! Значит, установление моей личности — дело времени. Будем надеяться, что я сильно изменился и пацан в семейном фотоальбоме не даст меня выследить. Камеры-то сейчас повсюду, в каждом заведении. А подпольщики не все с грядки воруют...

Да и пусть знают героя в лицо. Найти будет сложнее. А родителям не позвонить не мог. В последний раз ведь видел. Да и то из телефонной будки напротив дома.

— Васька, пшел вон!

В последний раз — тут и сомнений быть не может. Когда пароль будет подобран, установленная на винчестере системная оболочка затребуется соединения с «Атлантом» — главным компьютером корпорации. Через него я должен буду деактивировать чипы и запустить программу самоуничтожения — устроить бабах в административном здании КаСКи. Естественно, соединение не окажется незамеченным. У меня будет где-то полчаса, может, чуть больше. Возможно, этого хватит, чтобы отыскать в файловой системе необходимую информацию, отослать ее по зашифрованному каналу лидеру подпольщиков и положить начало хаосу. А для последнего надо освоить приложения, интерфейс которых не рассчитан на рядовых пользователей. Нда, попыхтим...

— Васька, итить колотить! Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, знаешь?

Эх, кто о тебе позаботится без меня? Хватит ли у тебя мозгов вернуться домой? Мышей поди здесь всех выловил.

Страшно ли мне? Страшно, но, как я уже говорил, во мне слишком остро развито чувство справедливости.

Так, одна ломалка сдалась. Зеленая линия прогресса достигла ста процентов, а толку ноль. Мигающий курсор в строке ввода, точно пожимание плечами. Кого ты спрашиваешь, меня?

Хорошо в фильмах показывают: минута — и готово. На деле простенькую почту так не взломаешь.

Пойду, попою чайку. Подпитаю сахаром мозги. Они еще понадобятся. Им предстоит марш-бросок. Да и ты, Васька, небось проголодался? Извини, но у нас только позавчерашний борщ. Ты ведь не привередливый?

Есть у подпольщиков умельцы, провели незаметно от общей линии в подвал и газ, и воду, и свет. Напор слаб да свет мерцает, но не жалуясь. Блага цивилизации за бесплатно.

У нас в подпольщиках только умные. Дураков не держим. Таким просто в голову не придет взбунтоваться, понять свое истинное положение в стране.

Васька! Где ты пропал? Борщ уже ждет тебя.

Едрить колотить! Куда взгромоздился? Брысь с клавиатуры. Что, азбуку осваиваешь, хакер полосатый? Ну-ка, говорят, рыжие коты приносят счастье? Посмотрим, что наколдовал. Энтер.

?!..

Н-ну, ты профи... Ну да, пей чай, мне теперь некогда. Время пошло.

Об авторе

Родился в 1990 году в с. Митьковка Брянской области. Закончил Брянский политехнический колледж по специальности «Программное обеспечение ВТ и АС», учится заочно в Брянском государственном техническом университете. Служил в РВиА (Ракетные войска и артиллерия) во Владимирской области.

В 2011 году – лауреат премии им. П. Л. Проскурина. География публикаций: США, Австралия, Казахстан, Дагестан, Финляндия, Новая Зеландия, Германия, Украина, Белоруссия, Россия. Публиковался в литературных журналах «Простор» (Алма-Ата), «Нива» (Астана), «Воин России» (Москва), а также журналах «Вселенная. Пространство. Время» (Киев, Москва), «Искатель» (Чикаго), газете «Красная звезда» (Москва), «Наш Техас» (Хьюстон) и др. В №1 за 2013 г. «Знание-сила: Фантастика» напечатан рассказ «Дикари».

Алекс Гор

Семь кругов ада

повесть

«Здесь пахло дорогим табаком, парижскими духами, сверкающей натуральной кожей туго набитых бумажников, массивными золотыми портсигарами — всей этой дешевой, всей этой гнусной плесенью, которая выросла на Зоне, пила от Зоны, жрала, хапала, жирела от Зоны, и на все ей было наплевать, и в особенности ей было наплевать на то, что будет после, когда она нажрется, напьется, нахапает всласть, а все, что было в Зоне, окажется снаружи и осядет в мире».

*А. Стругацкий, Б. Стругацкий
«Пикник на обочине»*

1. Фирма гарантирует!

— Я еще раз предупреждаю вас, мистер Шарп, что прогулка, — если вообще уместно это слово, — будет далеко невеселой. У многих нервы не выдерживают уже на полпути, а помощи ждать неоткуда. Так что, вкусив плод, придется отведать его до конца. Готовы вы к этому? — спросил Рой Ньюпорт, управляющий Зоной «Пэгэтори», обращаясь к собеседнику.

Бартоломей Шарп, высокий, спортивного склада мужчина, лет тридцати, вопросительно посмотрел на жену.

— Мы же все решили, Барт. Ну, Барт, пожалуйста! — нетерпеливо воскликнула стройная молодая женщина, умоляюще глядя на мужа.

— Конечно, конечно, Джозефин, — широко улыбаясь, ответил Барт.

Он повернулся к Рою Ньюпорту, седовласому пожилому человеку с черными пронизательными глазами, и твердо произнес: «Наше решение окончательное, господин Ньюпорт. Мы намерены не только пройти Зону, а пройти ее до конца».

— Похвальные намерения, господин Шарп, — улыбаясь, ответил управляющий. — Значит, рассчитываете на наш главный приз в один миллион долларов?

— Я не привык проигрывать, господин Ньюпорт.

— Замечательно, господин Шарп! Ответ достоин настоящего мужчины. Но должен вам сказать, что за все время существования Зоны только троим

смельчакам удалось добраться до «Зед шесть». Только троим. Большинство заканчивало свой путь в «Зед три» или «Зед четыре». Тем не менее, я от души желаю вам удачи.

— Благодарим вас, господин Ньюпорт! — улыбаясь белозубой улыбкой, воскликнула молодая женщина.

«Ох уж эти чичако, — подумал Рой Ньюпорт, с первого взгляда разглядев в этой хрупкой, восторженной женщине новичка в подобного рода делах. — Сколько их здесь побывало любителей острых ощущений за эти семь лет», размышлял он, доставая из папки два заполненных бланка. «Ну что ж, Зона одарит их острыми ощущениями на всю оставшуюся жизнь. Уж это фирма гарантирует!»

Держа в руках фирменные бланки, управляющий пристально посмотрел на очаровательную супругу Бартоламея Шарпа. Он проникся симпатией к молодой женщине, которая, — и это ему было совершенно ясно, — не имела полного представления о том, что ее ждет в Зоне.

— Госпожа Шарп, могу я задать вам один вопрос? — спросил управляющий.

— Да, господин Ньюпорт. Прошу вас.

— Могу ли я узнать, госпожа Шарп, располагаете ли вы каким-либо опытом в подобного рода испытаний?

Молодой женщине не удалось скрыть смущения под пронизательным взглядом управляющего. Несколько взволновано, она ответила: «Видите ли, господин Ньюпорт... Ну как вам сказать... Конечно, я не имею такого опыта, как Барт, мой муж, я хотела сказать... но я...»

— Господин Ньюпорт, — мягко остановил жену Барт. — Я принимал участие в операции «Буря в пустыни». Вы знаете, что это такое...

Пристально глядя в глаза Барту, управляющий сухо произнес: «Разумеется, знаю, господин Шарп. Это о многом говорит. Но вы никогда не были в нашей Зоне, а это испытание, пожалуй, будет покруче, чем «Буря в пустыне».

— Но ведь мы готовы подписаться, что ваша фирма не будет нести никакой ответственности за наше пребывание в Зоне, — поспешно сказал Барт.

— Да, это так, господин Шарп. И ваше согласие на это должно быть подтверждено вашими подписями на этих бланках, — ответил управляющий, держа в руках бланки соглашения.

— Мы готовы это сделать, — решительно ответил Барт.

«А парень с характером», — подумал управляющий, и сказал: «Я все это говорю вам только потому, что игра должна вестись по строгим правилам. Мы не хотим подвергать людей, не подготовленных к таким серьезным испытаниям, чрезмерному риску. А риск, действительно, очень велик. Но я вижу, господин Шарп, что вы можете постоять за себя и за свою очаровательную супругу».

Управляющий положил бланки на стол и протянул Барту авторучку. Барт быстро поставил подпись на двух бланках и передвинул их к жене. Джозефин взяла ручку, но ее рука на несколько мгновений замерла над бумагой.

Острый взгляд Ньюпорта сразу заметил замешательство молодой женщины, и его ладонь мягко легла на бланк.

— Простите, госпожа Шарп. Но я хотел бы сказать вам еще кое-что, прежде чем вы поставите подпись под этими документами, — доброжелательно произнес управляющий.

Джозефин посмотрела на управляющего настороженным взглядом.

— Да, господин Ньюпорт. Я слушаю...

— Знаете, госпожа Шарп. Я ведь сам дважды ходил в Зону. И должен признаться, что в первый раз я добрался только до «Зет три», а во второй — с трудом дошел до четвертого квадрата. А вот на третью попытку меня уже не хватило. «Зачем я все это говорю ей, — подумал он. — Ведь я не имею право говорить подобных вещей».

Джозефин уже овладела собой и, улыбнувшись, непринужденно сказала: «Вот как? В таком случае у меня есть шанс обставить вас, господин Ньюпорт! Хотите пари?»

— Ну, дай-то бог, — проговорил управляющий и убрал ладонь с бланка.

Джозефин решительно подписала под бланками и улыбнулась мужу. Он ответил ей ободряющей улыбкой.

— Отлично! Теперь осталось только оплатить ваше пребывание в Зоне, и я оформлю контракт, — сказал управляющий.

Барт достал из кармана деньги.

— Вот десять тысяч долларов, господин Ньюпорт, — сказал он, протягивая деньги управляющему.

Управляющий взял деньги, оба бланка, поставил на них свою подпись и печать, затем один экземпляр вернул Барту, а второй запер в сейф.

— Договор заключен, господин Шарп, — сказал управляющий. — Вам выдадут экипировку, необходимое снаряжение и карту Зоны. Наш инструктор проведет с вами подготовительную работу. И я хочу верить, что вы добьетесь своей цели. Я искренне желаю вам успеха. Выход в Зону назначен на шесть часов утра завтрашнего дня. А пока, господа, желаю вам приятно-го отдыха в нашей гостинице. За счет фирмы, разумеется...

2. Инструктаж

В 5-45 утра Барт и Джо вышли из гостиницы. На Барте был оранжевый комбинезон, на ногах — легкие, прочные краги, руки закрывали тонкие, эластичные перчатки, а на поясе висели тяжелый армейский кольт и тесак. На Джозефин был комбинезон голубого цвета.

Их уже ждал микроавтобус, за рулем которого сидел Стив Глэн, инструктор Зоны. Накануне Стив несколько часов провел в гостиничном номере Шарпов, разбирая с ними варианты прохождения Зоны.

— Привет, Стив!

— Привет, Джозефин! Привет, Барт! Как настроение?

— Все в порядке, Стив. Мы готовы! — ответил Барт.

— Окей. Тогда поехали, — сказал Стив, и включил зажигание машины.

Мотор мягко заворчал, и машина, набирая скорость, устремилась к Зоне.

Стив не закрывал рта. Он мог говорить о Зоне в любое время дня и ночи.

— Зона полна неожиданностей и непредсказуемых явлений. Она нашпигована ими, как рябчик мелкой дробью, после удачного выстрела. Надо помнить об этом постоянно. Ни на секунду нельзя расслабляться. Чуть потерял бдительность, и готово! Зона только и ждет этого. Тут же подкинет какую-нибудь пакость, вроде «Красного перца». Но это цветочки! А ягодки... Кстати, о цветочках. В Зоне сказочно красивые цветы. Но их красота коварна. Могут ждать сюрпризы. «Черные брызги», например. Так что, держитесь от цветов подальше. Впрочем, для Зоны понятие «держитесь подальше» звучит просто нелепо. Я бы сказал так: лучший способ избежать ловушек Зоны, это вообще не входить в нее. Вот так-то! Постичь тайну Зоны невозможно. Она неповторима, как мир. Все земные понятия и законы в Зоне теряют всякий смысл. И все же, у Зоны есть одна особенность. Чем дальше проникаешь в Зону, тем больше опасность. Как сказал русский ученый Кирилл Панов, когда побывал в Зоне: чем дальше в лес, тем больше дров!

Стив замолчал, думая о чем-то своем. Потом тихо произнес: «Хороший был парень, Кирилл. Умер от разрыва сердца после выхода из Зоны в Мермонте. Может, слышали?»

Стив говорил не столько для Бпрта и Джо, сколько для самого себя. Он говорил о Зоне так, как профессор о своем любимом предмете, как родитель о своем ненаглядном дитя.

— Да, восемь километров Зоны далеко неравноценны. Если первую половину проходят за час-два, то вторая половина занимает раза в три больше времени. Впрочем, дальше «Зет четыре» мало кто проходил. Большинство ломается уже после третьего квадрата. Зона выворачивает всех буквально на изнанку. До тошноты. До кровавой блевотины. До истерии, до...

Стив вдруг осекся, осознав, что наговорил лишнего, и замолчал. Он искоса посмотрел в зеркальце заднего обзора. Лицо Джозефин было искажено болезненной гримасой. «Идиот! — мысленно отругал себя Стив. — Какого черта разболтался!»

Машина, плавно вписавшись в поворот, вышла на последний отрезок пути к Зоне.

— Подъезжаем, — сказал Стив, и, помолчав, добавил. — Вот что я вам хочу сказать, ребята. Зону одолеть можно, если очень захотеть. Надо только превозмочь себя. Тысячу раз превозмочь. И не поддаваться панике. Из любого положения, даже критического, можно найти выход. И главное — думайте друг о друге, и ваша верность, ваша любовь помогут вам в тяжелую минуту.

Заскрипели тормоза, и машина остановилась у высокого, глухого железобетонного забора.

— Ну, вот и приехали! — сказал Стив, и взглянул на часы.

Оставалось еще минут пять свободного времени.

Все вылезли из машины. Стив держал в руках два компактных рюкзака красного цвета. Он помог Барту и Джо укрепить рюкзаки на спине, проверил замки крепления и коротко обронил: «Порядок!» Затем Стив вернулся к машине и вытащил из нее два серебристых шлема и два мотка нейлоновой

веревки. Он молча протянул шлемы Барту и Джо и, пока они облачались в них, пристегнул кольца веревок к карабинам их поясных ремней.

— Ну, вот и все, ребята, — сказал Стив. Теперь пора. Помните. После прохождения каждого квадрата, вы обязаны дать контрольный сигнал. Либо зеленая, либо красная кнопка. Красная — выход из Зоны. Надеюсь, вы будете пользоваться только зеленой кнопкой. Контрольное время выхода из Зоны — 12 часов пополудни. Желаю успеха!

Стив пожал руки Джо и Барту, затем подошел к стальной двери в железобетонном заборе и нажал комбинацию кода. Дверь плавно открылась, освободив проход в Зону.

Барт и Джо бросили последний взгляд на реальный мир, который они покидали. Они уходили из хмурого, серого утра, под неприветливым, мрачным небом которого, замазанным грязными плотными облаками, нехотя, как бы с оглядкой, зарождался новый день. Взявшись за руки, Барт и Джо шагнули в неизвестное.

3. Зона встречает гостей

Тяжела стальная дверь у них за спиной вновь ожила. С легким скрипом, она поползла к противоположной стене, как бы разделяя мир на две части. Там, за тающим светлым квадратом дверного проема, оставался живой мир человеческих радостей, тревог и надежд, а здесь, по их сторону, — суровые испытания, страх и неизвестность. Дверь, глухо охнув, закрылась и замерла. Все. Они в Зоне.

И сразу же их окружила непроницаемая тьма и жуткая, леденящая кровь, тишина. Джозефин крепко прижалась к Барту. Он слышал ее прерывистое дыхание и чувствовал учащенное биение своего сердца. Барт вдруг остро ощутил, что теплое, тревожное дыхание жены и стук ее сердца остались единственной тонкой нитью, связывающей его с реальным миром. Одной рукой он обнял жену за плечи, а другой достал из набедренного кармана фонарь.

Острый луч света, разорвав темноту и мгновенно промчавшись до первой преграды, желтым пятном распластался на черной стене. Барт повел фонарем по сторонам, и они увидели, что находятся в глухом, узком туннеле примерно двух метров в диаметре. Весь свод и стены туннеля были густо покрыты черными гибкими трубочками размером с карандаш, на концах которых тут и там сверкали ртутным блеском капельки жидкости. В движущимся луче света фонаря черные стены туннеля вспыхивали всплесками холодного серебряного огня.

Барт и Джо медленно двинулись вперед. Барт считал про себя шаги. Через каждые четыре шага в плотное, пружинящее как резина покрытие пола, была встроена стальная решетка с мелкими ячейками, сквозь которые невозможно было ничего разглядеть. Через сорок шагов туннель закончился стальной дверью, точно такой же, через которую они вошли в него. Луч фонаря, скользнув по периметру двери, выхватил табличку под самым сводом туннеля. На табличке была надпись: «Конец санитарной зоны».

— Так мы еще не в Зоне? — почему-то шепотом спросила Джо.

— Выходит, что нет, — так же тихо ответил Барт. — Зона за этой дверью. Барт надавил на дверь рукой. Это было похоже на попытку сдвинуть с места слона.

— Барт! Наверное, где-то должна быть автоматика? — сказала Джо.

Первое волнение улеглось, и в Джо проснулся охотник. Она тоже достала фонарь, и пока Барт тщательно обследовал дверь, стала осматривать стены туннеля.

— Нашла, Барт! Я нашла!

Примерно в метре от двери, в стене была небольшая ниша. Под лучом фонаря высветились две кнопки: красная и зеленая.

— Молодчина, Джо! С тобой не пропадешь! Давай нажимай!

Джо, без колебаний, нажала на зеленую кнопку. Тут же в ниже засветилась надпись: 6-07 утра. Еще через мгновение стальная дверь мягко сдвинулась с места и открылась. Волна света вошла в дверной проем, и чернота туннеля отступила куда-то вглубь.

Барт и Джо вышли из туннеля и вновь очутились в раннем августовском утре. Когда их глаза адаптировались к свету, они с интересом стали осматривать местность. Перед ними лежало поле похожее на сказочный ковер, сотканный из изумрудной травы и ярких, всех красок и оттенков, цветов. Воздух был наполнен сладким, пьянящим ароматом цветов и свежескошенной травы. Низкое небо, — казалось, оно висело над самой головой, — было удивительно сочного голубого цвета. На небе было не видно солнца, но солнечный свет, каким-то удивительным образом, наполнял все вокруг. И эта сказочная красота покоилась в глубокой тишине. Тишина была бы абсолютной, если бы ее не трогал тонкий, чуть слышный звук, напоминавший жужжание пчелы: зы-зы-зы-зы...

— Барт! Какая красота! — воскликнула Джозефина.

Ее голос прозвучал резко и сухо, и ему тут же ответило раскатистое эхо: барт-барт-арт-арт-ка-ка-ота-ота...

— Да-да-да..., ответили Барт и эхо, — мы-мы-зоне-оне-оне...

Барт не слышал сам себя и прервал фразу на полуслове. Наклонившись к уху Джо, он негромко сказал: «Чертово эхо. Невозможно говорить. Вот тебе и первый сюрприз Зоны. Будь внимательнее, Джо, и помни, дорогая, ты должна выполнять все мои команды. Не задумываясь. Автоматически. Уж потерпи, дорогая. Дома будешь командовать ты», — закончил Барт и улыбнулся жене.

— Да, милый. Я буду послушной девочкой, — улыбнувшись в ответ, также тихо ответила Джо.

Барт достал карту и выверил по компасу направление движения. До «Зед-2» им надо было идти на северо-запад по диагонали квадрата «Зед-1» примерно 1400 метров. Барт убрал карту в планшет и стал рассматривать местность по направлению движения. Почти сразу же он нашел нужный ориентир: одинокий желтый холм метрах в 500-600 от них. Указав рукой на холм, Барт наклонился к жене и сказал: «Ориентир — желтый холм. Иди за мной след в след, и ни шагу в сторону!» Он поцеловал жену и шепнул: «Мы дойдем, дорогая. Обязательно!»

Барт взглянул на часы. Было 6-15 утра. Пошли! — скомандовал он и вступил на изумрудный газон. Трава была сухая, жесткая и пружинила под ногами, не оставляя следов. Каждый шаг сопровождался хрустящим звуком, будто крахмал перетирали: крак-крак-крак... Джозефина шла за Бартом, напряженно следя за каждым его шагом. Это оказалось трудным занятием, и, незаметно для себя, она стала отставать от мужа. Шагов через 70 их уже разделяло метров пять. Барт обернулся и, призывно махнув рукой, крикнул:

— Не отставай, Джо!

— Отставай-вай-джо-жо... — подхватило эхо.

Джозефина ускорила шаг, уже не смотря под ноги, а ориентируясь на мужа.

Так они прошли еще метров сорок, под звук собственных шагов и неведомое жужжание: крак-крак-зы-зы-крак-крак-зы-зы... Джозефина стала поглядывать по сторонам. Яркая красота невиданных прежде цветов радовала глаз, а их сильный аромат дурманил голову. Она была очарована буйством красок Зоны, и страх перед Зоной растворился в ее сердце бесследно. Она взглянула в сторону мужа и невольно залюбовалась его походкой. Высокий, широкоплечий, узкобедный, он шел легко и свободно, и в каждом его движении чувствовались уверенность и сила. «Я люблю тебя, Барт! Барт, ты слышишь? Я тебя люблю!» — мысленно повторяла она. Почти в то же мгновение Барт обернулся, улыбнулся и, ободряюще кивнув головой, вновь твердо зашагал вперед.

Для Джозефины это стало таким радостным мгновением, что ее охватило желание что-то сделать для мужа, тут же, сию секунду. Она огляделась. Примерно в трех шагах от себя она увидела редкой красоты цветок: высокий, стройный стебель венчала ярко-фиолетовая шапка-шар с вкраплениями голубого, желтого и красного цветов. Когда Барт прошел мимо этого цветка, цветок всколыхнулся от легкого движения воздуха и тут же вспыхнул разноцветными огоньками-радугами. Он был так красив, что невозможно было оторвать взгляда от него. Поравнявшись с цветком, Джозефина присела на корточки и протянула руку к стеблю. Но как только она дотронулась до него, из фиолетовой шапки цветка во все стороны брызнули струйки темной жидкости. Несколько капель попало ей на лицо, и она сразу почувствовала жгучую резь в глазах.

— Барт! Барт! — вскричала она, закрывая лицо ладонями.

— Барт-барт-арт, — заголосило эхо.

Тут же последовал другой звук: крак-крак-крак-крак, и сильные руки мужа подняли ее на ноги.

— Джо! Что с тобой?

— Джо-джо-жо-то-то-ой..., — откликнулось эхо.

— Глаза. Что-то с глазами, — прошептала Джозефина.

Барт отвел ладони жены от лица и увидел, что оно покрыто черными, маслянистыми пятнами. Дернув молнию на нагрудном кармане комбинезона, он выхватил из него пакет, быстрым движением разорвал его и тщательно протер глаза и лицо жены влажным марлевым тампоном, пропитанным специальным раствором.

— Успокойся, дорогая. Сейчас все будет в порядке, — мягким голосом произнес он.

Минут через пять, когда резь в глазах окончательно прошла, Джозефина спросила: «Что это было, Барт?».

— Черные брызги. Ты не пыталась сорвать какой-нибудь цветок, Джо?

Джозефина посмотрела на мужа виноватым взглядом и тихо сказала: «Но он был удивительно красив... Я хотела подарить его тебе...»

Барт, положил ладони рук на плечи жены и мягко сказал: «Джо, дорогая. Прошу тебя, будь осторожней. Мы ведь только в самом начале пути...»

Они вновь двинулись вперед. Теперь Джозефина не только не любовалась цветами, но и обходила их стороной.

Крак-крак, — мерно раздавалось после каждого шага Барта. Крак-крак, — отзывались шаги Джозефины. Зы-зы-зы, — тихо жужжал неведомый звук. Через каждые десять шагов Барт останавливался и обеспокоено оглядывался на жену. Обернувшись в очередной раз, он не остановился, а продолжал движение. Крак-крак-пфьюю...

Резкий, свистящий звук разорвал тишину Зоны. Тут же пронзительно засвистело эхо: пфью-пфью-пфью..., и из под ног Барта взметнулось вверх красное облачко. Оно обволокло Барта, и он почти растворился в нем, в своем оранжевом комбинезоне.

— Барт! — воскликнула Джозефина.

— Барт-барт-барт... — охнуло эхо.

— Стой, Джо! Не двигайся! — раздался из облака приказ Барта.

— Стой-ой-джо-жо-айся-айся-ся-ся... — предостерегала Зона голосом эхо.

Джозефин, уже было готовая броситься к мужу, послушно замерла на месте. Из густого облака вынырнула спина Барта. Он сделал два или три шага, пятясь спиной назад, и остановился.

— Джо! Я вышел из облака? Негромко спросил он.

— Да, Барт. Ты в метре него, также тихо ответила она.

Джозефина подошла мужу и взглянула ему в лицо. Из глаз Барта обильно текли слезы.

— Что произошло, Барт? — встревожено спросила она.

— Слезоточивый газ, — прохрипел он. — Синий пакет, Джо...

Джозефина быстро вынула из кармана синий пакет, разорвала его и наложила на лицо мужа влажную марлевую повязку. Минут через пять Барту стало лучше, и он был в состоянии двигаться дальше. Но прежде, он показал жене источник слезоточивого газа. В изумрудной траве краснело несколько стручков... перца, на один из которых и наступил Барт.

— Видишь, Джо, как эти маленькие ядовитые бомбочки напоминают перец. Помнишь, Стив говорил нам о «Красном перце»? Надо быть осторожнее. Не повторяй моей ошибки, дорогая. Никогда не делай ни шагу, если тебя что-нибудь отвлекло.

Они продолжили путь, и уже без приключений добрались до желтого холма. Барт взглянул на часы: 6-35. «Полкилометра за 25 минут. Ужасно!» — подумал он, доставая карту.

4. Горячие пески

Холм был насыпной, из мелкого золотистого песка. «Песочек, похоже, прямо с калифорнийского побережья», — подумал Барт. Он прикинул размеры холма. Вершина песочной горы достигала метров десяти, а ее основание растянулось метров на тридцать. В лучах солнечного света желтый холм переливался золотыми бликами, словно золотая гора.

— Золотой холм! Барт, мы нашли клад! — смеясь, воскликнула Джозефина.

— Холм-олм-клад-ад... — откликнулось эхо.

— Красиво, — согласился Барт.

Барт взглянул на карту. Слева и справа от холма, ядовитым зеленым цветом с черными штрихами было обозначено болото, а по середине — тянулась желтая полоска, шириной метров в двадцать.

— Джо. За холмом с обеих сторон болото, разделенное полоской песка. Честно говоря, я даже не знаю, какой путь менее опасен, и какое из двух зол меньше: «Ржавая хлябь» или «Желтый штопор», — задумчиво произнес Барт.

— Желтый штопор звучит немного приятнее, — неуверенно проговорила Джозефина.

Барт кивнул головой, в знак согласия. Он наклонился и поднял несколько мелких камешков.

— Смотри, Джо, — сказал он, и бросил камень на песчаный холм.

Камень упал на холм, выбил фонтанчик песка, сполз нехотя по склону и замер. Барт бросил второй камень, уже в другом направлении. Та же картина. Но когда третий камень коснулся песка, он не выбил фонтанчика, а штопором ввинтился в песок, оставив за собой воронку.

— Вот это и есть «Желтый штопор», — сказал Барт, — в миниатюре...

— Что будем делать, Барт? — тихо спросила Джо.

— Подготовимся к сюрпризам, Джо. Стой на месте. Я сейчас.

Барт стал собирать камни, разбросанные около холма, и складывать их широкий набедренный карман. Наконец, набив полный карман, он крикнул: «Все, Джо! Пошли!»

— Все-се-се-жо-жо-шли-ли... — откликнулось эхо.

Они обогнули холм с правой стороны, прошли несколько метров по узкой полоске твердой земли и остановились. По правую руку от них тянулось болото, поросшее густой осокой и камышом. Со стороны болота тянуло сыростью и плесенью. Болото чавкало, сипело и хлюпало...

Джозефина с отвращением передернула плечами и повернулась в сторону песчаной полосы. Безупречно золотистый песок ласкал и радовал взор.

— Джо, — сказал Барт. — Полоса песка тянется метров на двести. Это четыре сотни шагов, а у нас только тридцать камней. От этих камней зависит все. Они наши лоцманы. Придется тебе потрудиться, дорогая.

— Понимаю. Я буду аккуратной, Барт.

Барт вынул из кармана несколько камней и бросил один на песок, в полуметре от себя. Выбив фонтанчик песка, камень замер. Второй камень... третий... Барт и Джо медленно продвигались вперед, аккуратно ступая на

место, куда упали камни. После каждого шага Джо вынимала из песка очередной камень, придавленный ногой Барта. Раза три Барт восклицал: «Штопор!» Они обходили опасное место и вновь шли вперед. После первых тридцати шагов пески проглотили четыре камня, еще несколько камней исчезли в «Желтом штопоре» после очередной серии шагов. Когда они сделали 250 шагов, у них осталось только два камня. Теперь Барт был вынужден действовать рациональнее. Он стал бросать камни на расстояние метра, удлинив, таким образом, шаг вдвое. Он знал, что Джо тяжело шагать такими «семимильными» шагами, да и еще подбирать камни, но выбора не было. Им удалось пройти еще метров пятьдесят, прежде чем пески проглотили последний камень. До конца песчаной полосы оставалось всего каких-то метров двадцать.

Барт посмотрел на жену. Она тяжело дышала. Капли пота катились по ее лицу. «Надо что-то придумать», — лихорадочно соображал Барт. Он стал ощупывать карманы. Вдруг его осенило. Он снял с пояса моток веревки, вынул из ножен тесак и к его рукоятке прикрепил конец веревки. Получился отличный метательный снаряд. Барт бросил нож на расстояние вытянутой руки. Нож вонзился в песок по самую рукоятку. Барт повернулся к жене и улыбнулся: «Порядок, Джо. Лоцман, что надо!»

Они снова двинулись вперед. Раза два нож штопором уходил в песок, но Барт легко выдерживал его веревкой. Джозефин еле передвигала ноги. Ей хотелось только одного: лечь и расслабиться. Шаг за шагом они приближались к твердой земле, приветливой лужайке, покрытой изумрудной травой. До нее оставалось три метра. Джозефин не выдержала. Забыв обо всем, она побежала к лужайке. Шаг, два...

— Ой! Ой-ой-ой... — крик Джо слился с криком эха.

На глазах Барта, в метре от него, Джо провалилась в страшную воронку «Желтого штопора». Барт оцепенел. Над поверхностью песка осталась только голова Джо. На него смотрели широко раскрытые глаза жены, наполненные ужасом. «Так наказывают неверных жен в Саудовской Аравии», — вдруг пришла ему на ум нелепая мысль.

Барт бросился на колени и стал разгребать песок вокруг Джо. Через несколько минут он вытащил жену из песчаного плена и, совершенно обессиленную, положил на изумрудную траву полянки. Барт вынул карманную аптечку, достал из нее нашатырь и растер виски Джозефин. Затем он достал из рюкзака термос с горячим кофе, налил несколько глотков в крышку термоса и протянул жене.

— Джо, дорогая. Выпей кофе. Тебе станет лучше.

Он помог жене сесть и поднес к ее губам стаканчик с горячим напитком. Нашатырь и кофе помогли. Джозефин стало лучше.

— Ты можешь идти дальше? — спросил Барт.

— Да, дорогой. Сейчас, — виновато улыбаясь, — ответила Джо.

— Да, да. Отдохни минут пять.

Барт взглянул на часы: 7-15. «Уже час в пути, — подумал он, — а еще не дошли до «Зед-2». Хватит ли сил у Джо?»

5. Пари

Рой Ньюпорт вошел в главный операционный зал и направился к терминалу, за которым сидел Стив Глэн.

— Привет, Стив! Работаете?

— Привет, Рой. Контролирую маршрут.

— Какой?

— Зед один.

— Это... это супруги Шарп, не так ли?

— Да. Бартоламей и Джозефина Шарп.

— Ну и как у них дела?

— Десять минут назад дали сигнал прохождения первого квадрата.

— С каким временем?

— Семьдесят пять минут.

— Слабовато.

— Да. Пожалуй.

— Я сразу понял, что они чичако, — авторитетно произнес Ньюпорт. — А как на других маршрутах?

— В разных квадратах Зоны восемь джестеров. Худший из них опережает Шарпов на 30 минут.

— Да. Чичако. К третьему квадрату испекутся, как пить дать, — сказал Ньюпорт.

Стив Глэн неопределенно пожал плечами и неожиданно заявил.

— Рой! А хочешь пари? Ставлю сотню против пятидесяти, что ребята дойдут до пятого квадрата. Идет?

Рой Ньюпорт снисходительно посмотрел на Стива.

— Оставь лучше сотню себе, Стив. Я не привык заключать заведомо выигранное пари, да еще и не на равных условиях.

— Хорошо, Рой. Давай на равных. Сто против ста. Идет?

— Но только не говори потом, что я заставил тебя заключить это пари, — засмеялся Рой, протягивая руку Стиву.

— Окей, Рой.

6. Кисель кикиморы

Зеленая лужайка оборвалась также неожиданно, как и пески. Окаймлявшая лужайку с двух сторон заболоченная пойма, сомкнулась, образовав большое, мрачное болото. Низкое небо Зоны стало еще ниже и тяжело зависало ярко-лиловым покрывалом над сизо-лиловой болотной хлябью, так что невозможно было различить границу между небом и водой. От болота тянуло промозглой сыростью и смрадом. Зона резко сменила свое обличье, оставив позади безупречную чистоту и гармонию красок.

Всего 15 минут назад Барт нажал зеленую кнопку на контрольном столбе, разделявшим «Зед-1» и «Зед-2», и, сверил маршрут, повернул на север.

Они тащились по нескончаемому, вонючему болоту, казалось уже целую вечность. Джозефина угодила в «Ржавую хлябь». Пока Барт вытаскивал

жену из зловонной ямы, он сам весь перемазался в этом дерьме, и теперь от них смердело, как от тысячи тухлых яиц. Когда они, наконец, выбрались на небольшой островок сухой земли, Барт сделал ватные тампоны, пропитанные дезодорантом, и заткнул ими ноздри Джо и себе.

И снова вперед по сизо-лиловой, липкой, вонючей, гнусной жиже. Наплыл густой, маслянистый, ядовито-желтый туман, и когда Барт и Джо погрузились в него, им стало трудно дышать. Они хватали воздух ртом, и вместе с воздухом заглатывали отвратительную желтую слизь. Когда они, наконец, выбрались из тумана, на них вдруг напало беспричинное и безудержное веселье. Задыхаясь от смеха, они брели по болоту, как два веселых призрака.

Болото кончилось, и они выбрались на твердую сухую почву. И тут их охватила ужасная слабость и непреодолимо потянуло в сон. Джо как подкошенная рухнула на зеленый ковер травы. В сознании Барта слабо пульсировала мысль: «Спать нельзя... нельзя спать...» Преодолея себя, он вытащил из кармана аптечку, достал нашатырь и сделал несколько глубоких вдохов. Сознание сразу прояснилось. Барт поднес нашатырь к ноздрям жены, и ей то же стало лучше. Затем Барт проглотил две таблетки транквилизатора, нейтрализующего действия веселящего газа, или «Киселя кикиморы», как говорил им Стив Глэн. Барт заставил жену проглотить таблетки, и через десять минут они оба окончательно пришли в себя. И тут они обнаружили в четырех метрах от себя черно-белый контрольный столб, на южной стороне которого был знак «Зед-2», а на восточной — «Зед-3». Они оказались с восточной стороны столба.

Супруги посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Это судьба, Дорогой, — сказала Джо.

Она встала, подошла к столбу и нажала зеленую кнопку. Барт благодарно смотрел на жену. Затем, по привычке, взглянул на часы. Часы показывали 8-30.

7. Невидимый убийца

Квадрат «Зед-3» им предстояло пересечь в северо-восточном направлении. Пройдя сквозь чахлый, безжизненный кустарник, они вышли на открытую местность. Грязно-серого цвета земля кое-где была прикрыта скудной растительностью. Клочками ржавой травы, островками чертополоха и репейника, редкими кустиками пожухлой бузины и волчьей ягоды, проступавшими там и тут из густого смога. Видимость была не более десяти метров. Время от времени, из непроницаемого тумана раздавались странные звуки. Жалобные стоны, похожие на крик, попавшего в капкан зайца, чередовались с глухими ухающими криками. И еще явственно было слышно уже знакомое жужжание: зы-зы-зы-зы...

Они шли на расстояние двух шагов друг от друга. Впереди Джо, а за ней Барт. Слева из тумана выплыли надолбы железнодорожного тупика. На скрюченных рельсах, взметнувшихся вверх огромными проржавевшими крючьями, висели полусгнившие шпалы, маслянистые бока которых,

поблескивали капельками росы. Шагов через двадцать показался прогнивший остов пассажирского вагона с пустыми черными глазницами окон. Джо показалось, что в черном проеме одного из окон появилась и тут же исчезла, словно приведение, фигура человека в мерцающем фиолетовым светом саване. Джо замерла, охваченная страхом.

— Барт... там кто-то есть... — прошептала она, кивая головой в сторону вагона.

Рука Барта оказалась на рукоятке колыта. Закрыв Джо спиной, он напряженно вглядывался в окна мертвого вагона.

— Спокойно, Джо. Спокойно. Иди вперед, — сказал Барт. Пятясь спиной, Барт прикрывал жену до тех пор, пока вагон не растворился в тумане. Только тогда, он развернулся на 180 градусов и ускорил шаг. За его спиной вдруг пронзительно ухнуло: «Угу-гу-гу...» От неожиданности Барт вздрогнул, и тут же ему на грудь бросилась, дрожащая от страха, Джо.

— Мне страшно, Барт, — прошептала она.

Барт крепко обхватил жену за плечи и молча зашагал вперед, погружаясь в густой смог. В ноздри ударил резкий запах прокисшей капусты. Шагов через тридцать, смог стал таким плотным, что нельзя уже было разглядеть собственных пальцев на вытянутой руке. Барт достал фонарь. Луч света, с трудом протиснувшись метра на два сквозь грязно-желтый студень смога, безнадежно увяз в тумане. Барт остановился и повел фонарем по сторонам. Луч света обречено метался в замкнутом пространстве смога, не в силах пробить его. Барт напряженно думал. Необходимо было принять какое-то решение. Либо двигаться вперед, либо переждать туман. Но рассеется ли это чертов смог? Кто знает? Надо двигаться. Нельзя превращаться в беззащитную мишень. Барт снял с пояса веревку и, отрезав от нее кусок метра в три, прикрепил один конец к ремню Джо, а другой зафиксировал на своем ремне.

— Надо двигаться, дорогая. Пойдем в связке, — сказал он.

— Барт, мне страшно, — дрожащим голосом проговорила Джо.

— Не бойся, любимая. Я с тобой, — ответил Барт, прижимая ее к груди.

— Нам необходимо выбраться из этого тумана. Он делает нас беззащитными. Доверься мне, дорогая. Идем.

С трудом оторвавшись от мужа, Джо тихо ответила: «Да, милый. Надо идти».

Не успели они сделать и четырех шагов, как слева от них, где-то совсем рядом, раздался пронзительный крик агонизирующей жертвы, и тут же прозвучало жуткое клокотанье невидимого убийцы.

Барт бросился к жене. Она стояла парализованная страхом, не в силах даже взглянуть на него. В слабом свете беспомощного фонаря она была похожа на голубое приведенье, парящее в тумане. Барт молча обнял жену и крепко прижал ее к себе. Так они простояли несколько минут. Наконец, Барт тихо спросил: «Джо, ты слышишь меня?» Джо дважды кивнула головой, вдавливаясь лбом ему в грудь. «Джо, нам надо двигаться». Она снова кивнула.

Медленно, почти вслепую, они снова двинулись вперед, связанные одной веревкой и одной судьбой. Барт считал в уме шаги: 29,30,31... За его

спиной раздался хруст сломанной ветки, затем глухой шум, упавшего на землю тела.

— Ба-а-арт!

В один прыжок он очутился рядом с женой и помог ей подняться на ноги.

— Мне показалось, что меня кто-то схватил за ногу... или я споткнулась? — неуверенно произнесла Джо.

Барт опустил на колени и направил луч фонаря на ступни Джо. Вокруг ее правой лодыжки обвивался репейник. Барт помнил наставления Стива. Это был «колючий браслет». Барт достал нож, перерубил толстую ветку репейника и, продев нож между лодыжкой и «браслетом», одним быстрым движением освободил ногу жены от ужасной колючки. Барт встал и, вкладывая нож в ножны, сказал: «Все в порядке, дорогая. Ты просто зацепилась за ветку бузины. Пустяки. Можно идти дальше».

Минут через пять Барт почувствовал, что дорога начинает подниматься в гору. Туман быстро стал таять и уже шагов через десять вовсе исчез. Они вышли на вершину небольшого голого холма. Низина за их спиной была скрыта сплошным плотным смогом, как будто кто-то опрокинул туда огромную лохань со сметаной, подкрасив ее желтой охрой. Из тумана тянулась заросшая бурьяном, железнодорожная колея, на которой стояла черная цистерна, наполовину закрытая туманом. Барту даже показалось, что туман желто-белой струйкой вытекает из открытого люка цистерны... Тут и там виднелись небольшие холмики, покрытые жухлым лозняком. Справа, шагах в пятидесяти, виднелся остов разбитого грузовика, рядом с которым валялся велосипед со скрученными колесами. На северо-востоке, менее чем в километре от них, можно было разглядеть группу домов. В этом безжизненном и безрадостном пейзаже не было заметно никакого движения, никаких признаков жизни. Во всем чувствовалась какая-то безысходность, которая усиливалась непривычным для глаза цветовыми контрастами неба: ярко-лиловое на юго-западе, оно безо всякого перехода превращалось в ядовито-желтое на северо-востоке.

Стуча зубами от холода и не в силах унять дрожь, Джо прижалась к мужу. Он помог ей стянуть с плеч рюкзак и, сняв свой, достал из него теплое шерстяное одеяло, которым тщательно укутал жену. Усадив ее на второе одеяло, Барт вынул термос с кофе и налил густую, горячую, сладкую жидкость в стаканчик. Кофе пахло домашним теплом и уютом. Барт то же налил себе кофе и, медленно, с наслаждением, стал пить душистый напиток, чувствуя, как с каждым глотком силы возвращаются к нему.

— Ну, как, Джо, тебе лучше?

— Спасибо, милый, — слабо улыбнувшись, ответила Джо и, немного помолчав, добавила, — похоже, впереди нет больше болот и смога...

Барт посмотрел на жену поверх стаканчика, одним глотком допил кофе и потянулся к рюкзаку. Он достал флягу и плеснул виски себе и Джо. Несколько глотков виски окончательно согрели Джо. Она почувствовала, как тепло волнами разливается по телу, заглушая боль пережитых страхов.

Четверть часа отдыха восстановили их силы, и они снова были готовы сразиться с Зоной. Барт достал карту и разложил ее на коленях. Их постоянным ориентиром до «Зед-4» была железнодорожная колея. По самой

колее идти нельзя. Необходимо держаться метрах в шести правее. Барт наметил ближайший ориентир: небольшой, красновато-рыжий холм примерно в 200 метрах от них. Холм предстояло обойти справа, по ложинке между ним и небольшой грядой, юго-восточный склон которой обрывался глубоким оврагом.

Упаковав рюкзаки, они двинулись дальше. Согретая выпитым кофе и слегка опьяненная от виски, Джозефина погрузилась в полузабытье. Она послушно шла за мужем с полным безразличием ко всему происходящему вокруг нее. Мыслями она была дома. «Как ты там, моя дочурка, моя маленькая Катрин? Спишь, наверное, крошка? А может, уже проснулась? Проснулась, наверное... И, конечно же, хнычешь, мой маленький пупсик... Зовешь маму и папу... А Патрик успокаивает тебя. Он это умеет делать. Не плачь, Кэтти. Мама с Папой ушли на работу. Знаешь, какая у них тяжелая работа? Им приходится каждый день вставать чуть свет, пока ты еще спишь, и идти искать работу. А это очень тяжело, Кэтти, искать работу. Так что, не плачь, пожалуйста. Ты уже большая девочка. Тебе ведь почти шесть лет, и ты должна все понимать. Да. Патрик молодчина. Настоящий мужчина. На него можно положиться. Через месяц ему исполнится уже восемь...

Они достигли красно-рыжего холма, склон которого был усыпан бурой осыпью битого кирпича, и повернули вправо, к оврагу. За спиной Барта из оврага взметнулся ввысь, мерцающий фиолетовым светом, саван. Раздался пронзительный, тонкий крик, и фиолетовое мерцанье кануло в овраг. «Не плачь, моя девочка, — шептала Джо. — Я скоро вернусь домой и прижму тебя к себе. Крепко-крепко...»

Пронзительный крик заставил Барта обернуться. Он посмотрел на жену. Она спокойно шла за ним. «Все в порядке, подумал он. Кажется, Джо начинает привыкать к Зоне».

Когда они, обогнув холм, шли вдоль его восточного склона, Барту вдруг показалось, что привычное уже для уха жужжание «зы-зы-зы-зы» изменило свою тональность и звучало как-то по-другому. За его спиной и где-то слева явственно звучало непрерывное зззззззз... Барт резко повернулся. Он увидел, что к Джо со стороны холма приближается гигантская стрекоза. Ее фиолетовые крылья распластались на метр в каждую сторону, с лилово-малинового полосатого туловища длиной больше метра свешивались мохнатые черные лапы-крючки, два огромных, величиной с блюдце, сферических глаза мерцали фиолетовым огнем, голова стрекозы заканчивалась длинной иглой, вокруг которой мелькали блики, как от вращающегося пропеллера. Джо все еще не замечала опасности, хотя стрекоза была уже в полутора метрах от нее. Двадцатисантиметровая игла стрекозы откинулась вниз, как нос у «Конкорда», нацелившись в плечо Джозефины. Барта разделяло от Джо три метра...

8. Ты проиграл, Рой!

Приглушенный сигнал внутренней связи прозвучал как раз в тот момент, когда электронные часы на столе Роя Ньюпорта, моргнув зеленым

светом, сменили набор шестизначных цифр на девятку с нулями и начали отсчет секунд десятого часа утра пятого дня месяца августа 2010 года.

— Привет, Рой! Это Стив.

— Привет, Стив. Какие новости?

— Боюсь, что не очень приятные. Для тебя, Рой.

— Что ты имеешь в виду, Стив?

— Твой бумажник, Рой, который скоро станет легче на сотню.

— Ты о пари, Стив?

— Именно. И должен тебя огорчить, Рой. Пари ты проиграл. Ребята уже в «Зед-3».

— В «Зед-3»? — удивленно переспросил Рой. — Значит, все-таки преодолели «Ржавую хлябь»... Не ожидал. Ну, Барт, вроде, крепкий парень, но девчонка... совсем хлипкая. Стопроцентная чичако, — это же видно невооруженным глазом.

— Возможно. И все же в этой девочке есть какая-то внутренняя сила, какая-то скрытая пружина и отчаянная решимость. Я это понял, когда инструктировал Шарпов перед выходом в Зону.

— Может быть, Стив. Может быть. Но «Студень ведьмы» и «Долина призраков» ломали пружины и посильнее...

— «Студень ведьмы», Рой? Да они уже выбрались из этого смога. Да и призраки, похоже, их не очень смущают.

— Вот как? Ну, дай-то бог. Однако не спеша радоваться, Стив. Ты еще не выиграл пари. Даже если Шарпы пройдут «Долину призраков», им еще предстоит преодолеть «Мертвый город». А там, как известно, сходят с маршрута 99,5 процентов джестеров. Так что твой шанс выиграть пари, дорогой Стив, мне представляется призрачным.

— А вот я так не думаю, Рой.

— Ну что ж. Посмотрим.

9. Долина призраков

Резкий звук выстрела вернул Джозефину к реальности. Она с удивлением смотрела на Бпрта, в руке которого еще дымился кольт. Барт напряженно смотрел в сторону оврага готовый отразить любую угрозу. Джо оглянулась и увидела ее — огромную лилово-малиново-фиолетовую стрекозу. С надрывным жужжанием, припадая на одно крыло, она долетела до оврага, на секунду зависла над ним и рухнула вниз.

— Что случилось, Барт? Ты стрелял? — растеряно спросила она.

Барт подошел к ней и, обеспокоено глядя ей в глаза, сказал: «На тебя напало это летучее чудище, Джо. Разве ты не заметила?»

Джо молча покачала головой.

— Послушай, дорогая, — нежно произнес Барт, положив руки ей на плечи. — Что с тобой? О чем ты думаешь?

— О наших детях... — тихо ответила она.

Барт помолчал, смотря невидящим взглядом поверх головы жены. Затем тихо сказал: «Мы в любую минуту можем отказаться от всего...»

— Нет, Барт! — решительно возразила Джо. — Мы пройдем Зону. Ради наших детей.

Барт притянул жену к себе, и они молча стояли, прижавшись друг к другу, под тревожным лиловым небом Зоны, где среди бурых холмов унылой долины. Наконец, Джо тихо, но твердо произнесла: «Вперед, дорогой. Не беспокойся за меня. Я выдержу».

Они медленно двинулись дальше. Впереди шла Джо. Вновь выйдя к железнодорожной колее, они повернули направо и пошли вдоль заросшей чертополохом линии, держась метрах в шести от нее. Время от времени, с противоположной стороны насыпи выползал густой желто-серый туман, тяжелыми струями накатываясь на шпалы и оседая в чертополохе. Пахло ржавчиной и кислой капустой. Их новым ориентиром был состав из трех вагонов, рядом с которым, по правой стороне колее, валялся остов разбитого вертолета. От этой груды проржавевшего металла их отделяло метров триста.

— Стой, Джо! — неожиданно скомандовал Барт.

Джо остановилась. Барт подошел и встал рядом с ней. В нескольких шагах впереди тяжелый туман совсем закрыл железнодорожную колею, поднявшись над ней плотной двухметровой стеной. И там, в тумане, что-то было. Барт чувствовал это.

— Пошли, Джо. Будь внимательна, — сказал Барт и двинулся следом за ней.

Предчувствие не обмануло Барта. Как только они поравнялись со стеной тумана, смердящего кислотой, в нем замелькали фиолетовые тени. Фиолетовые приведения метались в тумане, оглашая воздух скрипящим криком, визгом и тяжелым уханьем. Джо в ужасе бросилась к мужу.

— Ба-арт!

Прижав к себе жену одной рукой, Барт выхватил кольт и трижды выстрелил в туман. Приведения не исчезли. Напротив, их фантастическая пляска стала еще более необузданной, а визг и уханье заполнили все пространство вокруг. Возня и крики теней оборвались также неожиданно, как и начались, и буквально на глазах, туман рассеялся.

— Все в порядке, Джо. Все в порядке, — проговорил Барт, стараясь придать голосу уверенность. — Мы можем продолжать путь.

Они вновь двинулись вдоль насыпи, шагая по сухим рыжим кочкам, которые пружинили как резина и скрипели под ногами, словно крахмал. На них медленно наплывали остовы разбитых вагонов и вертолета, и чем ближе они подходили к этим полусгнившим останкам, тем острее ощущали опасность, затаившуюся где-то в груди ржавого железа.

Не доходя метров десяти до зловещего места, Джо невольно сбавила шаг и остановилась. Барт встал рядом, до боли в глазах вглядываясь в дышащие мертвым холодом останки, прощупывая взглядом каждый метр пространства, которое им предстояло преодолеть. Наконец, они очень медленно и настороженно двинулись вперед. Стояла гнетущая тишина, нарушаемая только нудным зы-зы-зы-зы — загадочной песней Зоны.

Со стороны вагонов неожиданно раздался тягучий скрип. Барт и Джо замерли, как вкопанные. Скрип оборвался и послышался шум скатываю-

щейся с насыпи гальки. Все стихло. Вновь Зона притаилась, напоминая о себе лишь бесконечным зы-зы-зы....

Выждав пару минут, они продолжили путь. Джо не слышала ни звука шагов, ни жужжания Зоны — только гулкий стук сердца в ушах и висках. Когда они миновали остов разбитого вертолета, Барт каким-то шестым чувством уловил движение за своей спиной. Он резко обернулся, сжимая рукоятку тяжелого кольца, и успел увидеть, как обломанные на половину лопасти вертолета, слегка качнувшись, уныло повисли над ржавой травой. Нервы Барта были напряжены до предела, сердце учащенно билось в груди. Смахнув тыльной стороной перчатки холодный пот со лба, он сделал несколько глубоких вдохов. Это помогло. Напряжение несколько спало. Барт повернулся и стал догонять Джо, которая, словно робот, продолжала идти вперед.

Они отошли от кладбища ржавого железа метров на тридцать и разом остановились, не в силах больше сделать ни шага. Огромным усилием воли Барт взял себя в руки. Он достал термос и буквально заставил Джо сделать несколько глотков кофе. Затем он сам выпил стаканчик кофе, и силы вернулись к нему. Барт вынул карту и наметил новый ориентир.

— До «Знд-4» осталось метров семьсот. Это десять минут хода по хорошей дороге, — сказал Барт и, ободряюще, улыбнулся жене.

— Обещай мне, дорогой, что это будет не более десяти минут, — слабым голосом сказала Джо.

— Хочу надеяться на это, — уверенно ответил Барт.

Через четверть часа они стояли у контрольного столба на границе квадратов «Зед-3» и «Зед-4». Перед ними, под ядовито-лимонным небом Зоны, лежал Мертвый город.

10. Условия диктует Зона

Барт и Джо позволили себе десятиминутный отдых. Барт сидел на жесткой чахлой траве, откинувшись спиной на пограничный столб, и внимательно изучал ближайшие подступы к городу. Джо сидела рядом, положив голову ему на плечо.

Им предстояло преодолеть 1500 метров квадрата «Зед-4» в юго-восточном направлении. «Средний горожанин проходит такое расстояние за 20 минут, — подумал Барт. — Сколько же потребуется нам?»

Ровно в 10-00, нажав зеленую кнопку на контрольном столбе, они двинулись по направлению к городу. Благополучно преодолев полосу «Красного перца», они выбрались на асфальтовую дорогу, густо присыпанную серовато-бурой пылью. Теперь, каждый их шаг оставлял глубокий отпечаток, и две вереницы следов потянулись по направлению первых домов, смотревшими на них черными, пустыми глазницами окон. «Шагаем, как астронавты по Луне, — подумал Барт. — Но астронавтов не поджидало столько сюрпризов, как нас».

Первый городской квартал состоял из четырехэтажных домов грязно-бурого цвета. Ни в одном из окон не было стекол. Вдоль дороги тянулись

груды битого кирпича и стекла. Повсюду валялись обрывки проводов, разбитая мебель и посуда. И никаких признаков жизни. Над городом висела зловещая тишина.

Но эта напряженная тишина оказалась обманчивой. Как только они ступили на пыльную мостовую улицы, город ожил. Каждый их шаг отзывался многоголосым эхо, прыгающим из окна в окно, с этажа на этаж, из дома в дом. Казалось, что невидимые жильцы этого загадочного города вдруг разом очнулись ото сна и все сразу с шумом забегали по комнатам и этажам своих мертвых жилищ. Там и тут хлопали пустые ставни окон, то ли от неосязаемого порыва ветра, то ли, подчиняясь воли невидимых рук. Улица наполнилась скрипом, топотом, скрежетом, лязгом. Эта ужасающая какофония звуков повергла Джо в панику. Она замерла на месте, крепко вцепившись в мужа. Он тоже остановился. И тут же все затихло. Как будто ничего и не было. Над ними вновь повисла мертвая тишина. Но стоило им сделать один шаг, как все повторилось с еще большее силой.

Через несколько шагов Барт остановился. Какофония звуков была невыносима. Он понял, что дальше им не пройти. Мертвый город выставил на их пути непреодолимый звуковой барьер. Необходимо было менять тактику и найти другое решение. Барт лихорадочно думал, но мысли путались и металась в голове. Его взгляд остановился на черном проеме в стене дома шагах в четырех от них. Движимый одним лишь инстинктом и еще, не осознавая того, что он будет делать в следующую минуту, Барт крепко взял Джо за руку и в два прыжка очутился перед черной дырой. Это была сквозная арка, выходящая в какое-то пространство, мерцающее тусклым светом. «Куда ведет это проход? — подумал Барт. — Что это — ловушка или выход?» Он все еще не мог принять никакого решения, и кто знает, нашел бы он его, если бы не Зона. Здесь условия диктовала Зона. Неожиданно, из разбитых окон первых этажей зданий стал выползать густой желтый туман. Тяжелыми, тягучими струями он сползал на мостовую, выплескивая вместе с собой пронзительный кисло-сладкий запах. В считанные секунды ядовитый туман заполнил улицу и пополз к тому месту, где стояли Барт и Джо. Они уже знали, какую опасность таит в себе такой туман. Улица была заблокирована ядовитым смогом, и единственным спасением была арка, у которой они стояли. Вернее, — единственной надеждой на спасение.

Барт принял решение. Крепко держа Джо за руку, он вошел в арку. Он осторожно сделал первый шаг, второй, третий... Зона молчала. Арка вывела их в небольшой внутренний дворик, со всех сторон окруженный домами. Это была ловушка, сразу догадался Барт. Он лихорадочно искал выход из глухого двора, но выхода не было. Из черного проема арки во двор стали заползать первые клочья тумана. Липкие клубни смога стремительно заглатывали маленькое пространство дворика, заставляя Барта и Джо отступать в его дальний конец. Зона безжалостно загнала их в угол. Они стояли у стены дома, и от волны тумана их отделяло уже всего два метра. Барт увидел в пяти шагах от себя распахнутую дверь. Выбора не было.

— Бежим! — крикнул он, и они бросились к распахнутой двери.

На одном дыхании они преодолели несколько пролетов грязной, затхлой лестницы и остановились только тогда, когда лестница кончилась. Они очутились на четвертом этаже заброшенного дома. На лестничную площадку выходила единственная облезлая дверь. Барт потянул за ручку двери, и она нехотя открылась, скрипя ржавыми петлями. Перед ними был темный коридор, из которого тянуло пылью и плесенью. Два ярких луча их фонарей отодвинули темноту коридора далеко вглубь. Коридор был длинным. По-видимому, он тянулся вдоль всего здания. По обеим его сторонам зияли черные проломы выломанных дверей. Проломы вели в комнаты, пустые и заброшенные, с остатками жалкой мебели. И никаких признаков жизни. В этом доме не было даже крыс.

Два пятна света фонарей ползли по облезлым стенам коридора. Джо осматривала левую сторону коридора, а Барт — правую. Луч фонаря Джо вплыл в очередной проем двери. Джо вскрикнула, фонарь выпал из ее рук, и, глухо стукнувшись о пол, откатился в сторону. Джо почувствовала, как теплые волны подхватили ее и унесли из реального мира. Она потеряла сознание.

11. Звонок дежурного оператора

В кабинете Роя Ньюпорта зазвучал звонок телефона дежурного оператора Зоны.

— Ален Хьюз. Информация по Зоне, сэр.

— Да, Ал. Говорите.

— Закрыты два маршрута. «Альфа» и «Омега». Соответственно на третьем и четвертых квадратах.

— Как прошел выход из Зоны, Ал?

— Нормально, шеф. Режим Зоны был снижен до ноль трех. «Альфа» вышла самостоятельно. «Омегу» пришлось эвакуировать по служебной полосе.

— Есть что-то серьезное?

— Пустяки. Вывих ноги.

— Понятно. Профилактика Зоны требуется?

— Нет, шеф. Только обычная проверка на максимальном режиме. Не больше часа.

— Хорошо. Как остальные маршруты?

— В зоне остались «Бетта» и «Зед» в четвертом квадрате.

— «Зед» в четвертом? Любопытно...

— Что вы сказали, шеф?

— Все в порядке, Ален. Я прошу вас информировать меня по маршруту «Зед» каждые 20 минут.

— О'кей, шеф.

Рой Ньюпорт опустил трубку телефона и посмотрел на часы: было 10-30.

12. Хоровод многоликих теней

Барт вынес Джо на руках из этого мрачного дома. Метрах в двадцати от того места, где она потеряла сознание, коридор поворачивал на 90 градусов направо, и еще, шагов через сорок, заканчивался замызанной площадкой узкой лестницы черного хода. Спустившись по проржавевшим ступеням лестницы, Барт вышел на боковую улочку. Он огляделся. Не было и полуметра чистого пространства. Кучи мусора, битого стекла и разного хлама. Барт, держа Джо на руках, осторожно опустился на груды битого кирпича, прислонившись спиной к стене дома. Одной рукой он достал из нагрудного кармана аптечку, открыл ее, расстегнув молнию пакета зубами, вынул нашатырь, также зубами вынул пробку, и поднес пузырек к ноздрям Джо. Ее веки слегка дрогнули, и она открыла глаза.

— Джо, ты слышишь меня?

Интонации родного голоса, проникнув в ее сознание, вернули Джо к жизни. Ее сознание прояснилось, мутная пелена перед глазами исчезла. Она посмотрела на мужа и слабо улыбнулась.

— Джо, дорогая, как ты?

— Уже лучше, — тихо ответила Джо.

— Тебя что-то напугало? Что ты там видела?

— Ничего, ничего, дорогой, — слабо покачав головой, ответила Джо. — Я дойду до конца. Обещаю тебе. Но только не будем больше заходить в этот дом... и в другие дома... Я прошу тебя об этом... Пожалуйста...

— Успокойся, родная. Успокойся. Я горжусь тобой. Ты такая сильная! — сказал Барт и нежно поцеловал жену.

Через несколько минут, когда к Джо вернулись силы, они вновь побрели по мертвому городу. На углу этой узкой, грязной улочки, покрытой не асфальтом, а каким-то толстым матовым стеклом, они увидели одинокий, покосившейся столб светофора, уныло смотревшего на них своим единственным стеклянным глазом циклопа. Когда они приблизились к нему шагов на пять, одноглазый светофор неожиданно ожил и замигал, озаряя улицу вспышками яркого разноцветного света; красного, оранжевого, желтого, зеленого, синего, фиолетового... Вокруг Барта и Джо заплясал хоровод их собственных многоликих теней, не черных, а цветных, разных гамм и оттенков...

— Что это? — прошептала Джо.

— Не знаю. Наверное, беззвучная светомузыка Зоны, — неуверенно ответил Барт.

— Что будем делать, Барт? — растерянно спросила Джо.

— Пока не знаю. Думаю, надо переждать, — нерешительно ответил Барт.

Помигав разноцветными сигналами, светофор потух, но разноцветные тени не исчезли, и еще некоторое время кружились вокруг них, постепенно тускнея, пока не растворились в матовом покрытии дороги. Джо и Барт продолжали стоять на одном месте, не решаясь сделать и шага. Джо вдруг как-то съежилась, покрутила головой и, крепко прижавшись к мужу, зашептала: « Мне страшно, Барт. У меня такое ощущение, что за нами кто-то постоянно наблюдает... кто-то невидимый... »

Взгляд Барта скользнул по фасадам облезлых домов. И ему вдруг показалось, что в одном из черных, пустых окон блеснул свет, как бы отражаясь от зеркала. «Померещилось, подумал он, — мертвецы не пользуются оптикой».

— Ну что ты, Джо. Кто здесь может следить за нами? Город мертв.

— За нами следят, Барт. Я не могу объяснить тебе, но я это знаю наверняка, — твердо произнесла Джо.

Помолчав, Барт задумчиво произнес: «Это Зона, Джо... она следит за каждым нашим шагом... и ждет, когда мы ошибемся». Барт ощутил, как тело жены нервно задрожало. «Бедняжка. Это выше ее сил, — подумал он. Хватит! Я не могу больше рисковать ее здоровьем. Надо выходить из Зоны. Только бы дотянуть до контрольного столба...» Барт принял решение, и к нему сразу вернулось самообладание.

— Пошли, Джо. Нам осталось совсем немного, — нежно произнес он.

Они уже почти пересекли перекресток улиц, когда Барт почувствовал запах бензина. Запах исходил откуда-то из-за завала, перекрывавшего улицу по правую руку от них.

— Стой, Джо! Я должен проверить кое-что! — напряженно произнес Барт.

Барт быстро забрался на самый верх груды битого кирпича и замер, пораженный увиденным. Метрах в пяти от него стоял, сверкая никелем и свежей краской, новенький форд-пикап. От него-то и исходил запах бензина и теплого мотора. Это был очень живой запах. Запах дома. «Откуда он здесь? — подумал Барт. — Совсем новенький?»

Он повернулся к жене и крикнул: «Джо! Иди сюда! Скорее!»

Барт помог Джо забраться на вершину завала. Увидев новенький автомобиль, Джо удивилась не меньше мужа. Они быстро спустились со стены и подошли к машине. Барт положил руку на капот форда — он очень теплый. Барт заглянул в боковое окно и увидел, что ключ зажигания был на положенном ему месте, в замке. Барт открыл дверцу машины, сел за руль и повернул ключ зажигания. Мотор тихо и радостно заворчал. Барт радостно воскликнул: «Джо! Дальше мы с тобой поедem с комфортом! Хватит, находились!»

— А что, если, это ловушка Зоны? — неуверенно произнесла Джо.

— В таком случае, это самая прекрасная из всех ловушек, в которые мы попадали! — ответил Барт. — Садись, дорогая. Поехали!

Форд плавно тронулся, развернулся и выехал на единственную дорогу. На дороге отчетливо виднелись следы протектор форда. Похоже было, что кто-то совсем недавно проехал здесь. Барт нажал на газ. Он придерживался свежих следов на дороге и вскоре выехал на довольно чистую улицу, прямой линией уходившей вглубь городских кварталов. Форд стремительно рванулся вперед. Через несколько минут они остановились у черно-белого столба, на котором был знак: «Зед-5».

— Приехали, Джо! — весело произнес Барт, и выключил двигатель.

13. Чрезвычайное происшествие

Красный телефон на столе Роя Ньюпорта резко зазвучал тревожным голосом. Управляющий быстро снял трубку.

— Ньюпорт.

— Алан Хьюз. Срочная информация, шеф.

— Что случилось?

— Они угнали автомобиль, шеф.

— Кто угнал? Какой автомобиль? Говорите яснее, Алан.

— Маршрут «зед». В четвертом квадрате джестеры угнали форд-пикап оператора.

— Что?! — воскликнул управляющий. — Джестеры угнали служебный автомобиль? Что вы такое говорите? Этого не может быть! Это просто исключено! Такого не было за всю историю «Пэгэтори»!

— Это случилось, шеф. Они захватили машину и уехали по служебной трассе «зед-эс».

— Но как им это удалось? — недоумевал Ньюпорт.

— Вышли из строя блок наблюдения и блок защиты у «Красной стены», и туда срочно выехал оператор, — сказал Алан Хьюз.

— У «Красной стены», — машинально переспросил управляющий.

— Абсолютно непреодолимая преграда. При нормальной работе защиты, конечно, — сказал Алан.

— А где был автомобиль?

— На служебной территории, рядом с «Красной стеной».

— Неужели этот болван-оператор не мог поставить ее в укрытие? — не скрывая раздражения, произнес управляющий, скорее, не спрашивая об этом Хьюза, а выражая свое недовольство.

— Очевидно, действовал по привычке, шеф, — откликнулся Хьюз.

— По привычке! По привычке! — раздраженно воскликнул управляющий. — Совсем разучились думать! А эти ребята оказались умнее всех вас вместе взятых! Вместе с вашими электронными мозгами! — кипел Ньюпорт.

Хьюз хранил напряженное молчание.

— Где они сейчас? — уже спокойнее спросил Ньюпорт.

— На границе «Зед-четыре» и «Зед-пять», сэр.

— Ну ладно, Хьюз. Я должен все обдумать. А пока продолжайте работу, — сказал Ньюпорт и положил трубку телефона.

Рой Ньюпорт задумался. Произошло чрезвычайное событие. Единственное, в своем роде, за все время существования Зоны. Что делать с Шарпами? Какое принять решение? В инструкции ничего не сказано на этот счет. Действия джестеров в Зоне ничем не ограничивались. Ведь для того, чтобы преодолеть Зону, кроме железных нервов и выдержки, требовались еще смекалка и изобретательность. Единственным требованием, выполнение которого было обязательным для тех, кто претендовал на главный приз, было прохождение Зоны по указанному в карте маршруту и в пределах контрольного времени. Выход за пределы своих квадратов, так же как и просрочка времени, лишали джестеров права на приз. «Ну что ж. Игра

должна идти по правилам», — решил Ньюпорт. Он нажал кнопку селектора, вызывая на связь оператора «Зед».

— Стив Глэн слушает.

— Стив. У меня к тебе один вопрос. Шарпы... Они не нарушали правил прохождения Зоны?

— Ты имеешь в виду угнанный форд, Рой?

— Да, Стив. Ребята оказались не промах. Но я хочу знать, не выходили ли они за пределы своего маршрута?

— Никаких нарушений, Рой. Даже в случае с машиной. Они воспользовались трассой «зед-эс» в пределах своего квадрата.

— Стив, ты уверен в том, что все идет по правилам?

— Абсолютно, Рой. Я сижу на терминале с 6-30 утра и веду постоянную видеозапись.

— Хорошо. Продолжай запись. И вот что, Стив. При малейшем нарушении закрывай Зону.

Стив промолчал.

— Ты понял меня, Стив?

— Да, сэр. Закрывать Зону при нарушении маршрута.

— Кстати. Что они сейчас делают, Стив?

— Завтракают. На границе «Зед-4» и «Зед-5».

— Они уже дали контрольный сигнал?

— Нет, — коротко ответил Стив.

Немного помолчав, Ньюпорт сказал: «Ну что ж. Формально они еще не прошли «Зед-4». Но я не формалист, Стив. Сотня твоя». Рой Ньюпорт отключил связь.

14. Обратная сторона медали

Барт и Джо закончили свой скудный завтрак и стояли около машины, прислонившись к капоту. Некоторое время они хранили молчание. Наконец, Барт сказал: «Я думаю, что настало время принять решение, Джо. Продолжать маршрут или выходить из игры? Я настаиваю на втором».

— О чем ты говоришь, дорогой, — слабо запротестовала Джо.

— Прежде всего, о тебе, дорогая. Я не могу и не хочу больше рисковать твоим здоровьем. Я вижу, что это выше твоих сил.

— Нет, нет, милый. Я еще могу..

Барт покачал головой и обнял жену за плечи.

— Хватит, дорогая. Оставим эту затею. У нас машина. Через пять минут мы выберемся из этой проклятой Зоны.

Джозефина вдруг резко выпрямилась, повернулась к мужу лицом и взволновано заговорила.

— А ты подумал, как мы будем жить дальше? Как ты будешь погашать кредиты? Как сохранить заложенный дом? А ты подумал о наших детях? Мы почти потеряли дом... Неужели ты хочешь, чтобы твои дети оказались в приюте? А может ты считаешь, что завтра тебе свалится на голову

постоянная, высокооплачиваемая работа? Три года без работы, Барт! Три года! Это пострашнее любой вонючей Зоны!

Джозефина разрыдалась и, всхлипывая, продолжала: «А что будет с нашей малюткой, Барт? Ты подумал об этом? Если ей не сделать операцию, через два месяца мы можем потерять ее... Скажи мне, что ты готов немедленно достать сто тысяч долларов, необходимых на операцию, и я тот час соглашусь покинуть Зону...»

Рыдая и дрожа всем телом, Джо уткнулась лицом в грудь мужа. По лицу Барта текли слезы. Слезы жалости, горя, отчаяния. Так они стояли, двое молодых, красивых людей, опустошенные и беспомощные, в бессильной ярости на Зону и на судьбу.

Стив Глэн был поражен. То, что он увидел и услышал, тронуло его до глубины души. Теперь он понял, что привело эту молодую пару в Зону. Не жажда экстрима, — это для толстосумов, — а их личная драма, полное отчаяние, последняя возможность спасти жизнь своей маленькой дочки.

Стив посмотрел на экран: молодая женщина билась в истерике в объятьях мужа. Стив закусил губу. Ему вдруг открылась обратная сторона Зоны, этой огромной, экстравагантной игрушке для взрослых, этого электронного чуда, которое он до сих пор боготворил. В Зоне удовлетворялись не только низменные инстинкты людей, но и шла жестокая борьба за священное право человека на жизнь. Для Барта и Джо это обернулось не только борьбой за жизнь своего ребенка, но и семью кругами сущего ада...

Стив почувствовал себя как-то неудобно, а непрерывное жужжание электроники «зы-зы-зы-зы», на которое он раньше просто не обращал внимания, вдруг стало раздражать его. Он вновь повернулся к экрану.

Джозефина немного успокоилась и, тихо всхлипывая, говорила: «Барт, дорогой. Раз мы это начали, то отступать нельзя. Это наш последний шанс. И мы дойдем до конца. Обязательно дойдем. Правда?»

Барт молча кивнул головой и тихо ответил: «Да, дорогая. Да»

Стив Глэн взглянул на часы. До истечения контрольного времени оставался ровно один час. «Не успеют, — подумал он. — Чтобы пройти 2500 метров квадратов «Зед-5» и «Зед-6» потребуются не менее полутора часа».

Очевидно, эта же мысль волновала и Барта. Он взглянул на часы и погрузился в размышления над картой, разложенной на капоте форда. Время от времени он делал на карте пометки фломастером. Наконец, он закончил работу и позвал Джо, которая отдыхала в машине.

— Послушай, Джо. У нас остался единственный шанс пройти Зону в контрольное время. Машина. И я очень рассчитываю на тебя дорогая. Один я не справлюсь. Ты будешь штурманом. Тебе придется одновременно следить за местностью и сверяться по карте. Это очень трудно. Очень. Нельзя допускать ни малейшей ошибки. Вот, смотри.

Барт склонился над картой и стал объяснять Джо маршрут движения. Убедившись, что Джо поняла свою роль, Барт подошел к контрольному столбу и нажал зеленую кнопку.

На терминале Стива Глэна высветилось время: 11-15. До конца контрольного времени оставалось 45 минут.

15. Шесть кругов ада

Барт вел машину очень осторожно, со скоростью не более 12,5 миль в час, так, чтобы Джо успевала разглядеть ориентиры на местности и сличить их обозначениями на карте. Они ехали по слабо пересеченной местности. Дорога то петляла между небольшими холмами, то продиралась сквозь заросли колючего кустарника. Фордик надежно защищал их от мелких пакостей Зоны: от «Летучих колючек», как горох барабанивших по машине, и «Красного перца», оранжевые облака которого время от времени вылетали из под колес машины. Хуже было с «Волчьей жвачкой», грязно-зеленые клубни которой, вылетающие в метре от передних колес, намертво впивались в машину своими присосками. Очень скоро лобовое стекло форда было почти сплошь залеплено этой отвратительной массой, против которой стеклоочистители были бессильны. Тем не менее, они добрались до столба «Зед-6».

Они вылезли из машины и, пока очищали лобовое стекло форда, Барт готовил себя к последнему броску: 1400 метров на юго-запад по ровной, как стол, саване, покрытой рыжей травой, словно большим ковром. Но этот приятный для глаза ковер был полон ловушек, «пустышек», как их называли. Попросту говоря, это были двухметровой глубины ямы, прикрытые той же рыжей травой, только с чуть заметным красным оттенком. Теперь все зависело от остроты зрения. Барт решил ехать со скоростью 7 миль в час, или примерно три метра в секунду, что при самых благоприятных обстоятельствах, позволило бы им преодолеть савану за 8-10 минут и сохранить резерв в 20 минут. Джо, нажав зеленую кнопку на столбе, села в машину на свое место штурмана. Форд плавно тронулся с места.

Стив Плен взглянул на часы: 11-30. Он почему-то занервничал, сорвал галстук и расстегнул ворот рубашки. Стив неотрывно смотрел на экран.

— «Пустышка» — десять метров. — Стив не заметил, что говорит сам с собой.

И тут же в наушниках Стива прозвучал голос Джо: «Пустышка, семь метров!» Машина вильнула влево и объехала западню. Еще раз три-четыре они благополучно избегали ловушек. Глядя на экран, Стив заметил, что машина приближается к очень опасному участку. Треугольнику. На пути машины было сразу три ловушки, расположенные в форме треугольника: одна впереди, и две чуть сзади — справа и слева.

— Пустышка, пять метров, — прозвучал голос Джозефины.

Фордик вильнул влево, и тут же возглас: «Пустышка! Два метра!» Барт ударил по тормозам и форд замер в полуметре от ямы. Мотор форда почему-то заглох и категорически не хотел запускаться. Барт вылез из машины и открыл капот. Минут через пять ему удалось завести двигатель. Нервничая из-за потерянного времени, Барт сказал: «Придется наверстывать упущенное время, Джо. Я чуть прибавлю».

Теперь он вел машину со скоростью 14 миль в час. Они миновали еще три пустышки, а потом, почти пару минут, ехали спокойно. До конца Зоны оставалось уже меньше 200 метров.

— Ну вот и приехали! — произнес Барт, оборачиваясь к Джо.

Джо посмотрела на него и улыбнулась в ответ.

Стив Глэн сжал зубы и отвел глаза от экрана. Машина, попав левым колесом в пустышку, встала на дыбы. Мотор работал, и задние колеса продолжали крутиться. Стив взглянул на экран.

Джо выбралась из машины и несколько секунд стояла на одном месте, оглушенная ударом. Струйки крови текли у нее из носа. Джо бросилась к двери водителя, с трудом открыла ее, и помогла Барту выбраться из машины. Похоже, он был ранен. Его лицо было залито кровью и он сильно припадал на правую ногу. Всхлипывая и размазывая по лицу кровь, грязь и слезы, Джо перебинтовала голову мужа.

— Нам надо идти, Джо, — прохрипел Барт. — Время на исходе...

— Но ты же ранен! — всхлипывала Джо.

— Пустяки! — прохрипел Барт. — Дойду..

Барт решительно шагнул вперед, но тут же, со стоном, осел на землю, схватившись рукой за правую ногу.

— Что с тобой?! — воскликнула Джо и бросилась к мужу.

— Нога... — скрипя от боли зубами, прохрипел Барт. — Помоги мне...

Кусая губы, Стив Глэн наблюдал за тем, как хрупкая молодая женщина, сама оглушенная ударом, пытается поднять на ноги стокилограммового мужчину. Наконец, ей это удалось.

— Пошли, Джо. Вперед... — прохрипел Барт и, навалившись на жену почти всей тяжестью тела, запрыгал на левой ноге. Прыжок, еще прыжок — остановка; прыжок, прыжок и вновь короткая передышка...

Стив Глэн взглянул на часы: 11-50. До конца Зоны оставалось 150 метров и... 10 минут.

Барт и Джо медленно продвигались вперед. Дважды они падали, Джо из последних сил помогала мужу подняться и они вновь, шаг за шагом, метр за метром, приближались к заветной цели.

Стив нервно взглянул на часы: 11-58. До контрольного столба оставалась 10 метров и всего два метра... до последней «пустышки».

Барт и Джо медленно ковыляли прямо на «пустышку», не замечая притаившейся опасности.

Стив Глэн лихорадочно размышлял. Ребята почти дошли до цели. Они вели честную и очень мужественную игру, и по праву заслужили главный приз. Но еще два шага и все их надежды погибнут... Рука Стива Глэна, подчиняясь его воли, легла на красную кнопку блокировки Зоны. Все. Компьютер отключен. Для Барта и Джо Зона перестала существовать.

Барт и Джо доковыляли до контрольного столба и, нажав контрольную кнопку, в изнеможении рухнули на синтетическую траву. Терминал зафиксировал их время: 11:59:35.

— Здесь Стив Глэн. Маршрут «зед» пройден в контрольное время и без нарушений. Джестеры нуждаются в немедленной медицинской помощи. Амбулаторную машину к выходу из «Зед-6».

Стив Глэн откинулся на спинку кресла, запрокинул голову и закрыл глаза. «Ну, вот и все, — подумал он. — Они прошли свои шесть кругов ада.

Сегодня они победили. Заслуженно победили. Что их ждет впереди в этом сумасшедшем мире? Не будет ли для них завтрашний день началом нового круга, седьмого?..»

Об авторе

Алексей Леонидович Горшков родился в 1942 году в Улан-Баторе (Монголия) в семье офицера Красной Армии. С 1945 года постоянно проживает в Москве. Имеет два высших образования: Московский Энергетический Институт (инженер-энергетик) и Всесоюзная Академия Внешней Торговли (экономист-международник). Окончил аспирантуру и защитил диссертацию (кандидат экономических наук). Работал во внешней торговле, занимался научной деятельностью, занимал руководящие посты в коммерческих банках, активно занимался журналисткой деятельностью (был главным редактором международной газеты «Financial @ Business News»), работал в Верховном Совете РФ и в Администрации президента РФ (Б. Ельцина).

Постоянно публиковался с 1975 года. В настоящее время является профессиональным поэтом, писателем и композитором. Опубликовал свыше 300 литературных работ — в основном в Интернете, в том числе 16 книг (сайты: «Неизвестный гений» (AlexGor42-), «Ваша книга» (Ал Гор), «Стихи.ру» (Алексей Горшков 4), «Проза.ру» (Алексей Горшков). Пишет в разных жанрах: стихи и сказки для детей; современные сказки для взрослых, любовная лирика, пародия, новеллы, рассказы, повести, переводы поэтические и в прозе, фантастика, фэнтези, мистика, философия, политика, триллер, детектив, роман.

Александр Уразов

Интеллект 3000

«Знаешь, чем гуще навоз, тем красивей цветы вырастают. Я, вот, и думаю, может все это дерьмо, которое творится вокруг, — оно нужно для того, чтобы, в конце концов, получилось что-то действительно хорошее?..»

(Подслушанный разговор)

«...Обыкновенные люди... квартирный вопрос только испортил их...»

(Булгаков, «Мастер и Маргарита»)

За те пятнадцать минут, что я сижу в своей машине, дождь начинался и заканчивался уже два раза. Обычный осенний дождь, который сам не знает, пойдет он или просто покапают несколько минут и перестанет. Перед глазами один из стандартных дворов спального района, поэтому смотреть особо не на что. Я курю сигарету за сигаретой и смотрю на капли воды на лобовом стекле. Полупустая пачка лежит на «торпед» неновой «Хонды». Обычно я так не делаю — не люблю, когда что-нибудь там валяется. Но сейчас не до того. Не тот случай. Пусть лежат.

В это время уже темно. В сумраке я вижу, как время от времени проходят мимо немногочисленные прохожие. Идут к себе домой, чтобы там, в тепле и сухости съесть ужин, посмотреть телевизор, а потом лечь спать. Ну, может быть, что-нибудь другое поделать — попить пива, там, или еще чего. Банальные, обыденные вещи. Ничего интересного. Но с каким удовольствием я сейчас бы поменялся с ними местами! Как же я не хочу делать то, что должен...

Ну, да ладно. Каждому, как говорится, свое. Кто-то будет сейчас пить пиво и думать о том, как хорошо, что кончилась рабочая неделя. Ну, а мне нужно сделать кое-что очень важное. Решить кое-какую проблему. Вообще, если посмотреть беспристрастно, то хорошо, что еще есть такая возможность. Ее могло и не быть.

В бардачке лежит нож и пара силиконовых перчаток. Остается чуть меньше часа, чтобы окончательно все взвесить и принять решение. Очень непростое решение. Я должен быть уверен, что поступаю правильно...

* * *

Время уже шло, наверное, к обеду, когда в коридоре раздался звук торопливых шагов. Затем моя дверь распахнулась, и на пороге возник высокий молодой человек в белом халате — наш лаборант.

— Дмитрий Иванович! Дмитрий Иванович! Посмотрите на результаты тестов!

— Саш, а что, стучаться перед тем, как зайти к заведующему, уже не надо? — спросил я, подняв голову от ноутбука. Однако выражение Сашиного лица заставило меня подняться с места и, не задавая больше вопросов, проследовать за ним в лабораторию.

— Я вколот крысам номер 233, 234 и 235 образец В14. Вот, результаты, глядите!

— Не вижу ничего феноменального...

— Да вы не туда смотрите! Смотрите на этот показатель.

Показатель впечатлял.

— Это что, они лабиринт №7 теперь за 5 секунд в среднем проходят?

— И не только седьмой. Я дал им десять различных лабиринтов, и они их все прошли и запомнили. Но это, вы сами понимаете, — ерунда! Суть не в этом, а в том, что, пройдя какой-то лабиринт единожды, во второй раз они бегут не задумываясь. Запоминание улучшилось в несколько раз. Кроме того, на тесте Вайнсона способности к анализу просто шокирующие!

Мы с Сашей работаем в лаборатории одной фармакологической компании. Занимаемся разработкой нового препарата, стимулирующего умственную деятельность. Такие препараты, конечно же, существуют, но нашей задачей стоит создание более сильного и безопасного средства.

Мне тридцать восемь лет, я женат и имею двух детей — мальчика и девочку, хотя называть их так уже язык не поворачивается — ему скоро тринадцать, а ей одиннадцать. Большие уже. Для меня очень важно добиться успеха в разработке. В случае положительного результата, возможно, я, наконец-то, смогу позволить себе собственное жилье. Пока что приходится ютиться в съемном. Чертов квартирный вопрос! В нашем городе он практически нерешаем. А я уже немолод — скоро стукнет сорок, зарплата заведующего лабораторией не так уж велика, а мне нужно кормить семью, нужно думать о будущем своих детей... Эти мысли постоянно навязчиво крутятся в голове и, наверное, из-за них я, в отличие от большинства людей моего возраста, не обзавелся животиком — признаком спокойной жизни.

Что касается Саши, то он тоже женат, только детей не имеет; так же, как и я, живет с супругой в съемной квартире. Но он-то, я думаю, не так сильно переживает по этому поводу. Еще достаточно молод и наверняка полон надежд. Ему двадцать два или двадцать три — не помню точно. Работает у нас и учится на заочном отделении местного института. По городу передвигается на отечественном автомобиле марки ВАЗ две тысячи лохматого года выпуска. Саша, на мой взгляд, очень неплохой парень. Чуть молчаливый, простой и довольно умный — самые подходящие черты для того, чтобы хорошо сработаться. Работает недавно, но уже полностью во всем

разобрался. В общем, очень хороший помощник. Мы с ним даже внешне, кстати, похожи, но не лицом, а комплекцией, только он еще более худой. Килограммов шестьдесят пять — семьдесят, наверное, весит при росте чуть ли не под метр девяносто.

Обычно я большую часть времени работаю у себя в кабинете, а Саша почти постоянно находится в лаборатории. Так было и в этот раз, когда он прибежал ко мне.

Сейчас мы стояли в лаборатории, где у нас находился «полигон» для подопытных животных — для крыс, то есть. Мы кололи им опытные образцы, а затем заставляли проходить различные тесты и фиксировали результаты.

Я слушал лаборанта, смотрел результаты опытов, и сердце мое билось все чаще и чаще.

— Слушай, Саш, а ты никому, кроме меня, не говорил об этом?

— Нет, пока только вам.

— Хорошо. Ты пока что не распространяйся на эту тему, договорились?

— Но почему же? Ведь...

— Дело в том, что мы с тобой натолкнулись на что-то совершенно новое, интересное и, судя по всему, полезное... Стой, не перебивай! Но мы же с тобой хотим не просто так принести человечеству счастье? Хотя, конечно, это в любом случае хорошо и здорово, но, я полагаю, было бы неплохо зарабатывать на этом денег, верно? А при нынешнем уровне промышленного шпионажа наша информация — словно вода, которую мы пытаемся удерживать в ладонях. Стоит только хотя бы обмолвиться словом не тому, кому надо, и потеряем все. Сейчас, когда опыты не доведены до конца, мы не можем получить патент, который дал бы необходимые гарантии.

— Да, Дмитрий Иванович, да, конечно, вы правы. Я сразу не подумал...

— Я даже скажу тебе больше. Как ты знаешь, я представляю руководству еженедельный отчет о результатах исследований. Так вот, даже их я не предполагаю пока что вводить в курс дела. Понимаешь всю серьезность нашего с тобой открытия?

— Я даже не представлял, насколько это все...

— Да, именно на столько!

Сашины глаза округлились. Я мысленно улыбнулся — все-таки простой он парень.

— Поэтому еще раз говорю — никому и ни при каких обстоятельствах!

— Все понял, Дмитрий Иванович! Даже жене ни слова!

Мы продолжили работу и в течение последующего месяца добились следующих результатов. Во-первых, нам удалось, путем добавления некоторых веществ дополнительно, сделать полученное соединение более устойчивым. Во-вторых, анализ показал, что вещество выводится из организма подопытных животных полностью в течение 20 часов после употребления. НО! Эффект, оказанный им, остается и впоследствии не ослабевает! В-третьих, выяснилось, что передозировку препаратом получить очень трудно. По крайней мере, вводя крысам максимально возможную дозу, ограниченную, можно сказать, лишь тем условием, чтобы их не «разорвало» от объема вводимого раствора, мы не получили ни одного летального

исхода среди подопытных. Каких-либо патологических изменений в поведении или физиологии также замечено не было.

И еще один интересный момент. Мне показалось, что животные настолько увлеклись решением предлагаемых нами задач, что иногда между едой и решением новой задачи они выбирали последнее. Хотя, скорей всего, это — ерунда, наверное, просто крысы не бывали в тот момент голодны...

Затем настал черед более высокоорганизованных животных. Это, вообще-то, запрещено в нашей стране с 2012 года, но, тем не менее, после моей просьбы нам привезли нескольких собак. То, что я увидел во время последующих опытов... В общем, какое-то время после того, я был уверен, что разучился удивляться.

Примерно три месяца назад мы увидели первые ошеломляющие результаты. С тех пор произошло еще много удивительных вещей, которые заставили меня поверить в то, что разрабатываемый нами препарат будет настоящим прорывом в науке. Судя по результатам исследований, он должен был сделать человека в несколько раз более восприимчивым к новой информации. Препарат значительно улучшал память и логическое мышление. Все это лишь сухие слова, которые не в состоянии передать всю грандиозность нашего открытия. Достаточно было взглянуть в глаза собакам, которые принимали участие в экспериментах и у вас бы не повернулся язык назвать их животными...

Я весь жил этой разработкой. Я перестал спокойно спать, так как чувствовал небывалый прилив сил и энергии, которые мешали мне засыпать по вечерам. Мой труд должен был привести меня к славе, признанию (может быть, даже в мире) и, самое главное, к нормальному уровню жизни — со своей квартирой, хорошей машиной и обеспеченным будущим.

Так я жил до сегодняшнего вечера.

Сегодня, заходя в лабораторию, я услышал, как лаборант говорит кому-то по сотовому:

— ...Да, я думаю, нужно встретиться на этих выходных и все обсудить. До свиданья!

И он отнял телефон от уха. Его слова совершенно неожиданно заставили меня замереть на пороге. Какой-то непонятный холодок пробежал у меня по коже. Саша сидел спиной к двери, и я остался для него незамеченным. Я вернулся к себе в кабинет, немного выждал, затем набрал внутренний номер лаборатории.

— Да, Дмитрий Иванович, слушаю вас! — раздался в трубке жизнерадостный голос лаборанта.

— Саша, зайди, пожалуйста, ко мне, — прохрипел я внезапно севшим голосом.

— Да, конечно, одну секунду.

Через полминуты он стоял в дверях. Я сказал:

— Сходи, пожалуйста, к Семену Леонидовичу и попроси его, чтобы он немедленно зашел ко мне.

— А почему вы не позвоните?

— Не нужно, чтобы кто-то знал, что я с ним разговаривал, а телефоны у нас прослушиваются, — соврал я. — Только иди прямо сейчас. Это очень срочно!

— Хорошо, Дмитрий Иванович. Сейчас схожу.

И он вышел из кабинета.

Я подождал несколько секунд, затем схватил со стола лист бумаги и карандаш и выскочил из кабинета. Затем подошел к двери, ведущей во двор, и тихонько приоткрыл ее. Сашина спина бодро удалялась по направлению к главному корпусу. Я закрыл дверь и бегом побежал в лабораторию.

Насколько я заметил, у лаборанта была привычка оставлять телефон в верхнем ящике стола. И этот раз не был исключением.

— Так, — от волнения я заговорил с собой вслух, — список последних звонков. Ага, значит, что у нас... Вот он!

Звонок на городской. Я взял карандаш и быстро записал номер. Затем вышел из меню, положил телефон на место, закрыл ящик и побежал к себе в кабинет. Через несколько минут ко мне вошел лаборант.

— Дмитрий Иванович, Семен Леонидович в командировке — мне сказали. Что делать будем?

— Что делать... — конечно, я знал, что «безопасник» в командировке, — без него тогда решим. Плохо это, но ничего, справимся.

— Может, помощь, какая нужна?

— Нет, Саш, спасибо. Все нормально, — ответил я, не решаясь взглянуть ему в глаза, чтобы не выдать себя.

— Ну, ладно. Раз все нормально, то и хорошо, — пожал он плечами и ушел.

А я кинулся в интернет, где забил в поисковике номер, который записал на бумагу.

«...-фарм» — увидел я ссылку на экране ноутбука. Такая же фармацевтическая компания, как и мы. Наш конкурент.

Я все понял.

На сердце как будто разом навалили десять мешков с цементом. Я ослабил галстук, расстегнул верхнюю пуговицу у рубашки, откинулся в кресле и попытался дышать медленно и глубоко. Тяжесть нехотя отступила.

— Ублюдох! — прошептал я.

Саша хотел продать нашу разработку конкурентам. Это было более чем понятно. И я был просто полным дураком, когда упустил это из вида. Слишком увлекся работой... Ну, да ладно, похоже, есть немного времени, чтобы что-то придумать. Но все же — как он мог так долго изображать из себя простака? И зачем? Хотя, зачем — это, пожалуй, понятно. Если бы я в нем сомневался, то отстранил бы от участия в работе. А так — мне даже в голову не пришла подобная мысль.

Почему я обратил внимание на слова лаборанта, сказанные им по сотовому — это для меня самого было загадкой. Одно можно сказать точно — это была счастливая случайность, может быть, даже знак судьбы. «Ну, что ж. Раз судьба на моей стороне, значит надо действовать смело и решительно», — подумал я.

Конечно, самый простой вариант был обратиться к руководству — думаю, оно бы нашло способ решить эту проблему, но тогда пришлось бы показать реальные результаты работы, а не то, что я приносил все это время. Это, безусловно, привело бы к тому, что все заслуги за открытие получили бы наши учредители — это ясно как божий день. А мне, наверное, дали бы тринадцатую зарплату. А, может быть, уволили бы к чертовой матери, так как я водил их за нос все это время. И этот вариант, кстати, более вероятен. Поэтому у меня был только один выход — дожидаться конца всех опытов, скрывая реальные факты от руководства. И когда все результаты были бы у меня на руках — вот тогда я бы мог что-то с этим делать. Правда, какие дальше нужно было бы предпринимать шаги, я не знал точно. Но, в конце концов, можно было просто продать информацию конкурентам. Бог с ней — с этой славой и прочей ерундой. Мне хватит и просто денег. Больше ничего не надо. Заехали бы с женой в новую хорошую «двушку» полноправными хозяевами...

Самое время помечтать. Я невесело усмехнулся. Того и гляди останусь ни с чем. У меня могут отнять мою единственную надежду на достойную жизнь. Этого нельзя было допустить. Никак нельзя.

Я достал из кармана сотовый и набрал Сергея.

— Привет!

— Привет, Дим.

— Серег, есть одна просьба.

— Ну, давай, выкладывай.

Мы с Серегой вместе служили. Вместе воевали в одной из горячих точек. И однажды так получилось, что я спас его — вытащил раненого из-под огня. Я не считал, что поступил как-то там геройски, все могло быть наоборот, и тогда он вытащил бы меня. Так я ему потом и сказал, но Серега вбил себе в голову, что теперь в долгу передо мной.

Мы родом из одного города. И поэтому после «дембеля», оказавшись в родных краях, не потеряли связь друг с другом. До сих пор часто с ним видимся — обычно берем жен, иногда детей, и идем все вместе в кино. Иногда в забегаловки какие-нибудь. Короче, дружим.

Если вам спасли жизнь, то сколько времени вы будете помнить об этом? Точнее, важен другой вопрос. Сколько времени вы будете чувствовать себя обязанным спасителю? Похоже, настало время получить ответ для частного случая.

— Серег, я хочу, чтобы ты купил два билета сегодня на девять вечера в «киношку».

— Почему сегодня, почему только два? Кто пойдет?

— Подожди, сейчас все объясню. Возьми два билета на этот новый фильм — «экшен» какой-то, мочилово, короче. А потом... В общем, мне надо, чтобы ты сходил на этот фильм без меня, но взял бы два билета и потом любому, кто тебя спросит, сказал бы, что я ходил с тобой. Если что — мы встретились с тобой уже в кинозале. Ты пришел первым, я — чуть позже. Понимаешь?

— Дим, ты что задумал?

— Не могу тебе сказать. Но мне очень нужна твоя помощь. Поможешь? — несколько секунд трубка молчала, а потом Серега ответил:

— Я не знаю, что ты там придумал, но я сделаю, что ты просишь. И если даже меня будут спрашивать под присягой, скажу, что будет нужно. Можешь на меня рассчитывать... — снова пауза, — Будь осторожен!

— Спасибо, Серег! Ты мне очень поможешь этим.

Я положил трубку. Затем открыл несколько файлов, просмотрел их и скинул на компьютер в лаборатории. Набрал лаборанта.

— Саша, зайди, пожалуйста, в папку «Срочное».

— Зашел, Дмитрий Иванович.

— Видишь три новых файла?

— Да.

— Мне нужно, чтобы ты... — я дал инструкцию, что нужно сделать с информацией. Вообще-то, эта работа была никому не нужна. Но этого, конечно, лаборант знать не мог.

— Дмитрий Иванович! — взвыл Саша. — Здесь же работы до завтрашнего утра! А сегодня пятница.

— Понимаю тебя, но мне очень нужно, чтобы ты это сделал. Я сейчас должен уехать по делам. К девяти часам сбрось мне хотя бы то, что успеешь, на электронную почту и отзвонись. Это очень важно, Саш. Очень важно!

— То есть, по крайней мере, в девять я могу уйти? — голос выдал его злость и обиду на начальника, который заставляет работать допоздна в вечер пятницы.

— Я надеюсь, ты успеешь раньше.

— Хорошо, постараюсь, Дмитрий Иванович.

Я положил трубку. Постарается он! Там, на самом деле, до завтра не разгрести. Он, конечно, обнадеженный продажей разработки, может просто проигнорировать мое указание, но не думаю, что Саша пойдет на такое, пока все еще не до конца ясно.

Так, ну, вроде, все звонки, которые нужно было — сделал. А, стоп! Еще один. Я набрал номер.

— Алло. Привет, дорогой!

— Привет, Солнц! Я сегодня вечером с Серегой в кино иду на девятичасовой сеанс.

— А почему без меня и, вообще, так неожиданно?

— Не знаю, Серега попросил меня одного прийти. У него, похоже, проблемы какие-то в семье — не знаю. Другой бы на его месте меня пиво позвал пить, а Серега же киноман. Он, похоже, даже в таких случаях предпочитает сначала кино хорошее посмотреть. Может, потом пойдём чего-нибудь выпьем. Короче, чувствую, ему нужна мужская компания. И я ему хочу ее составить. Ты не обидишься?

— Да нет, конечно! Давай, там как-нибудь помоги ему разобраться. Ты же знаешь, я за него тоже переживаю.

— Ну, думаю, вдвоем-то мы все разрулим.

— Ну, ладно, давай, Дим, тогда, до вечера!

— Пока, Солнц!

Я люблю свою жену. Она у меня просто золото. Наверное, нет на свете больше таких женщин. Мне очень повезло с ней. И она не должна жить так, как мы сейчас живем.

— Скоро, Лен, у нас все будет хорошо, — тихо сказал я.

В базе данных сотрудников хранилась информация, где живет лаборант. Я нашел на карте города его дом, посмотрел, как к нему проехать. Саша однажды говорил, что добирается домой после работы примерно минут за двадцать, если пробок нет. Пока он тут закончит, пока лабораторию закроет, туда-сюда... Значит, сегодня он должен быть там что-то около половины десятого. Понятно...

Я подъехал на место в восемь двадцать шесть. Впереди было около часа свободного времени. Стояла поздняя осень, и в это время было уже темно. Снег еще не выпал, а во дворе работал лишь один фонарь, так что освещение, можно сказать, просто отсутствовало. Все складывалось самым благоприятным образом. Я вышел из машины, прошелся, осмотрелся. Прикинул, как вероятней всего будет подъезжать Саша (однажды он упоминал, что оставляет свое авто на ночь под окнами, так как оно слишком старое, чтобы кого-то заинтересовать). Затем вернулся в машину и переставил ее в соседний двор. Это было нужно для того, чтобы случайные свидетели не видели ее и, соответственно, не могли потом опознать. Я оставался в автомобиле, выкуривая сигарету за сигаретой, до тех пор, пока не раздался звонок мобильного:

— Дмитрий Иванович, я не успел все сделать. То, что успел, отправил вам на «мыло».

— Хорошо, Саш. Молодец! Домой сейчас?

— Конечно, домой, сейчас уж никуда сил идти нету! — лаборант плохо скрывал раздражение.

— Ладно. Спасибо! Ты мне сильно помог.

— Пожалуйста. До свиданья!

— До свиданья, Саш!

Я достал из «бардачка» пару силиконовых перчаток и носовой платок. Платок положил на «торпеду» а перчатки натянул на руки, затем достал опять же из «бардачка» только что купленный в магазине нож. Нож был с упором для кисти, с лезвием толщиной миллиметра три и длиной сантиметров пятнадцать. Единственное, что давало ему право не быть холодным оружием, была его твердость — так мне объяснил продавец. Я решил, что твердости мне должно хватить. По дороге сюда я еще заехал в маленький киоск, где мне этот самый нож хорошо наточили за весьма скромные деньги.

Я закрыл «бардачок», взял носовой платок и тщательно вытер нож, уничтожая все отпечатки пальцев. То же самое проделал и с прилагавшимися ножнами, хотя это было, пожалуй, не обязательно. Затем «надел» одно на другое и положил получившуюся конструкцию в карман пальто. Потом вышел из автомобиля, закрыл его и пошел к Сашиному подъезду, засунув руки в белых силиконовых перчатках в карманы.

Меня трясло. Я был на войне, но там все было по-другому. Одно дело стрелять в боевика в условиях идущих боевых действий и совсем другое —

здесь, в мирной жизни, когда прошло уже почти двадцать лет. Убить. Ножом. Человека, с которым я проработал бок обок несколько месяцев. Это — совсем другое. А я же не убийца какой-нибудь или маньяк. Просто — человек, попавший в трудную ситуацию и решивший, что лучше пойти на такой шаг, чем оставить все как есть. Самое, наверное, страшное, что у меня до сих пор не было уверенности в готовности к такому шагу.

Я подошел к подъезду и встал в тень, благо — ее здесь было много. Тень была настолько густой, что даже если бы меня кто-то и увидел, то лица разглядеть он бы точно не смог. Пришла мысль, что «уроботавшийся» лаборант — это очень хорошо. Он устал, у него замедлены рефлексy, он туго соображает. Я еще раз отметил, как удачно все складывается. Где-то в глубине меня сейчас кричала совесть. Все человеческое, что было в моей душе, протестовало против моего намерения. Пришлось собрать все силы, чтобы поставить барьер на пути этих мыслей так, чтобы до сознания докатывалось лишь малая их толика.

Я не думал о том, как буду действовать, я уже все знал. Мне хватило времени придумать план, пока я курил в машине. Поэтому сейчас я, чтобы не нагружать психику и не «перегореть», думал о всякой ерунде — что было бы неплохо купить новую стиральную машину, что надо бы заменить батарейку в будильнике (а то он, похоже,дохнет), что надо будет сразу же после «дела» ехать в кино, к Сереге. Говорить ему, что случилось, конечно же, не стоит. Узнает — так узнает, а не узнает, так ему легче жить будет. В любом случае, он меня не сдаст. Это уж стопроцентно.

За такими мыслями прошло какое-то время, а потом... Потом я увидел машину лаборанта.

Я стоял в тени возле подъезда и смотрел, как он подъезжает, как паркуется и выходит из машины, как всегда одетый в свою дурацкую белую куртку. И в этот момент вся нервозность ушла. Я вспомнил, как это бывало иногда раньше — наступало простое осознание: ты делаешь то, что надо и ничего больше. Никаких эмоций. Тело перестало трястись, посторонние мысли исчезли.

Я понимал, что, когда внезапно окажусь перед Сашей, он испугается и может что-нибудь «выкинуть». Подкрасться сзади тоже был не вариант — скорей всего просто не удалось бы. Поэтому оставался единственный выход.

Саша закрыл машину и направился к подъезду. Когда до подъезда оставалось несколько шагов, я вышел из тени и сказал:

— Саша! Наконец-то! Сколько можно ждать?!

Лаборант опешил на пару секунд, и этого времени как раз хватило, чтобы я подошел вплотную и воткнул ему в живот, заблаговременно извлеченный из своего «убежища», нож. Мне показалось, что лезвие натолкнулось на что-то твердое и не проникло достаточно глубоко. Саша охнул, согнулся и схватился двумя руками за мою кисть. Я попытался вытащить нож и ударить лаборанта еще раз, но он крепко держал меня. Я уперся свободной рукой ему в плечо и потянул захваченную руку к себе. В итоге мне удалось освободить ее, но нож остался в теле. Лаборант рухнул на колени, а затем повалился вперед и на бок.

— Э! Что там у вас такое?!

Я обернулся на крик. Освещение было более чем скудным, но его хватило, чтобы разглядеть силуэты трех приближающихся полицейских. Каковы были шансы, что наряду станет скучно ходить по освещенным улицам, и они решат зайти во дворы? Рано я обрадовался, когда думал, что все удачно складывается — полицейские спешили ко мне со стороны двора, где я оставил автомобиль. Я крикнул: «Человеку плохо! Я за лекарством!» и метнулся к выходу со двора. Судя по раздавшимся крикам и топоту, полицейские не «купились». Хорошо, что я еще не так стар и иногда занимаюсь в зале. Я добежал до угла и свернул. Это было не очень хорошим решением, так как я оказался недалеко от перекрестка двух довольно оживленных улиц. Но был в этом и свой плюс — зеленый сигнал на моих глазах начал мигать. «Успею проскочить, а поток машин задержит преследователей», — решил я и кинулся через дорогу, обегая стоящие автомобили...

* * *

Лаборант заворочался и сел. Перед ним стоял полицейский.

— Э, ты что, пьяный, что ли?

— Если бы пьяный, — Саша поднялся, — я хочу сделать заявление о покушении на мою жизнь.

— Тебя этот мужик ранил, что ли?

— Нет, не ранил, но доказательства есть — вот нож, а вот порез на куртке.

— Повезло тебе, — сказал сержант, разглядывая дыру на куртке, — точно не ранен?

Саша не ответил, а только улыбнулся. Он улыбался потому, что дело приняло самый благоприятный оборот. Его прогнозы оказались верными. Заведующий повел себя именно так, как лаборант и ожидал. Дмитрий Иванович ничего не знал, только подозревал, но подозревал совершенно правильно. На самом деле, Саше уже заплатили часть денег за информацию о разработке. И заплатили более чем хорошо. Он же в свою очередь специально затягивал тестирование средства всевозможными способами. Это позволило конкурентам подготовить все необходимое для получения патента. Оставалось лишь несколько дней до момента, когда лаборант заявил бы о своем уходе. Но он знал, что заведующий, несмотря на все его вежливое, мягкое общение — решительный человек, в свое время повоевавший, и догадывался, что от него можно ждать чего угодно. Вся его вежливость и деликатность не усыпили бдительности молодого, но очень амбициозного лаборанта, который, придя в первый раз в лабораторию, сразу же каким-то внутренним чутьем почувствовал, что именно здесь должно произойти нечто такое, что в один момент поднимет его до уровня, о котором он мечтал.

Получив аванс, Саша сразу же купил нетяжелый и незаметный под свитером (а потому очень дорогой) бронежилет и повсюду ходил в нем, чем вначале немало перепугал жену. Пришлось ему что-то там выдумать. Сейчас он даже не помнил, что именно. Но сегодня покупка себя оправда-

ла в полной мере. Теперь Саша мог позволить себе расслабиться и улыбнуться. «Интересно, где я дал промах? — думал он, — Наверняка, это было в тот момент, когда завлаб послал меня за «безопасником». Как я мог так ошибиться? Оставил сотовый в столе — дурацкая привычка... Чуть не убила меня. Но, как бы то ни было, я сделал тебя, Иваныч. Наверное, не стоит старперам играть в такие игры».

А в этот самый момент, через ближайший перекресток, автомобиль черного цвета неустановленной марки, с молодым любителем «стрит-рейсинга» за рулем, проехал со скоростью близкой к 90 км/ч на едва успевший загореться желтый сигнал светофора. И в этот же самый момент заведующий лабораторией по разработке новых лекарственных средств Гошко Дмитрий Иванович, перебежавший дорогу в неподобающем месте — в 15 метрах от пешеходной «зебры», выскочил из-за дождавшейся зеленого сигнала грузовой «ГАЗели» прямо перед водителем, грубо нарушающим ПДД. Водитель, вполне закономерно для данной ситуации, не успел ни затормозить, ни отвернуть в сторону. Удар подкинул, чуть закрутив, Дмитрия Иванoviча вверх на высоту около полутора метров, после чего заведующий лабораторией упал на асфальт и остался лежать неподвижно. Машина нарушителя, не снижая скорости, скрылась с места ДТП. На проезжую часть начала вытекать темно-красная густая кровь из пробитой головы заведующего лабораторией. Это была быстрая, а потому безболезненная смерть.

...Лаборант Саша стоял и улыбался. Он не мог знать, что через несколько дней, когда покинет старое место работы и придет на новое, владелец предприятия — человек, тесно связанный с криминальными структурами, — скажет ему примерно следующее:

— Александр, мы очень неплохо заплатили вам за ваше чудо-средство, но поскольку у нас нет времени на поиски добровольцев, то опробовано оно будет в первую очередь на вас. Уж не обессудьте. Да и что там говорить — если у него вдруг окажутся серьезные побочные действия, и его нельзя будет продавать, то (не буду скрывать) для вас все кончится очень печально. Вы заварили все это, Саша, так расхлебывайте до конца, договорились?

Так что, Александру, ставшему заместителем исполнительного директора, придется опробовать препарат, который к тому времени будет носить пошлое и безвкусное, зато звучное название «Интеллект 3000», на себе. И в этом не будет ничего страшного. Средство действительно не будет иметь никаких побочных эффектов... Кроме одного.

Хотя точно не известно, будет ли это побочный эффект «Интеллекта» или же усилившаяся работа мозга и тяга к новой информации сами по себе вызывают сильное повышение уровня нравственности у человека... Так или иначе, через шесть месяцев после смерти Дмитрия Ивановича, Саша, не выдержав угрызений совести, покончит с собой.

За это время произойдет несколько важных событий.

Во-первых, «Интеллект» будет запатентован и сертифицирован. Во-вторых, он поступит в аптеки. Конечно, протестированный в кратчайшее время на небольшой группе людей препарат не может быть ни сертифицирован, ни, разумеется, запущен в продажу, но если вы знаете, где подмазать и у вас есть чем подмазать, то вы обязательно поедете...

В общем, препарат окажется в аптеках. Цена будет не просто высокой — она будет грабительской. Но рекламная кампания сделает свое дело и «Интеллект» начнет расходиться.

Ну и, наконец, в-третьих. В-третьих, лаборант Саша пятничным вечером самой обыкновенной рабочей недели, дождавшись, когда уйдут все сотрудники, напишет записку о том, что собирается сделать в ближайшие несколько часов и оставит ее в своем кабинете на видном месте. Он вынесет с территории предприятия два десятка килограммов неразбавленного концентрата в виде сухого порошка. Сделать это будет несложно — к тому времени весь проект по «Интеллекту» будет находиться под его контролем и, поставив подпись в соответствующих документах, он мог бы вынести практически что угодно. Саша поедет к реке, питающей городское водохранилище, вода в котором, в отличие от большинства других водохранилищ нашей страны, пригодна для питья даже в некипяченом виде. Там, не найдя нормального подхода, он не смутится этим обстоятельством и пройдет прямо по грязи, продираясь сквозь заросли неизвестной ему травы и едва не утопив свои лакированные туфли, к воде. Достанет из сумки пакеты с «Интеллектом» и высыплет его в реку. Постоит несколько минут, глядя, как течение уносит растворяющийся порошок, потом развернется и пойдет обратно к машине. Усевшись на водительское сиденье, он достанет из «бардачка» несколько коробок сильнодействующего снотворного. Какое-то время будет потрачено на то, чтобы все таблетки выщелкнуть из блистеров и собрать в один пакетик. Затем молодой, но уже успевший зарекомендовать себя заместитель директора возьмет бутылку минеральной воды и начнет горстями кидать в рот таблетки, запивая минералкой. Через несколько часов бывшего лаборанта Саши не станет.

Последними мыслями в его засыпающем мозгу станут: «Пожалуйста... Хотя бы одно хорошее дело в моей жизни... Пусть раствор беспрепятственно пройдет через все системы очистки... Хотя бы одно... Дело... Пожалуйста... Хотя бы одно...»

Эпизод

Андрей Владимирович Хворостов, токарь четвертого разряда предприятия «Гидромаш», проснулся по случаю выходного дня на час позже обычного. Жена уже ушла на работу, так как у нее был посменный график. «Вот и хорошо, — подумал Андрей Владимирович, — не будет с утра никто пилить. Дети — в деревне, у бабушки. Можно спокойно отдохнуть в свое удовольствие, купить бутылочку пивка (не одну, конечно, это так, выражение такое — «бутылочку пивка») и не спеша с расстановкой выпить ее — для начала одну, можно даже без закуски. Хотя, пожалуй, соленая рыбка тоже была бы хороша. Кстати, после вчерашнего-то, ох, как ровно все это ляжет! Андрей Владимирович потянулся и улыбнулся во весь рот от удовольствия.

«Но для начала было бы неплохо хотя бы воды попить, а то во рту уж больно гадостно», — подумал он. Встал, протопал босыми ногами на кухню, набрал из-под крана воды в большую пивную кружку и жадно,

большими глотками выпил. Опустил кружку, с наслаждением выдохнул и внезапно почувствовал некоторый дискомфорт. Такое иногда бывает, когда чересчур перестарался с выпивкой вечером предыдущего дня. Кажется, что внезапно просыпается совесть, которая начинает тебя мотать и трепать, и потом уж и не знаешь, куда от нее деться. Только через несколько часов «отпускает».

«Надо еще воды выпить, чтоб скорей прошло», — подумал Хворостов. Набрал еще раз полную кружку и вновь выпил. Дискомфорт усилился. Откуда-то появилось желание разобраться в своей жизни и все расставить на свои места. Он внезапно чуть ли не физически ощутил, как живо работает его мозг. Пива уже не хотелось...

Об авторе

Родился в 1982 году в Миассе Челябинской области. Инженер-конструктор, закончил Аэро-космический факультет ЮУрГУ (2006), позднее получил диплом специалиста по традиционным системам оздоровления в «Национальном институте здоровья» (Москва, 2011). Имеет аккредитацию от РАМН по комплексным системам оздоровления. Также закончил Курсы по переговорам. Работал тренером-инструктором, менеджером по снабжению, руководителем отдела, руководителем направления, в настоящее время менеджер по продажам и коуч.

Опубликован рассказ «Старатель» (<http://almanah.podfm.ru/80/>), в издательстве «Центрполиграф» готовится в изданию книга «Картина мира господина Хо».

Елена Зарецкая

Телепортация с сюрпризом

повесть

ОТ АВТОРА

Не открою большого секрета, если скажу, что в Институте, где я работаю старшим научным сотрудником, недавно было сделано открытие мирового значения. Впервые в истории удалось технически осуществить ТЕЛЕПОРТАЦИЮ.

Впрочем, об этом достаточно писали в газетах. Вы наверняка читали.

Однако, далеко не всем известно, что во время натурных испытаний телепортала возникла нештатная ситуация, которая привела к совершенно фантастическим последствиям.

В центре событий оказались те, кто прямо или косвенно был причастен к грандиозному открытию.

Удивительная история, приключившаяся с героями этой повести, наделала немало шума, как в Институте, так и за его пределами. Честно говоря, мне несказанно жаль, что не довелось принять в ней непосредственного участия.

Разговоры о происшествии долго не утихали. Подробности же мне посчастливилось услышать от самих участников событий.

Поэтому смело можете считать, что и вы узнали обо всем почти из первых уст.

Автор выражает глубокую признательность товарищам по работе, которые при прочтении рукописи заметили некоторые неточности в повествовании и помогли восстановить подлинную хронологию событий.

*Чудеса там, где в них верят, и чем
больше верят, тем чаще они случаются
Дидро*

УТРО ПОСЛЕ ВТОРОМАЯ*

Случилась эта удивительная и почти неправдоподобная история в мае. В понедельник 10-го, как раз после праздников, Мария Кузьминична пришла на работу расстроенная.

— Как провели время? — дружелюбно поинтересовался Денис, не отводя глаз от монитора и поэтому, не замечая ни настроения коллеги, ни предупреждающего покашливания Даши.

В ответ Мария Кузьминична вдруг расплакалась, хотя обычно она всегда держала себя в руках. Даша побежала и принесла ей воды. Денис оторвался, наконец, от экрана и в растерянности посмотрел на Марию Кузьминичну, а та, судорожно отпив несколько глотков, рассказала, как нескладно начался у нее дачный сезон.

Племянник собрался с друзьями на пикник и предложил по пути подбросить ее на дачу. Она обрадовалась, с вечера упаковала саженцы авокадо. Утром за ней заехали. И вот они двинулись в путь и простояли в пробке 12(!) часов.

Наглецы, как обычно, пытались прощмыгнуть по обочине, по встречной, чтобы потом вклиниться в поток. В конце концов, у них создалась своя собственная пробка внутри общей, что усугубило ситуацию. Нежные заморские саженцы поникли. Шашлык в багажнике пропадал. Хорошо еще, что поехали по нижнему ярусу шоссе. Хоть выйти, поразмяться можно было. Не то, что наверху.

Вылезли они из машины, если можно так сказать, на природу, постояли немного, подышали свежим воздухом. Потом, почувствовав голод, решили вытащить мангал и разжечь угли. Стали жарить мясо, а когда вся кавалькада чуть-чуть трогалась с места, перетаскивали мангал по ходу движения. Перекусили, наконец. Шашлык оказался местами сыроватым, местами подгоревшим, с запахом выхлопных газов. Но что делать? Съели... Пикничок, называется.

С верхних ярусов неслась музыка какая-то ужасная, бьющая по барабанным перепонкам кувалдой. А в небесной синеве, над всем этим безобразием и пакостью пролетали аэротакси, уносившие вырвавшихся на свободу счастливиц, которым не ведомо, что такое автомобильные пробки. Но это дорогое удовольствие, не для каждого.

— Да, веселенькое приключение, — посочувствовал Денис.

Мария Кузьминична печально вздохнула.

— А далеко дача-то? — участливо спросила Даша.

— По Ново-Егорьевскому шоссе, 40 километров от шестого метро-кольца.

— Всего-то!? — удивился Денис, — Мария Кузьминична! Да Вы бы пешком быстрее дошли.

* Второмай — всенародный праздник, знаменующий начало Недели открытия дачного сезона. Учрежден взамен упраздненного Первомай.

— Не трави мне душу, — устало сказала Мария Кузьминична и стала приводить себя в порядок.

Нет, положительно никто не принимает ее проблем и бед всерьез. Никому нет дела ни до нее, ни до ее пострадавших авокадо. А, между прочим, всегда ели ее экзотические фрукты и нахваливали. А теперь подтрунивают. Все дело, конечно, в возрасте. Бригада молодежная, а ей уже за сорок. Что она для них? При мысли об этом она снова вздохнула. Да еще и незамужняя.

Ну да, личная жизнь не очень сложилась... Зато работу свою она делает на совесть. И начальство ею довольно. И она потихоньку успокоилась.

Однако тема, затронутая Марией Кузьминичной, вызвала целую дискуссию. Начал ее Денис:

— Не понимаю — сказал он, — почему мы до сих пор томимся в пробках, когда воздушное пространство практически свободно. Давно пора бы наладить массовое производство дешевых малогабаритных вертолетов. О чем думает Дума? А пока что надо всем пересесть на флайки*.

— Не каждый сможет оторваться от земли, — возразила Мария Кузьминична.

— Из-за излишнего веса? — бестактно спросил Денис.

— Почему из-за веса? — обиделась она. — Я, например, высоты боюсь.

— Всеми забытый мотоцикл — вот что нужно Марии Кузьминичне, — меланхолично пробурчал из своего угла слесарь Антон, шлифуя какое-то зеркальце. — Если, конечно, Вы скорости не боитесь.

— Тоже верно! — подхватил Денис и, оттолкнувшись ногой, одним ловким движением развернул свое компьютерное кресло и подъехал к Марии Кузьминичне. — В самом деле, Вы будете обгонять ползущие машины и радоваться жизни! Верно? А хотите, мы подарим Вам на день рождения мотоциклетный шлем?

— Добрый ты наш, — отозвалась Мария Кузьминична. — Уж лучше мотоцикл.

— Мотоцикл не потянем, — вздохнул Денис и добавил: — И все-таки я за летательные аппараты.

— Да что в них хорошего? — пожал плечами Антон, любовно разглядывая свою работу. — Ну, полетишь ты в собственном вертолете, а тебя как начнут подрезать то справа, то слева, то сверху, то снизу, а то и вовсе вмажется в тебя какая-нибудь дамочка, болтающая за штурвалом по видеосоту.

— Только, пожалуйста, Антон, не надо конструировать гендер, — нахмурила красивые брови Даша.

— Не надо, так не надо, — благодушно согласился Антон, но не удержался и добавил:

— Только когда посыплются нам на голову вертолеты, то уж тогда точно всем будет хендер.

* Флайк — летающий велосипед, весом от 2 до 2,5 кг. В сложенном виде свободно помещается в рюкзак средней величины, приводится в действие вращением педалей, при небольшом разгоне взлетает на высоту до двух метров, благодаря хорошей аэродинамике и миниатюрному приводу развивает скорость до 30 км/час. Запатентован в США американцем русского происхождения Петром Сидоровым в 2059 году. Вызывает неприязнь, как у автомобилистов, так и у пешеходов, а особенно у автоинспекции.

— Для вертолетов надо специальные коридоры делать. Например, над линиями электропередач, — предложил Денис, снова крутанувшись на своем кресле.

— Ага, — скучно зевнул Антон, разогревая паяльник. — Пускай вертолеты падают на провода, а то, что у Марии Кузьминичны телевизор будет при этом отключаться, и холодильник тоже, так это тебя не колышет.

Мария Кузьминична углубилась в работу. Она отлаживала чью-то программу и делала вид, что не слышит реплик в свой адрес. Но, видимо, параллельно предавалась своим мыслям. Наконец, когда все уже забыли про утренний разговор, она вдруг сказала:

— Нужна телепортация.

— Тело что? — переспросил Антон.

— Те-ле-пор-та-ци-я, — повторила Мария Кузьминична.

— Перенос собственного тела через портал силой мысли, — усмехнулся Денис. — Тема, заезженная фантастами аж до противности.

Скептик Антон, подышав на отшлифованное зеркальце, принялся размышлять вслух:

— А кто сказал, что при этой самой вашей тело-портации аварий не будет? Вот, к примеру, перенесся кто-нибудь через портал и — исчез. И — ку-ку, ищи-свищи.

— А вот на то вы и ученые, чтобы придумать надежный и безопасный способ. Кто за вас изобретать должен, Александр Сергеевич? — укоризненно спросила Мария Кузьминична.

Но тут ее куда-то вызвали. Она вышла, и разговор иссяк. Только Даша задумчиво произнесла, ни к кому не обращаясь:

— А у Марии Кузьминичны в пятницу день рождения.

Близнецы Сеня и Гриша, сидящие за своими столами лицом друг к другу, что-то вполголоса начали обсуждать, синхронно ероша свои кудрявые головы с намечающимися залысинами.

Вечером на стол начальника отдела, Николая Николаевича, легли два одинаковых заявления от братьев. Они просили недельный отпуск за свой счет для работы над неким изобретением.

Николай Николаевич нахмурился. В отделе работы невпроворот, в сентябре действующий образец дегравитатора сдавать, а они опять за свое. Но, в конце концов, он махнул рукой и заявление подписал.

— Все равно вам сейчас какое дело ни поручи, вместо него ваше изобретение получится, — рассудил он. — Посмотрим, что вы там напридумываете; может, и отделу какая польза выйдет.

Договорились, что братья проведут отпуск на работе, но их без надобности не будут дергать, чтобы они спокойно трудились над воплощением своей идеи.

Назавтра отпускники явились на работу чуть свет и расположились в лабораторной комнате.

ОФОРИКИ

Здесь надо сделать небольшое пояснение. Описываемые события происходили в Отделе феноменальных футурологических опытов Российского Института Комплексных Изысканий, подчиняющегося Академии нестандартных специальных разработок (сокращенно ОФФО РИКИ АНССР). Сотрудников этого отдела в научной среде ласково называли «офорики».

Надо сказать, что среди офориков особенно выделялись двое: уже упомянутые здесь близнецы Сеня и Гриша, суперпрограммисты экстра-класса.

Тридцатипятилетние братья были старшими в молодежном братстве отдела. Они являли абсолютную копию друг друга. Различали их только по прическам: у Гриши была пышная лохматая шевелюра, а Сеня свои волнистые волосы отращивал и завязывал в хвост по моде начала века. Было у братьев и кардинальное различие: мировоззренческое. Гриша был убежденным материалистом. Сеня, напротив, твердо верил в первичность Духа, а материю считал производной первого порядка от Духа. Из-за этого между братьями постоянно шли бурные дискуссии. Кроме того, Гриша был суров и решителен, а Сеня мягок и немного рассеян.

В свободное от основной работы время Сеня и Гриша баловались электроникой и изобретали разные занятные штучки.

Мало кто сейчас помнит, что именно их усилиями был положен конец той вакханалии сквернословия, которая охватила наши города в начале века, когда каждое второе слово, влетающее в уши прохожих, было непечатным. «Крутые», как называли тогда неотесанных наглецов, возомнивших себя хозяевами жизни, имели привычку во всеуслышание материться в микрофоны своих мобильных, не обращая внимания на присутствие женщин и детей вокруг.

Сеня и Гриша разработали одну хитроумную микросхему. А Николай Николаевич, в то время их научный руководитель, используя свой огромный авторитет ученого, добился утверждения законопроекта об обязательном применении этой разработки во всех средствах мобильной связи.

Сама идея была проста. Как только в мобильник влетало бранное слово, связь отключалась на пять минут. При повторном ругательстве со счета матершинника снималась некоторая сумма в качестве штрафа; эти деньги перечислялась в фонд развития культуры. И, наконец, предусматривалась дополнительная мера для особенно непонятливых. Начиная с третьей попытки употребления нецензурного выражения, любитель крепкого словца получал от мобильного в ухо легонький и абсолютно безвредный для здоровья ударчик, но аккумулятор после этого оказывался полностью разряженным.

И произошла удивительная вещь. В первые три дня после внедрения микросхемы сквернословие все еще продолжалось, зато культурный фонд получил огромные деньги. Огромные! Их хватило на полное восстановление архитектурных памятников, приспособленных «крутыми» в эпоху их буйного процветания под казино, пивные бары и банки.

Затем денежный поток, подпитывающий культурный фонд, вдруг иссяк: любители ненормативной лексики с удивлением обнаружили прореху в

своим бюджетом. Однако, все шло по плану Гриши и Сени. Поскольку люди общались преимущественно через мобильники, «крутым», чтобы не раскошелиться, пришлось, морщась и страдая, подыскивать для выражения своих убогих мыслишек нормативные слова из двухсоттысячного запаса нашего великого и могучего. Кое-кому пришлось даже на некоторое время поступить на платные курсы русского литературного языка. Все выгоднее, чем платить штрафы. Так возродился нормальный стиль общения людей.

Еще одним достижением Гриши и Сени стала убедительная победа в борьбе с курением. Долгое время ни законы, ни призывы, ни пропаганда здорового образа жизни, ни международные дни отказа от курения, не решали проблему. А наши изобретатели, в то время еще студенты второго курса, создали миниатюрный портативный приборчик: «Г@Силка». В его названии они решили увековечить свои славные имена. Размером «гасилка» получилась не больше зажигалки, и любой мог запросто купить ее за небольшие деньги в киоске. Прицепляли гасилку к лацкану пиджака, вороту рубашки или к дамской сумочке.

Принцип действия приборчика был таков: встроенный детектор улавливал в воздухе частицы табачного дыма и мгновенно включал самонаводящуюся головку, которая направлялась точно на огонек ближайшей зажженной сигареты. Прицельный выстрел микроскопической дозой специального вещества гасил сигарету и делал ее непригодной для дальнейшего использования из-за появления в ней отвратительного привкуса.

Надо сказать, что люди некурящие так истосковались по чистому воздуху, что товар стал пользоваться широким спросом.

И что же? Заядлые курильщики, которые годами плевать хотели на окружающих, отравляли воздух на работе, дымили на детских площадках, курили в тамбурах электричек и на автобусных остановках, вдруг столкнулись с проблемой порчи собственного имущества, приобретенного за свои кровные! И курильщики мгновенно приучились находить укромный уголок, где можно было предаться своей вредной привычке в стороне от прохожих и маленьких вредных приборчиков, которые в курящей среде немедленно из «гасилок» переименовали в «гадилки».

Для удобства курильщиков, правда, установили на улицах специальные платные кабинки. Но ими никто не пользовался. Из принципа.

Что касается молодых девушек, то они просто-напросто потеряли интерес к курению. Одно дело, красуясь, пройтись с сигаретой по улице, пуская в лицо прохожим дым, совсем другое — сделать несколько затяжек где-нибудь в подворотне или (еще того хуже) в тесной душной кабинке. Курение пошло на убыль. Здоровье нации укрепилось. Дети некурящих мам рождались более жизнеспособными, с хорошим иммунитетом.

Короче говоря, старались братья изменить жизнь к лучшему.

Но вернемся в лабораторию. Кроме близнецов-суперпрограммистов, в отделе трудились еще пятеро не менее достойных личностей. В дальнем углу комнаты за столом, заваленном всякой всячиной, хозяйничал слесарь Антон. Сказать, что у него были золотые руки — это значит, ничего не сказать. Антон был способен воплотить в жизнь любую, самую невероятную

выдумку своих ученых коллег, мимоходом обязательно указав им на какую-нибудь мелкую неточность в теории и исправив ее. Носил он кремовые брюки и белую рубашку. По природе своей ворчливый и занудливый, он всегда пытался казаться милым и остроумным при общении с Дашей, которая благосклонно принимала его знаки внимания, чем вызывала уколы ревности в сердце Сени.

Даша по образованию была дизайнером-конструктором. И дизайнером она была одаренным, впрочем, бездарных в отдел вообще не брали. Ее конструкции были так красивы, что вызывали восхищение даже у непрофессионалов, не говоря уж о специалистах. К тому же она была молоденькая и прехорошенькая и одним своим видом повышала жизненный тонус товарищей по работе и как следствие производительность их труда, что немаловажно.

Денис, высокий, тонкий, улыбчивый был самым юным. Он еще проходил испытательный срок, но уже было ясно, что он останется в отделе. Денис был выпускником Рязанского Космогонического Университета, его дипломная работа «Некоторые проблемы прикладной марсологии» была всеми признана как кандидатская, и он в свои 24 года уже начал работать над докторской. Одновременно он служил в армии. Это означало, что ему регулярно высылались по почте задания по стратегии, тактике и оперативному искусству, которые нужно было выполнять точно в срок и безошибочно. Раз в месяц он на неделю выезжал на сборы, где в среде таких же, как он аспирантов и докторантов на практике изучал науку побеждать, участвуя в военных учениях. Такая служба без отрыва от производства была ему по душе. Физические нагрузки на свежем воздухе благотворно влияли на его творческий потенциал, и после возвращения со сборов он с удвоенной энергией брался за свою диссертацию. Денис шутил, что для марсолога служба в армии само собой разумеющееся занятие.

Что касается Марии Кузьминичны, то она, не обладая гениальностью коллег, легко схватывала новые идеи и доводила их до логического завершения. Кроме того, она с потрясающей аккуратностью вела электронный архив. Весь мусор, который кидали ей в компьютер ее ученые коллеги, был у нее разложен по полочкам. Любой, обратившийся к ней, мгновенно получал нужную информацию. И была у нее еще одна удивительная черта: она никогда не ошибалась.

Однажды в Институт кто-то принес каверзный тест, специально провоцирующий испытуемого на совершение ошибки. И вот, представьте, все попались на эту удочку, даже кандидаты и доктора, даже один весьма известный академик. Словом, все, но только не Мария Кузьминична. Она легко обошла прячущиеся под гладкой поверхностью рифы, и была за это вознаграждена: ее интеллект получил оценку по высшему баллу.

Впрочем, одну ошибку в жизни она все-таки совершила, но об этом немного позже.

А пока скажем только, что была в ее жизни какая-то тайна. Случалось, что посреди разговора или во время работы она внезапно отключалась и мысленно уносилась в какой-то другой мир. В эти минуты ее взор вдруг затуманивался. Черты лица при этом становились тоньше и моложе, а выражение его делалось мягким и мечтательным.

И все знали, что в эти мгновения ее лучше не трогать и не обращаться к ней. Она все равно не услышит и не ответит. Лучше чуть-чуть подождать, пока она не вернется в действительность и снова не превратится в прежнюю Марию Кузьминичну, деловитую, доброжелательную, немного уставшую женщину за сорок.

И, наконец, начальник отдела Николай Николаевич, собравший этот замечательный творческий коллектив. Он обладал потрясающей интуицией ученого и так организовал работу, что каждый, незаметно для себя, выкладывался по максимуму. Мог он в случае необходимости и разнос подчиненным устроить, но за его показной суровостью скрывалось доброе и отзывчивое сердце.

Вот об этой-то удивительной семерке и пойдет здесь речь.

ДЕГРАВИТАТОР

В темной испытательной комнате уже два месяца громоздился лабораторный макет дегравитатора.

С ним развлекались кто как мог. Денис, например, когда у него не клеилась работа, садился возле него и рассыпал на столе горсть канцелярских скрепок, сохранившихся в ящике стола чуть ли не с конца прошлого века. Затем он задумчиво наблюдал, как они плавно поднимаются вверх и парят в воздухе, соединяясь в причудливые узоры, похожие на фигуры Лиссажу. Денис был убежден, что это помогает ему расслабиться, а потом сосредоточиться.

Антон пользовался дегравитатором при сборке механизмов, обезвешивая некоторые особо важные миниатюрные детали.

Мария Кузьминична сушила под ним зонтик после дождя. Она уверяла, что там он быстрее просыхает. В доказательство даже построила графики нормальной и ускоренной просушки зонтика. Возможно, она просто разыгрывала всех. Она вообще любила мистификации.

Даша вдумчиво трудилась над улучшением дизайна дегравитатора, чтобы во всем блеске представить действующий образец на международной выставке.

Итак. Во вторник, ранним утром на двери в лабораторную комнату была вывешена предостерегающая табличка: «Не входить. Идет эксперимент».

Из-за притворенных дверей доносились обрывки разговора братьев. Понятия-то все были знакомые: кватернионы... конечномерное подпространство полного пространства... вектор квантуется... электроны играют... Но что там за идеи роятся в лохматых головах суперпрограммистов, пока никто не догадывался. Несколько раз упомянули М-теорию.

— Что такое М-теория? — прислушиваясь, шепотом спросила Мария Кузьминична.

— Мембранная теория, — ответил Денис. — Впрочем, ее автор не расшифровал, что означает М, и до сих пор физики состязаются в остроумии, придумывая разные расшифровки. Я бы назвал ее по-другому: «Теория мироздания».

— Магическая теория, — донесся из темной комнаты завывающий потусторонний голос Сени, услышавшего их шепот.

— Старо! — сказал Денис.

— Мистическая теория, — округлив глаза, переименовала Мария Кузьминична.

— Было.

— Модная теория, — предложила свой вариант Даша.

— Принимается, но с очень большой натяжкой.

— Муторная теория, — пренебрежительно бросил Антон.

— Многообещающая теория, — бодро возразил, включаясь в игру, вошедший в комнату Николай Николаевич. Он походил по комнате, заложив руки за спину и, как бы, между прочим, заметил, что если мощность дегравитатора не удастся увеличить, то ни о какой сдаче действующего образца в сентябре и речи быть не может. Придется все лето, вместо отпусков, работать в авральном режиме. А в конкурирующей организации тоже, между прочим, не дремлют. Им уже удалось сделать дегравитатор чуть мощнее нашего. И они уже радостно почесывают брюшко.

Денис в глубокой задумчивости принялся чертить какие-то каракули, похожие на браны-мембраны*. Часа через два он заглянул в лабораторную комнату.

— Дайте-ка мои скрепки, — попросил он.

Сеня и Гриша в это время, споря друг с другом, корректировали схему дегравитатора. Не оборачиваясь, Сеня нажал на красную кнопку, раздался тихий металлический звон, и откуда-то из воздуха прямо в руки Денису сыпались блестящей струйкой скрепки. Денис возвратился на свое рабочее место и принялся соединять их в цепочку.

Когда конец цепочки коснулся пола, он вдруг быстро-быстро начал писать какие-то формулы, зачеркивать, исправлять написанное. Потом он вскочил и почти побежал в кабинет Николая Николаевича. Вместе они принялись что-то горячо обсуждать, потом стремительно вышли из кабинета. Оба покраснелись. Размахивая руками и на ходу продолжая обсуждение, они буквально ворвались в лабораторную комнату к Сене и Грише. Там завязался какой-то научный спор.

Так... похоже, что грядет новое открытие.

В воображении Даши уже начал складываться совершенный образ какого-то гигантского устройства с обтекаемыми контурами, плавно переходящими друг в друга.

Мария Кузьминична и Антон независимо друг от друга подумали, что рутинной работенки подвалит. Но это ничего, даже хорошо. Марии Кузьминичне работа в какой-то мере успешно заменяла не сложившуюся личную жизнь. А для Антона лишние часы, проведенные в одной комнате с Дашей, давали дополнительный шанс.

Наконец, из соседней комнаты раздался ликующий возглас: «Это же гениально! И мощность, кстати, увеличится на три порядка. Надо только микрочипы переделать».

* Брана — четырехмерный лист Мультивселенной (Мультивселенная — гипотетическое множество всех возможных реально существующих параллельных вселенных, включая нашу), на котором локализованы все частицы нашего мира.

Из-за притворенных дверей высунулась Гришина взлохмаченная голова:
— Антош, нужно блоху подковать, а? Сделаешь?

— Конечно, — сварливо буркнул Антон. — Запросто. Это ведь пара пустяков. Как изобретать, так все у нас корифеи: Эдисоны доморощенные. А как дело делать, так сразу: «Ау, Антон?»

Нарочито шаркая ногами, мастер подошел к близнецам:

— Ну, и чего там у вас?

Он взял вынутые из макета микрочипы своими слишком хорошо ухоженными для слесаря руками и стал рассматривать их в электронный микроскоп.

— Антош, надо бы подправить их немного. Вот такие нужны, — и он быстренько нацарапал схему на клочке бумаги. К утру бы. А?

— А ко вчерашнему вечеру не хотите? — поинтересовался Антон, искоса поглядывая на Дашу. — Короче, приходите послезавтра. Но не обещаю. Работы много. Не до ваших игрушек.

— Антоша, очень надо.

— Раньше надо было говорить, а то тянут резину... Конечно, чего уж там церемониться, если все можно свалить Антону. У него вся ночь впереди. Работай, не хочу, — с этими словами он небрежно сунул микрочипы в нагрудный антистатический карман и, по-прежнему шаркая ногами, вернулся в свой захламленный угол.

К концу дня, однако, на столе братьев появились два новеньких микрочипа.

— Тренируйтесь, — хмуро проговорил Антон, повернувшись к братьям спиной.

Сеня и Гриша жадно схватили его творение, как всегда, забыв поблагодарить мастера. Вскоре зажужжал в лабораторной комнате громче, чем обычно, дегравитатор.

Потом раздался шум, по которому можно было догадаться, что к дегравитатору подтащили пудовую гирию. Она валялась в лаборатории с доисторических времен, и об нее вечно все спотыкались, но и выбросить не решались, потому что часто использовали ее в научных опытах в качестве противовеса.

Прошелся по комнате Николай Николаевич, прислушался к жужжанию из-за дверей и, одобрительно кивнув, вернулся в свой кабинет.

В этот день долго не расходились по домам.

Временами один из братьев выглядывал в общую комнату и спрашивал какую-нибудь несусветную глупость, например:

— Мария Кузьминична, а вы сколько весите?

— Молодой человек, ваш вопрос нескромен, — сухо отвечала Мария Кузьминична.

— Извините, но это нужно для науки.

— Ну, если для науки, то 63 килограмма. Не зря же я целый месяц худела по системе Пита Брэкфеста.

— 63 — это значит по минимуму, а максимум? Нам диапазон нужен.

— Шестьдесят семь, — неохотно призналась Мария Кузьминична, утаив, однако, килограмм.

Лохматая голова, кивнув, исчезла. И опять тишина. Потом новый вопрос:

— Мария Кузьминична, а ваша дача хорошо видна на интерактивной карте?

— Лучше некуда, — ответила Мария Кузьминична и высветила на экране свой участок, но тут же забеспокоилась, — ой-е-ей, авокадо-то совсем поникли. — И она включила дистанционный полив.

Денис ходил по комнате радостный и гордый. Остановился возле Даши, посмотрел на новый дизайн дегравитатора, который высвечивался на экране ее компьютера, и похвалил:

— Неплохо, очень неплохо.

— И только? — уловив оттенок снисходительности, нахмурилась Даша. Она взглянула на Дениса красивыми серыми глазами, сердито закрыла файл со своим проектом и принялась рассылать почту:

«Ребята, скидываемся на подарок, как обычно. Переведите взнос на виртуальный счет в ячейку МК1405. Будем заказывать шезлонг».

ВЗЛЕТ И МЯГКАЯ ПОСАДКА

Уже поздно вечером близнецы, наконец, вышли. Гриша объявил:

— Нужен доброволец для испытания дегравитатора, — и при этом оба брата посмотрели на Марию Кузьминичну.

— Ну почему? Почему, как доброволец, так сразу я? — с нарочитым возмущением проговорила Мария Кузьминична, но по блеску, появившемуся в ее глазах, было видно, что ей не терпится принять участие в общем деле. Тем не менее, она продолжала притворно сопротивляться: — Помоложе у нас в отделе что, никого не нашлось? И вообще, я домой ухожу.

— Мария Кузьминична, — наперебой уговаривали близнецы. — вспомните о женщинах, которые в числе первых осваивали Космос.

— Женщины... все-то вы на женщинах пытаетесь выехать. Взяли бы лучше для своих опытов кота, — посоветовала она. — Фунтик! — позвала коварная Мария Кузьминична серого пушистого котяру, подкинутого кем-то к ним в отдел еще котенком и весившим тогда ровно 456 г, за что и получил он свою кличку.

Но ушное животное благо разумно затаилось.

— Нужны только вы, — настаивал Гриша, что-то, видимо замышляя.

Мария Кузьминична притворно вздохнула, встала и словно нехотя прошла в лабораторию.

— А током не ударит? — осторожничала она, продолжая играть роль, и недоверчиво прикоснулась к никелированной поверхности дегравитатора. — Смотрите у меня, а то знаю я ваши модернизации, — все еще делала вид, что сомневается, Мария Кузьминична.

Она как бы с опаской присела на испытательный стул, и в то же мгновение уже непритворно взвизгнула, потому что, едва откинувшись на спинку, внезапно утратила вес, оторвалась от сидения, поднялась на пол-

метра вверх и зависла в воздухе. Такого подвоха от молодежи она все-таки не ожидала.

Она нервно засмеялась, как от щекотки, и потребовала немедленно выключить дурацкий агрегат. При этом она смешно раскидывала руки в стороны, пытаясь сохранить ориентацию в пространстве.

— Потерпите совсем чуть-чуть, надо сначала отладить генератор обезвешивания, — неумолимо возразил Гриша. — Видите, вас притягивает к полюсу?

Действительно, Мария Кузьминична поднималась все выше, ее тянуло к похожему на разинутый клюв большой птицы верхнему полюсу дегравитатора.

— Ой! — вскрикнула она, слегка ударившись головой о хищный «клюв» модернизированной установки. Сеня быстро подкрутил рукоятки: сначала грубой, потом точной настройки, и подопытная плавно опустилась на мягкое сиденье.

— Ну вас к лешему, — сказала, отдуваясь, Мария Кузьминична, поднялась, поправила прическу, и направилась к дверям. — И вообще завтра у меня много работы, ни в каких экспериментах участвовать не буду. На меня можете не рассчитывать.

ЗАГАДОЧНАЯ ЭНЦЕФАЛОГРАММА

В среду Сеня полдня сидел с головой, опутанной проводами. В дальний конец комнаты поставили стул. Сеня должен был представлять себя сидящим на этом стуле. Программа, разработанная близнецами, вычисляла вектор направления его мысли и отображала его на экране.

Сеня сосредоточился. Напротив него, устроившись возле монитора, сидел Гриша. Вектор появился, но вскоре Гриша обнаружил, что он начал вести себя странно: вектор потихоньку изменял свое направление. Гриша поделился своим наблюдением с братом, тот, не отсоединяясь от проводов, стал вместе с ним размышлять над природой этого странного явления. Сначала отклонение было почти незаметным. Но когда повторили опыт несколько раз, то заметили, что с каждым разом вектор отклоняется все сильнее. Ближе к середине дня, он повернулся градусов на двадцать и неподвижно замер в этом положении. В 12:30, так ничего и не поняв, близнецы отправились перекусить.

В 13:30, однако, когда они вернулись из столовой и продолжили эксперимент, обнаружилось, что вектор поля снова принял ожидаемое направление.

Пришлось все же звать на помощь коллег. Шумно обсуждали проблему, выдвигали самые невероятные предположения, пока за спинами спорящих не раздался вдруг голос Николая Николаевича:

— Я полагаю, что это явление обусловлено мыслями о еде. В начале дня, пока Сеня был сыт, ему не думалось ни о чем, кроме эксперимента. Затем на уровне подсознания начали возникать побочные мысли, но они пока не оказывали существенного влияния на вектор его энцефалополя.

Однако по мере усиления чувства голода мысли о еде все сильнее захватывали его существо. Таким образом, к наступлению обеденного перерыва желание поесть вытеснило из мозга Сени все остальное и изменило направление вектора.

Стали проверять догадку Николая Николаевича. И ведь действительно подтвердилось: злополучный вектор отклонился как раз на угол между направлением на стул и направлением на дверь в коридор, который вел прямым в столовую.

Николай Николаевич, тихонько усмехнувшись, покинул своих озадаченных подчиненных. Братья-программисты остались ночевать в лаборатории. Им было над чем поработать.

ПОДОПЫТНЫЙ ФУНТИК

В четверг утром в испытательной комнате разгорелся спор.

— Ничего у нас не выйдет, — мрачно произнес Гриша. — Ерунда получается.

— Почему ерунда?

— Потому что. Смотри: у тебя, к примеру, возникает желание перенестись в другую точку пространства. Так?

— Так.

— Мозг думает над этим, трудится, и создается энцефалополе.

— Ну?

— У поля есть вектор направленности.

— Разумеется.

— Теперь мы обезвешиваем твою материальную оболочку, и она переносится в пространстве в направлении этого вектора. Вот и выходит, что источник поля сам попадает под действие созданного им поля. Вроде, как Мюнхгаузен, вытаскивает самого себя за волосы, — закончил Гриша.

— А давай посмотрим с другой стороны, — живо возразил Сеня. — Душа и тело теснейшим образом связаны между собой. Это даже такому упертому материалисту, как ты, должно быть понятно.

— Допустим.

— Значит, наше тело просто-напросто перемещается вслед за зовом Души.

— Ну, это вообще не научное объяснение! Это... это... Мне даже странно слышать от тебя такое. Ты же не школяр-двоечник, а кандидат наук.

— А вот мы и проверим на опыте, кто прав.

Последовала небольшая пауза, после которой Гриша задал брату каверзный вопрос:

— А вот как ты думаешь, у котов тоже Дух первичен?

— У котов нет Духа.

— Как же, как же, — встряла в разговор из соседней комнаты Мария Кузьминична. — Когда в понедельник приходишь на работу, такой дух от этих котов стоит в коридоре, сразу форточку открывать приходится. Слушайте, изобретатели, вы хоть ели что-нибудь сегодня?

— Не помню, — честно признался Сеня, а Гриша, кажется, даже не расслышал вопроса. Почувствовали, правда, что перед ними на столе появился пакетик с домашними котлетками...

Мария Кузьминична на цыпочках вышла из темной лаборатории.

Но вообще, этот день для наших программистов был самым тяжелым. Они трудились над телепорталом. А времени до завтра осталось всего ничего...

Но братьев уже охватил знакомый волнующий холодок — предчувствие открытия.

— Фунтик! — позвал Гриша тихо, чтобы не было слышно в соседней комнате. — Котлетку хочешь?

Серый котяра мгновенно появился и требовательно мяукнул. Гриша почесал его за ушком и угостил котлеткой. Наевшись, кот улегся на пол, растопырил коготки и принялся вылизывать мягкие подушечки своих лапок.

— Ну что, туняец, а отрабатывать кто будет? — прервал его приятное занятие Гриша, и, взяв Фунтика поперек живота, водрузил животное на испытательное кресло телепортала. Фунтик лениво подчинился, устроился в кресле поудобнее, зевнул, но тут Гриша набрал на клавиатуре код, и в то же мгновение в соседней комнате громко вскрикнула Даша. Вторя ей, оттуда же дурным голосом заорал Фунтик. Девушка испуганно вскочила, Фунтик, бедолага, спрыгнув с ее колен, в страхе пулей вылетел из комнаты в коридор и начал там громко жаловаться на свою тяжелую жизнь в научной среде.

Сеня и Гриша переглянулись.

— Удивительно. Выходит, что мы оба были неправы, а опыт получился. А Даша тем временем взволнованно рассказывала:

— Понимаете, я сижу, и вдруг мне на колени — плюх! — Фунтик. Шерсть дыбом. Откуда он взялся, ума не приложу. Не было его в комнате.

Даша, лизнув палец, потерла поцарапанную коленку. Она умолчала о том, что померещилось ей в глазах кота нечто, более чем странное: на мгновение в них засветился человеческий интеллект.

Мария Кузьминична стояла в дверях и собиралась уходить. Николай Николаевич отпустил ее пораньше по случаю завтрашнего дня рождения, к которому она обещала испечь свой фирменный «Торт деда Митяя». Было ли это изобретение ее собственного дедушки, или рецепт был получен от кого-то, она не говорила, но торт этот был сущим объедением, и все предвкушали завтрашнее пиршество. Уходя, Мария Кузьминична с напускной строгостью взглянула на дверь в испытательную комнату. Там появились счастливо улыбающиеся физиономии близнецов.

— Не обижайте братьев наших меньших, — сказала она и распрощалась.

После ее ухода Сеня и Гриша уселись посредине комнаты и объявили, что телепортационная установка получилась.

— Но Фунтик-то! — радовался Сеня. — Он же обожает Дашу! И пожалуйста, наелся, расслабился и стал представлять себя лежащим у нее на коленях. И те-ле-пор-тировался!!! И жив-здоров! Только струхнул слегка. И Дашу перепугал.

— Ладно, хорошо, что на Фунтике испытали, а не на тебе, Сенька. А то Даша еще больше бы перепугалась, — пошутил Гриша, за что получил от брата тумака.

Даша покраснела.

Но если бы хоть кто-нибудь мог знать, что творилось в душе бедного Фунтика! Он, выросший среди ученых, на какой-то миг вдруг почувствовал себя не приبلудным четвероногим, а человеком, равным среди равных: не то физиком-теоретиком, не то программистом, но лишь на миг. С воплем вылетая в коридор, он уже снова ощущал себя котом...

— Все, — продолжал Гриша. — Завтра делаем Марии Кузьминичне подарок-сюрприз! Суперподарок! Суперсюрприз! Телепортируем ее на дачу.

— А она согласится? — усомнилась Даша, все еще потирая свою пострадавшую коленку.

— Да она будет просто счастлива! Помнишь, как она расстраивалась в понедельник?

— Главное, не забудьте вернуть ее назад, — скучным голосом посоветовал Антон, ковыряясь в каком-то механизме маленькой часовой отверткой.

— Вернуть ее назад мы не сможем: нет телепортала на другом конце, — напомнил Сеня. — Но ведь молниеносное перемещение даже в один конец — уже огромная радость для человека. Обратное можно пока и обычным транспортом.

— Настоящие ученые всегда сначала испытывают свои открытия на себе, — как бы между прочим заметила Даша и посмотрела на Сеню так, что тот уже готов был немедленно телепортироваться хоть на край света, но Гриша опередил его.

— Даша, как всегда, права, — сказал он. — Хорошо. Попробую выступить в роли подопытного кролика. Я всегда знаю, чего хочу, и вектор моего энцефалополя будет направлен точно к намеченной цели.

— Вектор твоего поля прям, как твоя единственная извилина, материал ты наш несчастный, — съязвил Сеня.

— Твои шутки плоски и примитивны, как твое представление о мире, идеалист ты наш упертый, — парировал Гриша, усаживаясь под телепорталом и становясь серьезным.

Сеня расположился в другом конце комнаты, установил перед собой пульт. Офорики кучкой встали в стороне в немом ожидании. Зажужжал телепортал. Сначала ничего не изменилось, только лицо Гриши напряглось и сосредоточилось, но вдруг он исчез. И в то же мгновение всем показалось, что Сеня вдруг раздвоился. Это Гриша оказался сидящим рядом с братом. На миг почудилось вдруг, что изменились черты его лица, стал он еще более лохматым и даже вроде поседевшим. Чудно!

— Еще раз, — потребовал Антон, откладывая в сторону отвертку.

— Легко! — сказал Гриша. Он радостно вернулся к дегравитатору, чувствуя себя в душе Эйнштейном. И снова мгновенно перенесся в пространстве.

Собравшиеся взволнованно загудели.

— А еще раз можно? — восторженно попросила Даша.

Тогда Гриша рассмеялся:

— Вы, наверное, ожидаете увидеть меня, летящим по воздуху. Но я же объяснил, что перемещение по дегравитационному каналу невидимо для человеческого глаза.

Эксперимент для надежности повторили еще два раза. Продемонстрировали свой успех Николаю Николаевичу. Тот, увидев происходящее, покачал головой, вроде как одобрительно, и хмыкнул: «Кио да и только!»

— Что такое кио? — спросила Даша.

— Не «что», а «кто». Фокусник такой был в прошлом веке.

Николай Николаевич был скуп на похвалы, но по всему было видно, что он очень доволен тем, как идет дело.

УРА! ТЕЛЕПОРТАЦИЯ СОСТОЯЛАСЬ... ТОЛЬКО КУДА?

В пятницу Даша пришла на работу рано, чтобы подготовиться к встрече именинницы. На компьютерном столике, как всегда обнаружилась шоколадка — подарок тайного поклонника. Даша улыбнулась.

Потом она заглянула в Кибернет. Легким прикосновением пальчика к панельке сбросила себе приготовленную специально для нее информацию по новым разработкам в области дизайна и конструирования и в очередной раз подумала, до чего же все-таки удобно, что всю эту муторную работу выполняет надежный и безотказный помощник. Как только люди раньше по полдня, а то и по полночи сидели в Интернете в поисках нужной информации?

Вскоре подтянулись и остальные.

В 8:45 в лабораторию прибыл киберкурьер. Своими голубыми сапфировыми глазами он быстро оглядел присутствующих, остановился на Даше, зарделся и подкатил к ней, толкая перед собой заказанный подарок: яркий мягкий шезлонг — мечту дачника. Робот назвал номер заказа, стараясь немного смягчить и очеловечить металлические нотки своего голоса. Даша вставила в нагрудный карман курьера пластиковую карточку, и из кармана мгновенно выполз чек. Кибер взмахнул ресницами, вздохнул, развернулся и, помедлив, оглянулся на Дашу, но та уже занялась чем-то, повернувшись к нему спиной. Робот выкатился из комнаты. Даша спрятала подарок в укромное место, чтобы потом всем коллективом вручить его имениннице в торжественной обстановке.

Ровно в 9:00 появилась и сама Мария Кузьминична, нарядная, со своим огромным фирменным тортом. Она была встречена троекратным «Ура»!

На столе стоял виртуальный букет невиданных цветов, дело рук Даши, которая, как никто, умела создавать красоту во всем: и в быту, и в делах.

Мария Кузьминична поблагодарила коллег, расцеловала Дашу, затем, как обычно, стерла пыль со своего компьютерного столика и погрузилась в работу.

В обеденный перерыв накрыли стол. Было весело и радостно. Марии Кузьминичне сказали много добрых теплых слов. Все-таки любили ее коллеги и ценили, хоть и подтрунивали над ней иногда. Потом вручили пода-

рок. Шезлонг имениннице очень понравился. Потом за чаем быстро упле-ли торт деда Митяя. После чаепития Гриша громко объявил, что у них с Сеней есть еще один подарок-сюрприз. Мария Кузьминична заинтересова-лась и с ожиданием посмотрела на близнецов.

— Сегодня мы телепортируем Вас на дачу. Вы доберетесь легко и без проблем, — и Гриша выдержал эффектную паузу, ожидая бурной радости.

Мария Кузьминична в ответ только рассмеялась, словно услышала хоро-шую шутку.

— Я серьезно, — повторил Гриша. — Нам удалось создать телепортал. В считанные секунды Вы перенесетесь туда, куда захотите.

— Мальчики, я к вашей игрушке больше на пушечный выстрел не подойду.

— Но зачем же отказываться от своего счастья? — пытался уговорить ее Сеня.

— Нет, нет, и нет! — сказала она твердо. — Я поеду поездом.

— Поездом?! Но Вы же сами хотели! Кто в понедельник сказал: «нужна телепортация»? — спорил Гриша.

— Это была минутная слабость.

Николай Николаевич неожиданно поддержал Марию Кузьминичну:

— Рано, ребята, рано! Установка еще не испытана на дальние расстоя-ния. Работайте.

Обескураженные изобретатели расстроились. Все встали из-за стола. Николай Николаевич уединился в своем кабинете. Мария Кузьминична направилась в лабораторную комнату и просила не входить, так как она будет переодеваться в дачную одежду. Она пребывала в хорошем настрое-нии и напевала какую-то глупую и страшно популярную в последнее время песенку об ушедшей и снова вернувшейся любви «Любовь ушла, любовь вернулась, волшебной сказкой обернулась, тра-та та-та та-та та-та-та, та-ри-ра ра-ру, пам-пам-пам». Словом, чепуха полнейшая.

Даша тем временем поливала цветы перед выходными, а Сеня и Гриша понуро отправились мыть чашки. Даша плавно перемещалась с лейкой вдоль подоконника. У нее были красивые ножки, на них искоса поглядыв-вал из своего угла Антон, разводя клей, а Даша, держа лейку, произво-льно принимала различные позы, и в любом ракурсе было видно: да хороши ножки, ничего не скажешь. Сеня, поставил на обеденный стол вымытые чашки и тоже загляделся. Он шагнул к своему рабочему месту, споткнулся о болтающийся на полу кабель (сколько раз было говорено, чтобы его отсюда убрали!) и, чтобы не упасть, оперся рукой о компьютер-ный столик.

Господи! Да как только могло случиться такое невероятное совпадение?! (Это все Даша, конечно, виновата!) Заглядевшийся Сеня, удерживая равновесие, задел рукой клавиатуру своего компьютера, причем умудрился так ткнуть в нее растопыренными пальцами, что набрал код последовательного включения дегравитатора, энцефалоконтроллера и тоннельного телепорта-ла. Раздался щелчок. Песенка в соседней комнате оборвалась на полуслове, послышалось нарастающее жужжание. Потом все смолкло. Даша непод-вижно замерла с лейкой у окна. Гриша метнулся в лабораторию. Офорики

бросилась за ним следом и столпилась в дверях. Лабораторная комната была пуста.

На спинке стула аккуратно висел сарафанчик Марии Кузьминичны, приготовленный для поездки на дачу. Рядом, на новеньком шезлонге, лежало опавшим парашютом рабочее платье именинницы, в котором она час назад разливала чай и угощала своих молодых коллег своим дивным тортом. На полу валялась выпавшая из кармана связка ключей с аккуратно подписанными разноцветными бирочками: «ворота», «входная дверь», «сарай», «колодец»... Даша тихо охнула, прикрыв ладошкой рот.

Да. Марию Кузьминичну нечаянно телепортировали в момент переодевания. На даче-то у нее, конечно, найдется одежда. Но как она попадет в дом без ключей, если вдруг после телепортации окажется на улице перед своим участком? Каково ей будет? И что подумают соседи? Да ладно соседи... А если она сейчас вообще невесть где? Вынырнет из телепортационного тоннеля и очутится в неглиже в каком-нибудь другом подпространстве нашей многомерной Вселенной. А оттуда электрички не ходят.

Нафантазив эти страсти, Даша схватилась за голову и прошептала:

— Какой ужас! Вдруг Мария Кузьминична уже никогда не сможет вернуться обратно? Как же мы будем без нее? Она такая добрая, хорошая, отзывчивая...

— Торты вкусные пекла, — вставил совершенно некстати Денис.

— Что же делать? Немало людей погибло ради науки, — подлил масла в огонь Антон, не отрываясь, однако, от работы.

Гриша даже рассердился:

— Да что вы ее хороните? Никуда она не денется. Сидит сейчас у себя на даче, чай пьет. А запасные ключи многие прячут от воров под ковриком у двери.

Тут же не преминул снова появиться и начальник отдела.

— А где Мария Кузьминична? Она что, уже ушла? — спросил Николай Николаевич.

— Ушли мы ее, — тихо отозвался Сеня.

— Не понял.

— Телепортировали мы ее в направлении вектора энцефалополя, — хмуро отрапортовал Гриша.

Суперпрограммисты стояли, понурились. Даша вздохнула. Антон невозмутимо шлифовал какую-то детальку.

Николай Николаевич снял очки, достал носовой платок и вытер с лысины пот.

— Найдите мне ее немедленно. Я же вам русским языком сказал: ра-но!

Даша набрала номер видеофона. На столе Марии Кузьминичны хитро подмигнул голубоватым глазом ее мобильник и заиграл «Вальс-фантазию».

— Она всегда забывает видеосот, — напомнил Антон.

— Ну что, иллюзионисты, доигрались? — устало проговорил Николай Николаевич. — Доставайте мне ее теперь хоть из-под земли. Мне она нужнее десятка таких, как вы, гениев недоделанных. Кто, кроме нее, за вами хвосты подчищать будет? Вы все несетесь куда-то, опережая прогресс, а работать кто будет? А? Я вас спрашиваю!

Слушать такое, конечно, было обидно, потому что не вполне справедливо, но и возразить нечего.

Уходя, Николай Николаевич сурово нахмурил косматые брови:

— В общем, наломали вы дров. Делайте теперь, что хотите, но чтобы в понедельник утром Мария Кузьминична была здесь целая и невредимая, не то всех уволю, — и начальник направился к дверям.

Творческий коллектив безмолвствовал. Уже в дверях Николай Николаевич повернулся к Даше. Ее большие глаза были наполнены слезами.

— Никогда не надо переживать заранее из-за того, что еще не произошло. Во-первых, может ничего не случиться, и тогда Ваши переживания, Даша, окажутся напрасными, а если все же что-либо произойдет, неразумно дважды страдать по одному и тому же поводу. Действуйте. — С этими словами Николай Николаевич покинул своих подчиненных.

После короткого совещания было решено провести мозговой штурм и найти правильный выход из сложившейся ситуации. Мозговой штурм требовал дополнительного питания, поэтому Даша побежала в магазин, купила разной еды в пакетиках, не удержалась и бросила в корзинку дорогущий тубик со вкусом и запахом натуральной земляники.

Когда она вернулась, штурм был уже в самом разгаре. Офорики шумели, перебивая друг друга.

— Прежде всего, — кричал Гриша, — мы должны посмотреть историю событий. Вот она тут у нас в этом файле. Здесь все с момента начала до момента конца телепортации. — Он быстро пробежал пальцами по клавишам. На экране замелькали бесконечные столбцы цифр.

— Видите! — воскликнул он. — Прямое попадание. Смотрите: с первой же наносекунды телепортации направление вектора перемещения точно совпало с расчетным! До шестого знака! — Гриша победно сжал кулаки и потряс ими над головой.

Но вдруг выражение его лица изменилось, и кулаки замерли в воздухе, а потом со стуком опустились на стол. Почти в самом конце телепортации вектор внезапно изменил направление на 90° .

Радостное оживление сменилось глубокой тишиной. Кто теперь сможет сказать, куда по оплошности Сени была отправлена их коллега по работе?

— Бедная Мария Кузьминична, — прошептала Даша.

Остальные потерянно молчали.

ПОДКИДЫШ

Мария Кузьминична была погружена в дремоту. Внезапно она ощутила нечто, похожее на то, когда отсидишь ногу: сначала полное онемение, потом легкое приятное покалывание и, наконец, радостная возможность пошевелить ногой. Только онемение и покалывание охватило все ее тело. Когда оно прошло, язык попытался проговорить что-то невнятное вроде «та-ри-ра-ра-ру, пам-пам-пам», но остался неподвижен. Мария Кузьминична открыла глаза и обнаружила себя полулежащей на заднем сидении машины, которая стремительно неслась по шоссе. Кроме нее, в автомобиле был

только водитель. Он сидел, слегка откинувшись, небрежно положив руки на баранку, и насвистывал марш «Парад планет». Это был высокий блондин. Марии Кузьминичне был виден только его затылок. Отражение лица в зеркале заднего вида закрывала спинка сидения.

Мария Кузьминична зажмурилась и замерла, опасаясь пошевелиться и издать какой-нибудь шорох. Совершенно непонятно было, что же с ней случилось. Кто, куда и с какой целью увозит ее, собиравшуюся спокойно и безмятежно провести на даче свои заслуженные выходные дни? Похоже, что ее похитили. Но как? Чего ради? Может быть ради выкупа? Сплошные загадки.

Дальше — хуже. Ее внезапно зазнобило, и ей захотелось поплотнее закутаться в кофточку и прикрыть замерзшие ноги подолом платья. Но тут оказалось, что на ее голые локти и колени нечего натянуть: ни кофточки, ни даже платья на ней не было и в помине. Не было и обуви. Мария Кузьминична еще больше похолодела. Она пошарила вокруг себя рукой, нащупала какой-то плед и прикрылась.

«Мама моя дорогая, — мысленно простонала она. — Кажется, я попала в какую-то жуткую и безобразную историю». Она напрягала память, пытаюсь восстановить события. Вспомнила, как она переодевалась в лаборатории, как выпали из кармана дачные ключи, и как она наклонилась, чтобы поднять их. Дальше был провал. Вернее, раздался звук, похожий на щелчок, потом какое-то жужжание, и она на миг потеряла сознание.

И совсем уже непонятно было, как она оказалась в этой проклятой машине. Оставалась еще надежда, что все происходящее с ней окажется просто кошмарным сном. Так, кстати, иногда бывает: спишь и осознаешь, что тебе все только снится. И Мария Кузьминична ущипнула себя. Щипок оказался чувствительным, но она не проснулась. Перед собой она по-прежнему видела затылок незнакомого мужчины. Симпатичный затылок, однако. Она даже почувствовала к нему какой-то странный прилив нежности. Но решительно отогнав нелепые мысли, Мария Кузьминична снова сосредоточилась на тревожной ситуации, в которой она очутилась.

Каким-то слабым и несурзным утешением мелькнула мысль: хорошо, что на ней сегодня надето потрясающее, просто фантастически роскошное белье: подруга, вернувшаяся из Парижа, подарила ко дню рождения. А то, говорит, совсем в синий чулок превратишься в вашей научной конторе. Утром, одеваясь и разглядывая себя в зеркале, она еще вздохнула и подумала: жаль, никто не увидит такую красоту. Но, как ни странно, весь день в этой невидимой миру красоте она чувствовала себя уверенней, чем обычно.

Впрочем, мы чуточку отвлеклись.

Машина внезапно притормозила, попав в автомобильную пробку. Но водитель лихо вырулил вправо, с цирковой ловкостью проехал по обочине, маневрируя, обогнал своих менее расторопных собратьев, и снова помчал дальше, оставив позади медленно ползущий поток машин.

«Ловок!» — подумала Мария Кузьминична, но без тени осуждения. Одно дело, когда беспардонно обгоняют тебя, совсем другое, когда ты сам оставляешь конкурентов с носом.

Вскоре обнаружилось, что за ними неотступно следует еще одна машина.

«Бандиты!» ужаснулась бедная Мария Кузьминична.

Однако за все время водитель ни разу не оглянулся на нее. Похоже, он даже не подозревает о присутствии пассажирки в своей машине. Вот это уже совсем странно. Подкинул ее кто-нибудь что ли? И тут, наконец, осе-нило: ее телепортировали! Не спросив согласия! Втихаря! И промахнулись! Ах, авантюристы! Ах, гении-недоучки! Легкомысленные юнцы! Так про себя ругала она своих молодых коллег.

Тут как раз подъехали к заправке. Водитель вышел. Марии Кузьминичне была видна его удаляющаяся спина.

«Сейчас выскочу и крикну: спасите!» — решила она, но вспомнив про свой вид, поежилась, на всякий случай сползла вместе с пледом на пол, и затаилась.

Бандит вскоре вернулся и снова, даже не взглянув на заднее сидение, уселся за руль. Лица его она опять не разглядела. Тронулись с места и сразу набрали скорость. Не отставала и вторая машина. Начали сгущаться сумерки.

И все дальше и дальше в неизвестность увозил автомобиль несчастную Марию Кузьминичну.

БИОФИХИМИСТИКИ

Надо сказать, что офорики не умели долго предаваться отчаянию. Молодость ли сказывалась или уверенность в своих безграничных возможностях. А может быть, то и другое.

Итак, подвели предварительные итоги. Известно было, куда стремилась попасть Мария Кузьминична. Известно было, что вектор ее поля в конце телепортации внезапно отклонился. Это могло быть вызвано какой-то случайной посторонней мыслью, пришедшей ей в голову. Но как далеко утащила эта мысль за собой брненное тело именинницы? Вот загадка, которую предстояло решить.

На всякий случай, обратились за помощью в Кибернет, но тот мучительно подумал пару минут, покрутил на экране песочные часики, ругнулся и сообщил, что задачи подобного рода не имеют однозначного решения, и отключился.

В это время дверь из коридора приоткрылась, и чья-то физиономия в очках заглянула в отдел. Это был Богдан из лаборатории биофихимистики.

Отдел биофихимистики занимался биологией, физикой и химией еще неизученных явлений, которые простодушные сограждане считали мистическими. Всевозможные околонуточные шарлатаны в корыстных интересах всячески подогревали эту средневековую тягу ко всему таинственному. Биофихимистики же подходили к этим явлениям с материалистических позиций.

— Слушайте, офорики, вы что тут творите? — сердито сказал заглянувший. — Я готовлю прибор на конкурс молодых ученых «Золотая рыба», а меня за вечер уже второй раз из сети выбрасывает. Ваших рук дело?

Офорики, конечно же, не признались.

— Ну, смотрите, если еще раз... Я и так горю, — пожаловался очкарик и скрылся.

После его ухода Гриша продолжил свои размышления вслух:

— Я думаю, что центром притяжения являлась все-таки дача, — продолжил Гриша, — и искать Марию Кузьминичну надо где-то в радиусе ну максимум полкилометра от ее садового участка. Когда она придет в себя, то, скорее всего, двинется к своему поселку.

— Только бы направление не перепутала, — сказал Сеня. — После телепортации всякое может быть. Опять же, установка была испытана только в лабораторных условиях. А тут все-таки чуть ли ни сто километров...

Эх, не зря! Не зря Николай Николаевич высказывал опасения!

Гриша тут же выразил готовность телепортироваться вслед за пропавшей Марией Кузьминичной и самостоятельно отыскать ее.

— А ты уверен, что она захочет с тобой сейчас встретиться, в том виде, в котором она по нашей милости находится? — усомнилась Даша. — Лучше отправлюсь я, хоть одежду ей передам. Замерзла, наверное.

Но тут уж не согласились Сеня и Антон.

— А потом пропадет и Даша. Всех женщин, что ли, загубить ради этого вашего дурацкого эксперимента? — мрачно произнес Антон и стал с ожесточением помешивать в баночке клей. Сеня задумался:

— Вот если бы оказаться в тех местах с прибором, который способен определить местонахождение человека в радиусе хотя бы одного километра.

И тут практически одновременно одна и та же мысль пришла в голову сразу всем.

«Богдан! Надо его вернуть. Он наверняка остался на ночь на работе, трудится над своим изобретением. По слухам очкарик как раз подобными вещами и занимается».

Заглянули к нему. Точно! Сидит, корпит над чем-то, кофе себе варит. Он в Институте вообще днюет и ночует. Вкратце изложили ему проблему.

— Словом, нужно найти нашу Марию Кузьминичну, — закончил Гриша. В глазах Богдана вспыхнул алчный огонек азартного охотника.

— Есть такой приборчик, Биосканометр называется, — прищурившись, сказал он. — Я его как раз на конкурс и готовлю. Только он натурные испытания еще не прошел.

Офорики затихли в ожидании.

— Рассказывай, — нетерпеливо потребовал Гриша.

— Всем давно известно, — начал Богдан, поправляя очки, — что каждый человек создает вокруг себя так называемое биополе. С ним связано огромное количество предрассудков и спекуляций. Но это к делу не относится. Биополе создается микротоками, возникающими в мозгу человека в ответ на внешние раздражители. Таким образом, реагируя на явления окружающего его мира, мы невольно выдаем себя. К примеру, мы слышим музыку или речь, или ощущаем запах, или получаем какое-либо зрительное восприятие — и в нашем мозгу мгновенно возникает разность потенциалов, и как результат создается электромагнитное поле, которое можно обнаружить и измерить. Зафиксировали — и, пожалуйста: вот он человек, весь, как на ладони.

— Но это же всего-навсего картина сиюминутного состояния, — возразила Даша.

— Умница, — похвалил Богдан, с уважением взглянув на Дашу. — Но дело в том, что люди по-разному реагируют на внешние раздражители. К примеру, у человека с абсолютным слухом звуки, различающиеся по высоте на четверть тона, вызывают в мозгу разность потенциалов, а у того, кому медведь на ухо наступил, — нет.

— И что нам дает это знание? — нетерпеливо допытывалась Даша.

— Погоди. Мы уже почти подобрались к тому, что назовем электромагнитным портретом. «Я мыслю, значит, я существую», — напомнил Богдан и поднял вверх указательный палец. — Человек реагирует не только на внешние раздражители, но и на внутренние.

— Это как? — поинтересовался Антон, вклеивая в оправку какое-то стеклышко.

— А так: у каждого из нас в зависимости от наших психофизических свойств, воспитания, образования, обстоятельств судьбы, врезаются в память разные события, которые мы снова и снова переживаем и переживаем. И о чем бы мы не думали в настоящий момент, эти переживания записаны в подкорке и существуют как фон. Значит, что? Правильно. Имеется разность потенциалов. Создается биополе, у каждого из нас свое. Ну, как, теплее?

— Теплее-то теплее, — усмехнулся Гриша, — если бы только можно было отделить этот фон от шумов, которые в сотни, если не в тысячи, раз его превышают.

— Над этой проблемкой я как раз и работал и нашел ее решение, — просто ответил Богдан.

— Так это же на нобелевку тянет, — воскликнул Сеня.

Богдан скромно промолчал. А Денис задумался и сказал:

— В нашем случае прибор имел бы ценность, будь у нас эталонная картина биополя Марии Кузьминичны. Ну, допустим, получим мы какое-то изображение. Как мы узнаем, чье оно?

— А-а... Так ты еще не работал тогда в Институте. Есть и эталон. Однажды к 8-му марта мы сделали каждой женщине в подарок ее электромагнитный портрет. Да вот они у меня здесь, — и он высветил на мониторе фотографии сотрудниц Института. — Правда, женщинам их портреты не понравились, — признался Богдан, — у кого сходство с пилой обнаружилось, у кого — с крокодилом. Некоторые даже всерьез обиделись. Один только Дашин портрет симпатичным оказался. Он был похож на развертку звезды. Зато теперь ясно, что не напрасно мы старались.

Богдан щелкнул по фотографии круглолицей Марии Кузьминичны, и все увидели на экране изображение ее биополя. Оно выглядело чрезвычайно ровным и правильным и походило на забор, сделанный из штакетника.

Теперь как-то сразу составил план поиска. Решили, что Гриша и Сеня остаются в штабе и осуществляют координацию действий поисковой группы. Штаб расположится возле телепортала для быстрого перемещения в пространстве в случае острой необходимости.

Остальные четверо летят на аэротакси к даче Марии Кузьминичны. Денис назначается командором. Богдан быстро пакует свой бесценный прибор. Антон прихватывает с собой флайки (летающие велосипеды) для большей мобильности в зоне поиска. Даша складывает в дорожную сумку одежду Марии Кузьминичны, и запас еды для всей компании.

Распределив обязанности, Гриша похлопал Богдана по плечу:

— Вот заодно твой Биосканиметр и пройдет натурные испытания. Ключи не забудьте, — напомнил он Денису и сунул ему в руки связку ключей от дачи.

Сказано — сделано. Денис вызвал аэротакси, и уже через несколько минут четверка спасателей понеслась по пустому гулкому коридору к лестнице, ведущей на плоскую крышу Института, к которому уже направлялся вертолет.

Молодой быстроногий докторант легко опередил остальных. Богдан бежал осторожно, прижимая к груди свое драгоценное детище. За ним следовала Даша с небольшим рюкзачком за спиной. За всей этой компанией едва поспевал Антон с четырьмя флайками через плечо. Он бежал, смешно выбрасывая согнутые в коленях длинные нескладные ноги в отутюженных кремовых брюках. Сеня с завистью смотрел ему вслед. На шум выглянул кто-то из любителей ночных бдений в стенах родного Института.

— Смотрите, как Антон за женщиной приударил, — присвистнул этот кто-то.

В ответ слесарь-интеллектуал бросил на ходу с некоторой долей лицемерия:

— Если б приударил, если б за женщиной... Но, честно говоря, разве пустился бы он в подобную авантюру, когда б не Даша? Сидел бы себе спокойно в Институте и мастерил что-нибудь. Благо, работы у него всегда навалом.

Денис плечом приоткрыл люк, ведущий на крышу. Да, не коснулся прогресс этого люка, навешенного еще в начале века. Хоть бы смазал его кто-нибудь. Створка открылась со скрежетом. Денис подал руку Даше. Ему-то, длинноногому, легко было выбраться наружу, не то, что миниатюрной Даше с рюкзачком за спиной. Денис, наконец, догадался принять у Даши рюкзак.

Через несколько минут вся компания оказалась на крыше, над которой уже завис вертолет. Во тьме слепили глаза огни летательного аппарата. Из его чрева выдвинулся манипулятор с четырьмя креслами на конце, искатели приключений расселись, пристегнулись, взмыли вверх и исчезли в брюхе аэротакси.

ПРОПАВШИЕ СЫЩИКИ

Проводив товарищей, Сеня и Гриша заскучали. Но долго предаваться скуке им не пришлось, потому что, возвращаясь, они услышали, как из их комнаты доносится знакомая мелодия «Вальса-фантазии». На столе Марии Кузьминичны всюду музицировал ее мобильник.

— Это, наверно, она! Хочет дать о себе знать, — воскликнул Гриша, врываясь в комнату и хватая мобильник. — Алле! Мария Кузьминична?

Но это была не она. Звонил ее племянник, хотел поздравить с днем рождения. Сеня взглянул на часы. Было около одиннадцати вечера. «Тоже мне племянничек, — подумал он. — Вспомнил, наконец, про родную тетушку».

Но оказалось, что тот не может дозвониться ей ни домой, ни на дачный номер и решил, что она задержалась на работе — празднует. А он хотел подбросить Марию Кузьминичну на дачу, так как снова едет мимо, на этот раз ночью, когда на дорогах чуточку свободнее.

Гриша, слегка замаявшись, сказал, что в отделе ее нет, что она, может быть, уже на подходе к даче. Но большой уверенности в его голосе не было. Молодой человек на другом конце спросил, давно ли Мария Кузьминична ушла с работы. Получив несколько туманный ответ, он заподозрил неладное и сказал, что необходимо заявить об ее исчезновении куда следует. Поспешность, с которой Гриша начал убеждать его повременить с этим, еще больше насторожила его. Они распрощались. Сеня и Гриша поняли, что надо готовиться к худшему.

И действительно, не прошло и получаса, как позвонил дежурный по Институту и сообщил, что только что прибыла группа из уголовного розыска, и направляется она напрямик к ним в отдел футурологических опытов.

Через несколько минут в комнату вошли двое в форме блюстителей порядка, один довольно молодой, другой постарше с овчаркой внушительных размеров на поводке.

— Капитан Седых, — представился старший, — кинолог.

— Капитан Пилипенко, — поднял руку к фуражке, отдавая честь, молодой. «Два капитана», — неприязненно подумал Гриша.

— Джильда, сидеть! — приказал капитан Седых, и собака послушно села возле двери.

После проверки документов оперативники сразу же начали снимать показания. Они поинтересовались, знакомы ли присутствующие с потерпевшей. Как давно. В каких отношениях с ней они находились. Где сейчас остальные сотрудники отдела. Их фамилии, имена, место жительства.

Внутренне закипая, Гриша дал лаконичные ответы на глупые, как ему показалось, вопросы. Капитан Пилипенко аккуратно занес их в протокол.

Пока они занимались этим делом, Сеня взял со стола кусок колбасы и бросил его собаке. Джильда даже ухом не повела, преданно глядя на хозяина.

— Напрасно вы это сделали, — строго сказал Седых. — Собака служебная, хорошо воспитанная. Умрет, а не возьмет еду из чужих рук.

Затем оперативники захотели осмотреть рабочее место потерпевшей и найти какую-нибудь принадлежащую ей вещь. Им подали со стола Марии Кузьминичны видеосот.

— Джильда! — позвал Седых, и собака мгновенно оказалась рядом. Она обнюхала телефончик и на приказ «ищи!» сначала подозрительно покосилась на близнецов и два раза угрожающе гавкнула, но потом, словно поразмыслив о чем-то, вернулась и еще раз обстоятельно обнюхала мобильник. Затем она опрометью бросилась в лабораторную комнату, где стала захлебываясь лаять на дегравитатор, держась от него, однако, на расстоянии.

— Джильда, место! — приказал Седых, и собака беспрекословно выполнила команду, вернувшись на исходную позицию к двери.

Капитан Седых вынул из кармана лупу и стал внимательно разглядывать агрегат, попутно задавая весьма неприятные для братьев вопросы:

— Кто, когда и при каких обстоятельствах видел потерпевшую в последний раз?

Гриша и Сеня, помогая друг другу, сбивчиво рассказали, что все видели Марию Кузьминичну в последний раз, когда она уходила переодеваться в лабораторную комнату, а потом она исчезла. Седых усмехнулся:

— Что значит — исчезла? Вот так прямо взяла и исчезла? На глазах у всех?

— Не на глазах. Мы все находились в этой комнате. Слышно было, как она пела, а потом перестала петь и исчезла.

— Кто-нибудь заходил к ней?

— Нет, разумеется.

— Как вы поняли, что она исчезла?

— Песенка оборвалась.

— Песенка, песенка... Что-то не нравится мне эта ваша песенка... Так... Давайте, выкладывайте все без утайки. Что это у вас за агрегат? — спросил Седых, кивнув на лабораторную установку.

— Дегравитатор, — ответили близнецы.

— Сам вижу, что дегравитатор. Какая марка?

— ДГ-299, — сходу сочинил Гриша и посмотрел на оперативника честными серьезными глазами.

Пилипенко внес показания в протокол. Седых снова углубился в изучение телепортала.

Сеня, пряча улыбку, вышел из лабораторной комнаты и расположился на своем рабочем месте. Пилипенко, напротив, оставив на столе свои бумаги, пошел в лабораторию и присоединился к старшему товарищу.

Оставшись в комнате один, Сеня стал участником забавной сцены. Джильда, воспользовавшись тем, что оба следователя вышли, быстро сожрала валяющийся на полу кусок колбасы. Сеня с озорным видом бросил ей еще один. Собака ловко схватила его на лету, но тут в комнату внезапно вернулся Седых. Джильда замерла на месте, из ее полураскрытой пасти капали слюни, и предательски свешивалась колбаса. Сложная гамма эмоций отразилась в собачьих глазах: чувство вины за содеянное, неудержимое желание проглотить лакомый кусочек и отчаяние от того, что ее застали за таким постыдным делом.

— Фу! — прикрикнул на собаку рассерженный и несколько обескураженный кинолог.

Джильда выронила колбасу на пол, с виноватым видом глядя на хозяина, а тот взял со стола рулетку и снова удалился в лабораторию, где они вместе с Пилипенко стали обмерять дегравитатор.

Впоследствии Гриша сам не мог толком объяснить ни другим, ни самому себе, зачем он это сделал. Когда оба полицейонера* оказались непосредственно под телепорталом, он вдруг, повинувшись какой-то шальной мысли, набрал код последовательного включения установки.

* Полиционеры — официальное название работников правоохранительных органов, данное им в связи с частой сменой названия самих органов.

Раздалось нарастающее жужжание, и сотрудники правоохранительных органов, сначала Седых, а вслед за ним и Пилипенко, даже не поняв, что с ними, собственно, приключилось, исчезли, словно растаяли в воздухе. На пол со стуком упала рулетка, и ее свободный конец заскользил по кафельному полу, убегая в свой маленький желтый корпусочек.

— Похоже, у нас теперь могут быть крупные неприятности, — озабоченно сказал Сеня.

Словно в подтверждение его слов раздался звонок из уголовного розыска. Звонил шеф исчезнувших капитанов. Голос его был сердит и отрывист. Он хотел переговорить с Седых. Сеня промямлил, что тот не может подойти, так как его в настоящее время нет в лаборатории. Пилипенко? Нет, его тоже нет. Где они? Точно сказать трудно. Чтобы срочно связались? Да, он передаст. Как только появятся, перезвонят.

Сеня положил трубку и вопросительно посмотрел на Гришу.

Впрочем, Гриша и сам осознавал всю серьезность положения, в которое они попали из-за его легкомысленного поступка, но что сделано, то сделано.

— Похоже, что наш телепортал выводит из строя мобильники. Теперь сыщиков самих придется искать с собаками.

Самоотверженная Джильда, оставшись без хозяина, ошетилилась и грозно зарычала на виновника происшествия, но потом, решив, что ее долг продолжать нести службу, улеглась поперек двери. Умница все-таки собачка была.

Сеня и Гриша скоро поняли, что они оказались под домашним арестом. Едва кто-нибудь из них приближался к двери, верхняя губа Джильды начинала подрагивать, и раздавалось глухое предостерегающее рычание.

НА ВОСТОК! НА ВОСТОК!

Российский Институт Комплексных Изысканий располагался за пределами городской черты. Не успели офорики разместиться в салоне аэротакси, как внизу поплыли перелески, речушки. Полеты над городом запрещались, и чтобы вырлиться с юго-запада на восток, пришлось делать большой крюк.

Аэротаксист, которого звали, конечно же, Володя, оказался парнем веселым и общительным.

— На weekend собрались? — спросил он, взяв курс на восток.

— Что-то вроде, — уклончиво ответил Денис.

— Правильно, хорошее выбрали место. Там озера такие! Закачаешься! А я всегда прошусь на восточное направление, — сообщил вертолетчик. — У меня там девушка знакомая живет. В Овражках. Люсей зовут. И еще одна как раз рядом с вами. Я, когда мимо пролетаю, всегда по два круга делаю для приветствия.

— Мы очень торопимся, — предупредил вертолетчика Денис.

— Не бойтесь, это и десяти минут не займет, — понимающе подмигнул Володя. — Наверстаем в случае чего.

Денис нахмурился, но промолчал.

Даша, не привыкшая даром терять время, порылась в сумочке в поисках электронной книжицы, но с досадой обнаружила, что в суматохе забыла ее на столе. В памяти телефона завалялся только кем-то присланный детективчик модной писательницы Елизаветы Утопильской.

«Смерть в автомобиле», — поморщившись, прочитала Даша.

Пробежав глазами пару абзацев, она подняла голову и задумалась.

Станный все-таки это жанр, детектив. Трагедия насильственной смерти не вызывает ни у читателя, ни у автора сострадания. Это всего-навсего захватывающая завязка развлекательного чтива. Как бездуховно!

Даша вздохнула и снова нехотя вернулась к книжке. Но чтение что-то не заладилось. Тревога за судьбу Марии Кузьминичны отвлекала от перипетий незамысловатого сюжета.

Кстати, по странному стечению обстоятельств, совсем недавно автора бестселлеров постигла участь одного из ее персонажей, с которыми она так легко и бесстрастно расправлялась. Но Даша об этом не знала.

Мысли Даши переключились и устремились к более высоким материям.

Чудно все-таки устроена жизнь. Всего сто с небольшим лет назад человечество только-только вырвалось в Космос. И пошел бурный прогресс во всех областях науки и техники. И был всеобщий подъем и радостное ожидание грядущих свершений.

А потом вдруг всем разом наскучило жить мечтой о будущем. Каждому захотелось получить от жизни все и сейчас и желательно побольше. Вера в торжество прогресса незаметно иссякла. Да и сам прогресс престал расцениваться как несомненное благо. Наступила Эпоха Великого потребления.

И все могло бы закончиться очень печально, потому что безмерное потребление чуть было не привело к такой же безмерной деградации человечества.

Но, по счастью, оставались на свете чудачки, которые не утратили жажды познания. Им удалось заразить своей энергией пресытившихся индивидуумов. И вот — новый виток развития. Началась Эпоха Космического возрождения.

Какое интересное время ждет нас впереди! Может быть, человечество, наконец, переболеет всеми своими детскими болезнями, и перед ним откроется долгожданная широкая дорога к светлому будущему. Хорошо бы!

Пока Даша размышляла о глобальных проблемах всеобщего благоденствия, Антон, сидящий сзади наискосок, предавался более приземленным, но не менее волнующим мыслям: он разглядывал Дашины ножки. Больше всего ему хотелось бы сейчас прикоснуться к ним. Но если уж говорить по большому счету, он мечтал, чтобы обладательница ножек всегда и везде была рядом с ним. Без этого не будет ему в жизни счастья.

Аэротаксист неожиданно сделал резкий крен влево. Пассажиры схватились за подлокотники.

Вертолет снизился над зеленой крышей какого-то домика и пронесся, чуть не задевая длинную антенну. Дверь домика распахнулась, и полоска света легла на темную землю. На этой желтой полоске появилась девушка. Она смотрела вверх и махала рукой.

Довольный вертолетчик описал в темном небе круги и вырулил на трассу.
— Через полчаса долетим, — весело сообщил он.

Богдан, приоткрыл крышку упаковочного ящика и любовно погладил металлический корпус своего детища. Не вынимая прибора, включил систему поиска. Замелькали на экране всевозможные помехи. Потом проявились знакомые биополя самих офориков. Возник и электромагнитный портрет аэротаксиста Володи, у него была смешная форма: сильный наклон влево. Богдан перестроил дальность, поплыли изображения чьих-то совершенно чужих биополей.

— Все, считай, что мы уже на месте, — сказал Володя и неожиданно снова сделал резкий крен и начал описывать круг над каким-то поселком.

— Что такое опять? — возмутился Денис.

— Я же говорил, что у меня тут девушка знакомая в ваших краях, Любаша ее зовут, — беспечно отозвался Володя. — Спокойно, ребята, скоро пойдем на посадку. Я вам пока анекдот расскажу. Слушайте: Хорошо быть вертолетчиком — в каждой деревне его ждет...

Он не успел договорить...

СИНХРОННАЯ ТЕЛЕПОРТАЦИЯ В ПИВНУЮ

Как раз в то время, когда аэротакси уносило офориков по ночному небу навстречу приключениям, за столиком в уютной круглосуточной пивной «У трех Толстяков», что располагалась напротив Российского Института Комплексных Изысканий, сидели двое. Один выглядел довольно молодым, другой был постарше. Оба в синей форменной одежде. Как они вошли в заведение, никто не видел. Да, честно говоря, и видеть-то было особенно некому. В этот час в зале бывает немногочленно, поэтому их внезапное появление за столиком и осталось незамеченным. А что в форме они были, да мало ли какие дела могут быть у работников спецслужб где угодно и в какое угодно время. Полусонный официант принес гостям по большой кружке Пльзеньского Праздроя, и блюстители порядка жадно припали губами к горьковатому пенистому напитку.

Осушив кружки, они заказали себе еще по одной и закуску. Когда официант удалился, тот, что был помоложе, с удивлением озираясь по сторонам, прошептал своему коллеге:

— Со мной случилось что-то странное. Какой-то провал в памяти. Наверное, от переутомления. Недосып, видимо, сказывается. Я совершенно не помню, как мы здесь очутились.

Старший только крякнул в ответ и икнул. Он испытывал точно такое же чувство. Кроме того, у него кружилась голова, и сильно подташнивало, но на всякий случай Седых (а это был, как вы догадались, он) не стал делиться своими ощущениями с младшим товарищем.

— Ничего, — проговорил бывалый полицейонер, медленно потягивая пиво, — проработаешь в органах с мое, ко всему привыкнешь.

Честно говоря, такая история за все время службы Седых в органах приключилась с ним впервые. И он размышлял на эту тему. Он вспомнил, что

во время осмотра этого злополучного дегравитатора послышалось какое-то подозрительное жужжание, он прислушался, а что было потом, уже никак не мог вспомнить. Уж не облучились ли мы, не дай бог? Придется врачу показаться. Определенные опасения выразил и Пилипенко, начавший размышлять вслух:

— Может, надышались мы в этой чертовой лаборатории какой-нибудь дрянью. У этих ученых никогда не знаешь, что на уме. Напридумывают хрен знаешь чего, а нам отдувайся. Надо как следует разобраться с этим агрегатом.

И они заказали еще по кружке Будвайзера. Жажда, начавшая мучить их еще в лаборатории, когда они обмеряли установку, немного утолилась.

Однако душная выдалась ночь. Парило. Наверно, гроза будет. Издалека донеслись раскаты грома, но ни одна капля так и не упала на город.

Посидели еще, заказав по четвертой. Budweiser сделал-таки свое дело. Полицейеры расслабились и прониклись друг к другу чувством искренней симпатии. После пятой кружки оба сошлись на том, что нельзя работать так много, как они. Дежурства, дежурства, будь они неладны... И вообще отпуск пора.

Слегка покачиваясь, они встали из-за столика.

— Джильда! К ноге! — скомандовал кинолог, и оперативники вышли на улицу.

(Продолжение следует)

Об авторе

Окончила Московский авиационно-технологический институт. Работает в Москве в космической отрасли — в Институте космических исследований РАН, ведущий конструктор. В 2006 году вышла в свет книга «Сказка о названных братьях...».

Виктор Ларин

Феномен

— **Д**орогой, мне больно это тебе говорить...
— Ни слова больше, дорогая! Все уже сказал за тебя частный детектив. Кстати, этот парень превосходный фотограф. Вот, прислал мне счет, хочешь, посмотреть?

— О...

— Ничего страшного. А, снимки? Полагаю, в рамках благопристойности. Если это послужит некоторым утешением, сознаюсь, что мне ужасно жаль. Ведь и я тебе тогда солгал: не было никакой поездки к деловому партнеру... Ты понимаешь, что я хочу сказать!

— О да! Правда рвется из нас наружу вопреки разуму... Боже мой! Что с нами!

Так началось у многих странное психическое расстройство, длившееся целые полгода. Это было хуже всякого умопомешательства. Люди были в совершенной растерянности. Никто не знал, куда спрятать затаенные мысли. Язык так и рвался на свободу, что, разумеется, к хорошему не приводило. У дверей адвокатских контор выстраивались очереди: эпидемия разводов захлестнула цивилизованные страны. (В странах, менее цивилизованных, вопрос решался побитием камнями, либо кастрацией — зависело от пола изменщика и сложившихся традиций.)

Интернет подхватил новость первым; лишь спустя некоторое время телезрители и чи-татели газет на обоих полушариях были официально оповещены о действительном значении этого необычного Феномена. «Будьте осторожны со словами!» — такие заставки появились на экранах, полностью вытеснив сюжеты о стиральных порошках и радикальных средствах от недугов. Пешеходы на тротуарах теперь старались обходить стороной высотные здания рекламных агентств, чтобы не быть покалеченными падающими из окон телами. Когда вслед за заходом солнца в городах наступала ночь, на улицах появлялись какие-то люди, старательно прячущие лицо. Оглядевшись вокруг — не видит ли кто? — они карабкались по стенам домов с ножом в зубах. Бедняги подвергали себя опасности сорваться вниз, когда в безумном неистовстве полосовали красочные полотнища. Это внезапное пробуждение совести не вызывало восторга у уборщиков улиц. Не Бог весть какое счастье, очищать по утрам тротуары от обломков рекламных щитов.

— Всем на пол! Это налет! — кричали дюжие парни в масках, врываясь в торговые залы магазинов. Товары — банки, косметика, подгузники — все

летело в большие брезентовые мешки. Мешки тотчас вытаскивали наружу и бросали в кузов мусоровоза. «Фуфло! Красивые этикетки, рассчитанные на дураков! — внушали насмерть перепуганным покупателям парни, размахивая дубинками. — Вы тут все болваны, глупые пескари, клюнувшие на приманку! Хозяин так и велел передать!»

Владелец антикварного салона сидел в своем кабинете, отодвинув в сторону калькулятор: его убытки были уже подсчитаны. В бутылке еще оставалось немного виски, — последнего средства, которое помогало ему сохранять некоторое присутствие духа. Весь день он диктовал своему белому от ужаса секретарю письма, начинавшиеся стандартной фразой «Милостивый государь, я мошенник», и затем тотчас же подписывал очередной чек. Ему казалось, что его рукой водит неподвластная ему сила. «Неизвестный Сезанн! «Ранний» Ван-Гог — это придумать же... — бормотал он, засовывая чек в конверт. — Боже мой, это конец! Я разорен! Что бы сделать? Мой эксперт по картинам постимпрессионистов, подписывавший бумаги, подтверждающие их «подлинность», кажется, выход нашел! Но это так неэстетично — висеть на подтяжках с вывалившимся языком... Спустишь-ка в гараж... На автострадах осталось еще немало столбов от рекламных щитов... Да, пожалуй, это стоящая мысль!»

В большинстве мировых столиц ночи напролет не гас свет в окнах правительственных зданий. «Все заседают!» — восклицали толпившиеся на площадях люди. Какой-то подвыпивший гражданин, поглядев на огни, бормотал в виде самоутешения: «Не мешало бы им *высидеть* Закон, запрещающий болтать правду, — ведь тоже, наверное, люди женатые. Впрочем, все равно: язык себе не отрежешь. А домой идти, однако, надо».

Хонист Бой, кандидат от оппозиции, встав рано, чтобы подготовиться к предвыборному выступлению, ухмыльнулся, когда через окно своей штаб-квартиры увидел все еще желтевшие огни за стеклами Большого Дома. «Сидите? Ну, ну! Немного вам осталось сидеть, — говорил он, массируя руками лицо. — Скоро я стану Президентом Державы. И тогда... почищу вашу авгиеву конюшню. Уж будьте покойны!»

Он повернулся к большому зеркалу на стене и ободрительно улыбнулся своему отражению.

— Дамы и господа! — заговорил он своим приятным баритоном. — Вы знаете мое имя*. Это имя... имя... Что за черт? Ведь еще вечером зубрил, как тупой школяр...

В голове у него что-то щелкнуло.

Иначе он не мог это описать. Именно щелкнуло. Как будто кто-то нажал клавишу «мышки» и открыл требуемый документ. После мгновенной паузы Хонист Бой расхохотался.

— О! Ну и шутник мой родитель! Вы же знаете, как они сентиментальны, эти старые мафиози, для которых семья...

Настойчивый стук в дверь прервал экскурс в золотое детство Хониста Боя.

— Ну что еще? — неохотно откликнулся он.

— Открывай, Хони. Нам пора ехать. Пресса уже ждет.

* Честный (англ.).

Хонист Бой неохотно отпер дверь.

— Арчи, у меня нет желания куда-либо ехать! И вообще, я болен.

Пресс-секретарь жестко улыбнулся и, шагнув через порог, положил руку на плечо Хониста Боя.

— Ничего, Хони, я помогу тебе выздороветь.

Хонист Бой отступил, пропуская пресс-секретаря в комнату.

— Ты не поверишь, Арчи, но я говорю тебе *правду*, — уныло сказал он.

— В это действительно трудно поверить. Ты часом не напился? А то у меня есть таблетки...

— А от *правды* у тебя нет таблетки? — с надеждой спросил Хонист Бой.

Часом позже, лежа на кушетке в кабинете своего психоаналитика, он безуспешно пытался вспомнить, где и как подхватил заразу. (К слову сказать, именно Хонист Бой первым заговорил об инфекционной природе Феномена.) Когда пострадавший от правды политик очнулся от столбняка, в который был ввергнут неожиданностью и необычностью случившегося, то первой его мыслью было: террористическая атака. Но тут он вспомнил карту из телевизионных новостей, дававшую вполне наглядное представление о масштабах предполагаемой «атаки», и его немного смутило, что такое вообще могло прийти ему, человеку здравомыслящему, в голову. «Взор! Это сколько зараженных фанатиков надо было пораскидать по странам, чтобы повернуть такое! Наверняка дело рук вояк в белых халатах. Раззявы!..»

А в городах, где эпидемия правдолюбия свирепствовала особенно, воцарилась паника, словно перед концом света. Многие священники той или другой церкви закрывали свои храмы, осаждаемые многотысячными толпами ополоумевших людей; все рвались исповедаться, даже те, кто никогда не верил в Бога. В конце концов, пришлось вмешаться стражам порядка. Камеры в полицейских участках были переполнены. Вперемешку там сидели и те, кого взяли за попытку таранить трамвайным рельсом двери церкви, и те, кто явился в полицию добровольно: неразоблаченные преступники, изнемогавшие от распиравших их признаний. Усталые охранники успокаивали их, как могли, дубинками.

Судопроизводство пришлось поставить на поток. Слишком много открылось дел. И служители Фемиды, верные своему долгу, работали не покладая рук... то есть судейского молотка. Станные это были сцены суда — всегда странно смотреть, как обвиняемый помогает обвинителю. Обычно бывает как раз наоборот. У законников в отношении этих необычных подсудимых, так охотно и так по детски непосредственно рассказывающих присяжным, каким образом престарелая тетушка сверзилась со ступенек, была не совсем чиста совесть. С одной стороны: явка с повинной. Обстоятельство, смягчающее наказание. Но вот вопрос: насколько *добровольно* явились с повинной эти типы? И были ли они *вполне* вменяемыми, когда свидетельствовали против себя? У судей потели головы под париками. Когда в одной из европейских стран Коллегия юристов обратилась с запросом в Департамент юстиции, оттуда пришел ответ: «Сошлитесь на прецеденты». Как видно, невменяемыми могут быть не только преступники!

Между тем экономика многих стран шла под откос. Упал во всем мире спрос на товары, и виновником этого были сами производители со своей антирекламой. Конкуренты в непринужденной беседе по телефону запросто выбалтовали друг другу финансовые и промышленные тайны, что никак не прибавляло им ума и не шло на пользу делу. Вдобавок, банки стали отказывать в кредитах предпринимателям, слишком нелестно отзывавшимся о собственном бизнесе. Воочию подтверждалась древняя истина: «Язык мой — враг мой!» Правительства стран были в растерянности. Газеты и телевидение непрестанно вешали о падении кабинета министров в том или другом государстве и развлекали публику кадрами драки в парламенте: депутаты, отчаянно лягаясь, лезли на трибуну, чтобы заявить на весь свет, каких недостойных мерзавцев избрал народ.

Впрочем, утверждать, что свихнулся весь мир — от Японии до Аляски, — было бы преувеличением. На Земле оставалось немало мест, которых Феномен не коснулся. Райские уголки под тропиком Козерога. Там жили счастливые люди, не знавшие лжи просто от природы. Если бы кто-нибудь спросил кучерявоголового эдемца, как часто он лжет, тот ни за что не ответил бы «никогда», потому что это действительно было бы ложью. А ложь — это нехорошо, можно и бамбуковой палкой по голове схлопотать. Бесхитростное лицемерие эдемцев сродни инстинкту самосохранения. Не потому ли Феномен их пощадил?

Пока вконец растерявшиеся ученые анатомировали и томографировали тела несчастных самоубийц, мир готовился к катастрофе. Как раз вышла в свет книга Хониста Боя под названием «Надпиливание опор на случай будущего демонтажа». (По совету своего доктора, Хонист Бой сменил трибуну оратора на письменный стол; его оружием теперь стало перо, более послушное, чем предательский язык.) «Черт побери! — восклицали люди, прочитавшие книжку. — Нас что, теперь колонизируют марсиане с щупальцами? Этого только не хватало!»

Забегая вперед, нужно сказать, что Хонист Бой буквально попал пальцем в небо. Но об этом он никогда не узнает.

Видимо, ученые не зря кромсали замороженные трупы. ВИРУС все-таки обнаружился! Собственно, даже не вирус, а некое субмолекулярное создание неизвестной природы, предположительно занесенное на Землю метеоритом. Чип. Во всяком случае, эта штука воздействовала на работу левого полушария головного мозга — полушария, отвечающего за речь. Так вот почему люди-левши, у которых в голове все перевернуто, не утрачивали счастливой способности лгать, в отличие от невезучих правшей.

Когда результаты изысканий были опубликованы, мир вздохнул с облегчением. Повсеместно создавались фонды. Задача облегчалась тем, что в силу сложившихся обстоятельств, спонсоры теперь уже могли доверить свои деньги на благое дело, не опасаясь мошенничества. На какое-то время измученный правдой мир затих в ожидании.

И вот — Благая Весть! Вакцина получена! Это произошло в одной из медицинских лабораторий какого-то заштатного городка в центре Европы. Надо сказать, что в ней работали отнюдь не нобелевские лауреаты, тем не

менее, результат их поисков произвел потрясающий эффект. Первого человека, испытавшего на себе действие вакцины, потом еще не раз показывали по телевидению. С экранов он исчез лишь после того, как был посажен в тюрьму за подделку векселя.

Поначалу стоимость вакцины была баснословной, пока в дело не вмешались власти. Воистину драконовские антимонопольные законы возымели свое действие. Народ не должен страдать из-за алчности сметливых фармацевтов! Во многих странах в срочном порядке создавались специальные Службы Спасения (ССС), которые и занимались проведением тотальной вакцинации населения. Из-за загруженности полиции (в городах вновь вспыхнули бунты), дело передали в ведение армии, этой извечной «палочки-выручалочки». Солдаты в белых халатах, натянутых поверх хаки, особенно не церемонились, хватили на улицах прохожих и приказывали оголить плечо; если на плече гражданина отсутствовал чернильный отпечаток «вакцинирован», доставали из ранца армейский шприц-тюбик. Во многих аэропортах можно было увидеть молодых людей с огромными рюкзаками, набитыми упаковками ампул и шприцов, — волонтеры, они отправлялись оказывать помощь жителям менее благополучных стран. (Позднее туда же направились вертолеты с вооруженными десантниками: вожди некоторых племен посчитали подобную благотворительность излишней, и даже оскорбительной.)

В мегаполисах, с их многомиллионным населением, вирус оставил особенно ядовитые посеивы в виде правдоборческих сект, члены которых противились восстановлению статус-кво. Улицы, по которым проезжали пятнистые грузовики СССР, нередко перекрывались пикетами людей с плакатами «НЕ ОТДАДИМ ПРАВДУ!»; в знак протеста многие натягивали на себя белые халаты с тремя буквами «с», одна из которых была символически зачеркнута; на людных площадях фанатики приковывали себя к фонарным столбам цепями. Тут и там пылали автомобильные покрышки. Кое-где — увы! — власти вынуждены были пустить в ход водометы, резиновые пули и слезогонку. Неблагодарное дело — спасти Цивилизацию! Солдаты со шприцами носились по задымленным кварталам за разбежавшимися бунтарями и приходили в ярость. Те, кто приковался к оградкам и столбам, получили, по-видимому, не по одному уколу. (Можно было только догадываться: политиками они стали впоследствии или изворотливыми мошенниками? Сыворотка действовала безотказно.)

Ничего не известно о судьбе сектантов, которым удалось уйти от погоны. Но, скорее всего, они все-таки сдались позже властям. Во всяком случае, в столицах новых вспышек инфекции как будто бы не отмечалось после тех памятных дней.

..Где-то в горах два крепких парня в шипастых ботинках и с рюкзаками за спиной вытаскивали из пещеры чумазого отшельника. Старик упирался.

— Не брыкайся, папаша. Это, как укусы комарика.

Парни знали толк в своем деле. Один держал отшельника за ворот ряссы, пока другой закатывал ему рукав и вонзал в плечо иглу шприца.

— Ну вот, а ты боялся, папаша. Все тип-топ. Мюнхгаузен теперь может отдыхать.

Спускаясь в долину, волонтеры молчали. И только, когда приблизились к лагерю, один вдруг сказал другому:

- Нильс, а у старика очень странная кожа, будто чешуя у ящерицы.
- Не моется. Цыпки.
- Гм. Может быть, и цыпки. — Парень гадливо вытер руки о штаны.

Поздно вечером двое пастухов, пасших в горной долине овец, стали свидетелями необычного небесного явления. Что-то взлетело к небу из туманного мрака над горами и быстро поднялось кверху; что-то плоское и круглое: вроде перевернутой тарелки.

- Гляди-ка, отец! Опять эта штука!
- Да... летает...
- Больно уж часто она летает.
- И то верно. Подбрось-ка кизяка в костер, что-то мне зябко...

А между тем инопланетный диверсант, проваливший свою цивилизаторскую миссию на планете с таким труднопроизносимым именем — Земля, направлялся со сверхсветовой скоростью к далекому созвездию. Он очень остро переживал свою неудачу. Надо сказать, что это существо с чешуйчатой кожей было не менее эмоционально, чем земной человек. «Как они меня подвели, неблагодарные! — огорченно думал он. — Ведь я хотел сделать их мир чистым и счастливым...»

Что ждет его на родине? Разжалование? Ссылка на примитивные миры?

Шершавой ладонью он погладил правое плечо — все еще ноет... Где-то на краю его сознания шевельнулась диковинная мысль: действительно ли надо всегда говорить правду?

Оказалось, что вакцина, впрыснутая против его воли безжалостными волонтерами, вовсе не бесполезна в иных ситуациях.

Он это смог осознать, когда по прибытии на родную планету был представлен за успешно проведенную операцию к Ордену Правдоносца I степени — высшей награде космического миссионера.

Об авторе

Родился в 1946 году в Одесской области. Окончил Московский гидрометеорологический техникум. 1971-2002 гг. работал на полярных станциях, где и начал писать фантастику. Работает инженером-метеорологом в Верхне-Волжском Управлении по гидрометеорологии, г. Нижний Новгород.

Публикации. Журнал «Юный техник», рассказы: «Особые рекомендации» (2001 г.), «Казнить нельзя помиловать» (2002 г.), «Пожирающий время» (2003 г.), «Памятник» (2005 г.). Журнал «Искатель»: рассказ «Воспоминание о будущем» (2006 г.), повесть «Звезда» (2007 г.) Есть пара публикаций в местных журналах «Нижний Новгород» и «Черный Пруд» (2000 г. и 2007 г.). В приложении «Знание-сила: Фантастика» № 5 за 2007 г. и № 7 за 2008 г. публиковались рассказы «Воскресный пикник» и «Эстафета».